

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

¹ 2 (35)

2013

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор – профессор **Д.Ф. Аяцков**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

Д.Ф. Аяцков – председатель (доктор исторических наук, профессор, директор),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук; **О.А. Лиценбергер**, д-р ист. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **Т.Н. Митрохина**, д-р полит. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Н.В. Тельтевская, д-р пед. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук; **В.Л. Чепляев**, канд. социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2013

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: Professor ***D.F. Ayatskov***
Deputy editor-in-chief: Professor ***O.N. Fomin***
Executive secretary: ***D.V. Akaev***

Editorial council:

D.F. Ayatskov – Chairman (Doctor of History, Professor, Director),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics)*; ***L.V. Konstantinova***,
Doctor of Sciences (Sociology); ***E.G. Lipatov***, *Doctor of Sciences (Law)*;
O.A. Litsenberger, *Doctor of Sciences (History)*;
E.V. Maslennikova, *Candidate of Sciences (Sociology)*;
T.N. Mitrokhina, *Doctor of Sciences (Politics)*;
A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy)*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
N.V. Teltevsckaya, *Doctor of Sciences (Pedagogies)*;
O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law)*;
T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
V.L. Chepliaev, *Candidate of Sciences (Sociology)*

T.N. Mitrokhina
**Lines of Development of Youth
Science in Stolypin Volga Region
Institute of Administration**

The experience of Stolypin Volga Region Institute of Administration in scientific staff preparation is analyzed. Basic lines of development of youth science in a higher education institution in conditions of social transformations are defined.

Key words and word-combinations: youth science, scientific staff training, higher education institution.

Анализируется опыт Поволжского института управления в подготовке научных кадров. Определяются основные направления развития молодежной науки в вузе в условиях общественных трансформаций.

Ключевые слова и словосочетания: молодежная наука, подготовка научных кадров, высшее учебное заведение.

УДК 001.89:378
ББК 72.4+74.58

T.N. Митрохина

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОЙ НАУКИ В ПОВОЛЖСКОМ ИНСТИТУТЕ УПРАВЛЕНИЯ ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА

Задачи, стоящие перед выпускником современного высшего учебного заведения, необычайно сложны. Их решение требует способностей к обобщению, анализу, восприятию информации, определению цели и выбору путей ее достижения. Выпускник должен уметь не только самостоятельно выявлять актуальные проблемы, но и предлагать инновационные способы их решения. Молодой специалист должен не столько владеть необходимой суммой фундаментальных и специальных знаний, которые со временем устаревают, но и уметь ориентироваться в информационно избыточном пространстве, осуществлять сбор эмпирической информации и теоретического материала, получать информацию, имеющую отношение к профессиональной сфере, из различных источников, аккумулировать и анализировать ее в процессе решения задач. Кроме того, следует уметь применять комплекс научных методов, адекватных

достижению поставленной цели и задачам, владеть навыками творческого решения практических задач, быть способным на протяжении жизни повышать свою квалификацию, адаптироваться к изменяющимся условиям, своевременно реагировать на вызовы и запросы времени. Все эти компетенции необходимо сформировать в вузе. Одним из важнейших направлений их формирования является активное участие студентов в научно-исследовательской работе [1, с. 160].

Однако в сложившейся ситуации нелегко осуществлять развитие молодежной науки в полной мере, так как положение отечественной науки сегодня характеризуется как сложное и противоречивое. Политика, направленная на декомпозицию социального статуса и ученого, и преподавателя, привела к оттоку из научной сферы молодежи, лидеров общественного мнения в сфере науки, представителей научной элиты. Мы являемся свидетелями порой избыточных дискуссий в новостных программах и Интернете, в непрофессиональной среде относительно ситуации, сложившейся в научной области. Как следствие, молодежь в науку идет неохотно в силу различных причин, главной из которых является отсутствие ясной государственной политики в сфере молодежной науки в России, определенных перспектив у молодых ученых, решивших посвятить себя науке, ясной мотивации профессионального роста в науке.

Проблемная ситуация прослеживается и в научном дискурсе современной России. Академик В. Фортов еще в 1997 г. писал: «После смены общественно-политической формации 90-х годов российская наука оказалась отодвинутой на задний план, превратилась в “нелюбимого ребенка государства”. Прошлые научные приоритеты “повисли в воздухе”, а новые не были расставлены. Финансирование науки снизилось в 10–15 раз. Мы вплотную приблизились к черте, за которой отечественную науку невозможно будет сохранить даже при достаточном выделении средств» [2]. В 2008 г. он же указывал, что российская наука полностью не востребована государством, обществом, системой государственного управления, и в этом видел главную проблему отечественной науки [3]. В выступлении академика Ю. Осипова на общем собрании Российской академии наук в 2013 г. прозвучала оценка непростой ситуации в отечественной науке: «Многочисленные дискуссии, споры, разговоры о финансовых проблемах, о непродуманных нововведениях, о падении престижа науки в стране – дискуссии и разговоры, которые ведутся часто абстрактно, легковесно и безответственно, в отрыве от реалий – создают в общественном мнении представление о глубоком научном кризисе, о крахе отечественной науки» [4].

Отечественная наука сталкивается с большим количеством застарелых проблем, которые требуют системной работы, и одним, пусть даже мудрым, решением гордиев узел разрубить невозможно. Сложившаяся ситуация требует комплексной терапии. Сегодня и руководство страны, и руководители вузов предпринимают определенные меры, чтобы нормализовать ситуацию в научной сфере. «Руководство страны стало серьезно говорить о необходимости инновационного пути развития для страны, что необходимо развивать новые технологии и подходы, уходить с нефтяной иглы. Но это очень трудный процесс, который требует политической воли, очень ясной траектории движения» [4].

Несмотря на достаточно сложную ситуацию, научная составляющая дея-

тельности в любом вузе занимает важное место. Научно-исследовательская работа студентов является одной из важнейших форм учебного процесса, поскольку позволяет наиболее полно проявить индивидуальность, творческие способности, готовность к самореализации личности.

В Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина созданы все

Выпуск магистрантов-политологов

условия для приобщения студентов к научно-исследовательскому процессу; ведется подготовка кадров на уровне бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, докторантуры, то есть выстроена система подготовки научных кадров снизу и доверху. Работают диссертационные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций. Самостоятельным факультетом стал факультет магистратуры

и аспирантуры, курирующий научную работу магистрантов и аспирантов, в учебных планах которых очень велика научная составляющая. В институте имеются аспирантура по двадцати специальностям и докторантура по двум направлениям. Магистратура работает по девяти направлениям подготовки и шестнадцати магистерским программам. Магистранты имеют возможность с первого дня обучения заниматься научной работой под руководством персонального научного руководителя – профессора.

Формы и методы привлечения молодых ученых к научному творчеству можно разделить на научно-исследовательскую работу, включенную в учебный процесс и, следовательно, проводимую в учебное время в соответствии с учебными планами и рабочими программами, и на научно-исследовательскую работу, выполняемую студентами во внеучебное время.

К первому виду научного творчества относится работа, организованная в рамках учебных дисциплин: специальные лекционные курсы по основам организации научных исследований, различного вида учебные занятия с элементами научных исследований, учебно-исследовательская работа студентов, а также производственная практика. Осуществляется такая деятельность путем выполнения индивидуальных заданий по тематике научно-исследовательских работ кафедры. Студенты собирают фактический материал и производят его первичную обработку с целью дальнейшего использования при выполнении курсовых и дипломных проектов и работ.

Научное руководство студентами в период производственной практики осуществляют преподаватели вуза совместно со специалистами организации. Результаты работы излагаются в отчете, который студенты защищают перед комиссией по окончании производственной практики. Научно-исследовательская

работа студентов при выполнении курсовых и дипломных проектов и работ также включает элементы творчества и научного поиска. Научно-исследовательские работы такого уровня могут иметь следствием внедрение результатов в деятельность организации.

Ко второму виду научно-исследовательской работы относится научная работа студентов, выполненная во внеучебное время. Она реализуется путем их включения в исследовательские группы по тематике научно-исследовательских работ кафедр и вуза, что позволяет обеспечить преемственность научного труда. Руководством исследованием осуществляют преподаватели. К научно-исследовательской деятельности, дополняющей учебный процесс, относится научная работа студентов, предполагающая их самостоятельную деятельность, выходящую за рамки учебных программ и планов обучения. Научные кружки, семинары и лаборатории позволяют студенту заняться научно-исследовательской работой.

Защита диссертационного исследования

Необходимым условием развития научно-исследовательской работы в вузе является участие в ней преподавателей: они должны оказывать необходимое содействие студентам в ее осуществлении. Важно сформировать интерес у студентов к научной деятельности, помочь им понять, что научно-исследовательская работа выступает важным фактором в процессе подготовки молодого специалиста и ученого. Приобретенные таким образом навыки пригодятся ему в течение всей жизни и, в частности, в профессиональной деятельности. Немаловажным также является и поощрение студентов за успехи в научно-исследовательской работе. Студенты должны быть заинтересованы в результатах научной работы, осознавать ее полезность.

Научно-исследовательская деятельность направлена на получение и применение новых знаний. Научное исследование – это процесс познания нового явления и раскрытия закономерностей изменения изучаемого объекта в зависимости от влияния различных факторов для последующего практического использования данных закономерностей. Он включает в себя обучение студентов основам исследовательского труда, привитие им определенных навыков и выполнение научных исследований под руководством преподавателей. В результате освоения компетенций выпускник должен уметь ясно формулировать центральный тезис научной работы, точно определить актуальную проблему и обосновать стратегию ее решения. Исследование не может носить повествовательного характера – оно должно быть целенаправленным и стратегически выверенным. Для этого следует корректно сформулировать тему исследования и

четко определить цель и научные задачи. Необходимо научиться логически выстраивать всю работу и отдельные структурные единицы; овладеть научной литературой по проблеме исследования; знать альтернативные подходы к решению проблемы в современной науке; использовать общенаучные и специфические методы исследования для достижения поставленной цели; проводить различие между вторичными и первичными источниками информации, приводить доказательную аргументацию; уметь формулировать научные результаты своего исследования, практические рекомендации, вытекающие из исследования; овладеть лексикой, снять терминологическую неопределенность.

Процесс научного исследования индивидуален и является ценностью как в образовательном, так и в личностном смысле. В связи с этим необходимо совершенствовать подходы к научно-исследовательской работе, для того чтобы сделать этот процесс наиболее интересным и продуктивным. Важную роль в активизации научно-исследовательского творчества студентов играют научные мероприятия – конкурсы научных работ, творческие конкурсы, научные конференции, круглые столы и дискуссионные площадки.

Участие в работе форумов различного уровня – международных, российских, региональных научных и научно-практических конференций – это одна из самых универсальных неимитационных форм учебного процесса, с одной

Научно-практическая конференция

стороны, и приобщения к научному процессу – с другой. Такое участие многофункционально: молодежь получает навыки публичных выступлений по определенной проблеме, презентации результатов научного творчества и самопрезентации; учится логически выстраивать свои мысли, участвовать в дискуссии, отвечать на самые сложные вопросы. Развитие информационных технологий позволяет студентам участвовать в сетевых проектах – научных

конференциях, круглых столах. На основе онлайн-коммуникаций формируются отношения с зарубежными студентами, а также с партнерами из других вузов и коллегами в рамках Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, что сегодня немаловажно.

По результатам проведенного исследования молодые ученые приобретают навыки написания аннотаций, тезисов и научных статей, а также возможность публиковать тезисы выступлений и научные статьи, в том числе в журналах перечня ВАК РФ, то есть в наиболее авторитетных для научного сообщества журналах. Однако для получения научно значимых результатов молодежь должна активно заниматься научной работой. С этой целью студенты, магистранты и аспиранты вовлекаются в процесс научной работы с первых курсов по грантам в соответствии с приоритетными направлениями.

Они получают навыки оформления грантовых заявок в отечественные и зарубежные научные фонды. Студенты участвуют и в качестве исполнителей по проектам, финансируемым Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Очевидно, что в России не слишком много грантодающих организаций федерального уровня. На необходимость развития грантовой системы поддержки молодежной науки указывают и руководство страны, и ведущие отечественные ученые.

В Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина в 2013 году стартовала система внутренних грантов. Приоритетными направлениями стало изучение таких проблем, как «Проблемы евразийской интеграции: механизмы, интеграционные идеологии, правовое обеспечение» и «Интеграция России в ВТО, региональные проблемы и перспективы». Гранты получили 14 вузовских коллективов. Грант представляет собой целевое выделение денежных средств, направленное на финансовую поддержку ученых перспективных, которые могут в результате научных исследований получить практически значимые результаты, представить рекомендации по проблеме. В научные коллективы включены не только преподаватели разных кафедр, но и магистранты, аспиранты и студенты. Молодежь под руководством маститых ученых, которых в вузе немало, получает в вузе прекрасный опыт научной работы. За многие годы в Поволжском институте сформировались научные школы: учителя и ученики, преемственность, многолетние традиции, известные ученые и их научные труды.

Важным направлением развития молодежной науки является участие студентов в научных конкурсах вузовского, областного, российского и международного уровней. Эта форма работы позволяет активизировать креативную составляющую интеллектуальной деятельности. Чтобы выиграть конкурс, необходимо предложить нестандартное решение проблемы или уже иметь научно значимые результаты. Студенты института неоднократно побеждали в самых престижных конкурсах, доказывая свою конкурентоспособность.

Одним из важных направлений развития молодежной науки следует считать работу над качеством исследований, и в том числе борьбу с плагиатом. Интернет сегодня становится не только источником необходимой информации и средством коммуникации, но и проблемой для преподавателя. Склонность скачать готовую информацию из сети некоторые «молодые ученые» преодолеть не в состоянии. Проверка научных работ с помощью программы «Антиплагиат» позволяет выявить незаконные заимствования чужих текстов, грубые формы плагиата.

В современных условиях научно-исследовательская работа студентов превращается из средства развития творческих способностей наиболее одаренных студентов в систему, которая позволяет повысить качество подготовки бакалавров и магистров, вообще всех специалистов с высшим образованием. В связи с этим сегодня студенты ориентируются на то, что научная работа является важнейшим компонентом образовательного процесса и подготовки специалиста высшей категории.

В целом перед гуманитарной наукой (в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина преобладает гуманитарная наука) стоят амбициозные задачи, главная из которых – оперативно и адекватно реагировать на запросы времени. На повестке дня сегодня – активизация работы по традиционным для вуза научным направлениям, повышение качества научных исследований и разработок, укрепление связи науки и практики, ориентация научных исследований на решение задач государственного масштаба, развитие сетевых форм научного сотрудничества и обмена информационными ресурсами и непременно привлечение молодежи к научным исследованиям. В. Фортов, избранный в 2013 г. президентом РАН, считает, что у гуманитариев в России дел ничуть не меньше, чем у представителей естественных и точных наук, и в первую очередь это разработка стратегии и идеологии развития российского общества и государства с учетом геополитических факторов. Поколению молодых ученых предстоит сказать свое слово в науке.

Библиографический список

1. Митрохина Т.Н., Самсонова Е.А. Ценностный мир современной российской молодежи: структура и факторы формирования // Некоторые проблемы теории и практики современной российской политики. Саратов, 2011.
2. Интервью с В. Фортвым // Рос. газ. 1997. 14 окт.
3. Владимир Фортов о состоянии дел в российской науке // Особое мнение. 2008. 4 июня.
4. Из выступления академика Ю.С. Осипова на общем собрании Российской академии наук. 28 мая 2013 г. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e6af2355-d43e-4ef8-9719-a2ba4b24e662>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

A.G. Sokolov
**Crisis Discourse of Liberal
Democratic Party of Russia**

The article examines how Liberal Democratic Party of Russia displays economic crisis in its political discourse. The basic quantitative and qualitative characteristics of the party crisis discourse are studied.

Key words and word-combinations: crisis, discourse, political parties, LDPR.

Исследуется отражение в политическом дискурсе Либерально-демократической партии России кризисных экономических явлений. Рассматриваются основные количественные и качественные характеристики партийного кризисного дискурса.

Ключевые слова и словосочетания: кризис, дискурс, политические партии, ЛДПР.

УДК 329(470+571)
ББК 66.69(2)

А.Г. Соколов

КРИЗИСНЫЙ ДИСКУРС ЛИБЕРАЛЬНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ

Политические партии по-разному воспринимают вызовы окружающей политическую систему среды, по-разному интерпретируют эти вызовы для обработки в процессе принятия политических решений и по-разному транслируют в массы собственную интерпретацию процессов в обществе и государстве. Эти различия и определяют степень привлекательности партий для различных социальных групп.

Одним из важнейших вызовов последних лет для российской политической системы стал экономический кризис 2008 г. Российские политические партии по-разному отражают его в своем политическом дискурсе, в зависимости от своего места в иерархии политической власти и собственного позиционирования в идеологическом пространстве.

Исследования кризисного дискурса политических партий позволяют определить эффективность стратегии и тактики партийной коммуникации, разработать рекомендации по

совершенствованию взаимодействия политических партий (а на их примере – и других общественных организаций) с обществом по наиболее острым вопросам российской политики, а государству – оценить конкретные установки российских политических партий своему электорату, транслирующиеся ими в стратегически важной сфере стабилизации и модернизации экономики.

Кризисные дискурсы основных субъектов российской политики в последнее время достаточно активно изучаются в рамках российской политической науки, в том числе саратовскими учеными [1]. При работе над проектом «Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ» в рамках целевого конкурса РГНФ по поддержке молодых ученых 2011–2012 гг. нами был проведен анализ кризисного дискурса партий «Единая Россия» и КПРФ [2]. Следующим этапом на основании уже апробированных методов стал анализ кризисного дискурса ЛДПР как третьей по представительству в законодательных органах власти политической партии России.

Для исследования кризисного дискурса ЛДПР определена источниковая база в виде материалов официального сайта партии, затрагивающих экономический кризис. В источниковую базу попало 245 разноплановых материалов, охватывающих период с 2008 по 2012 г.

При анализе кризисного дискурса ЛДПР в первую очередь была исследована хронологическая интенсивность данного дискурса. В рамках этого параметра рассмотрено изменение не только объемов кризисной коммуникации с течением времени в целом, но и соотношения вклада в кризисный дискурс ЛДПР отдельных ее составляющих.

Первой публикацией, затрагивающей мировой экономический кризис, на официальном сайте ЛДПР стал анонс книги лидера партии В.В. Жириновского и его советника доктора экономических наук М.Н. Сидорова «Другая экономическая политика» от 28 июня 2008 г. [3]. Работа в том числе посвящена потенциальной угрозе экономического кризиса в США для России.

На второе полугодие 2008 г. приходится всего лишь 4,5% кризисных материалов, размещенных на официальном сайте ЛДПР, на 2009 г. – 22,6%, на 2010 – 40,3%, на 2011 – 26,3% и на 2012 г. – 6,1%. Подобная хронология заметно отличается от наблюдаемого у «Единой России» и КПРФ, после всплеска антикризисных мер и PR-акций 2008–2009 гг., значительно уменьшивших частоту упоминаний об экономическом кризисе. На сайте же ЛДПР, наоборот, по мере преодоления кризиса материалов о нем становилось все больше. Обсуждение кризиса прекратилось лишь в 2012 г.

При изучении интенсивности кризисного дискурса ЛДПР особое внимание уделялось соотношению различных групп субъектов в производстве кризисной коммуникации. По нашему мнению, следует выделить пять основных групп, заметно отличающихся отношением к российской власти и местом в партийной иерархии.

Первое место по представленности в кризисном дискурсе ЛДПР безоговорочно занимает лидер партии В.В. Жириновский. Связанные с ним информационные материалы составляют 38,6% всей кризисной коммуникации партии. Для

сравнения, материалы о В.В. Путине в кризисном дискурсе «Единой России» занимают 6,5%, а материалы о Г.А.Зюганове в кризисном дискурсе КПРФ – только 5%.

В.В. Жириновский как политик с более чем с 20-летним стажем, неоднократный участник избирательных кампаний всех уровней, много лет работающий в Государственной Думе, безусловно обладает значительными ресурсами в рамках российской политической системы. Но при этом его неоднозначная репутация вкупе со склонностью к популизму [4] делают его кризисную коммуникацию неоднозначной как с точки зрения восприятия, так и с точки зрения осуществления в виде реальных антикризисных мер.

Весьма обширно представлены в кризисном дискурсе ЛДПР депутаты Государственной Думы от партийной фракции (19,7% рассматриваемого объема). Больше всего внимания при этом уделяется выступлениям М.С. Рохмистрова – депутата фракции ЛДПР в Государственной Думе четвертого и пятого созывов, занимавшего посты первого заместителя руководителя фракции и заместителя председателя думского Комитета по собственности: на его долю приходится 7,7% кризисной коммуникации ЛДПР. Следом идет с 3,7% процента кризисного партийного дискурса депутат Госдумы пятого созыва, создатель межфракционного депутатского объединения по делам инвалидов В.С. Селезнев.

Третья группа представлена различными подразделениями партийной структуры ЛДПР, выступающими в данном контексте как самостоятельные субъекты: это аналитический отдел, пресс-служба партии, аппарат партии, советники лидера партии и т.д. Данная группа является субъектом в 21,4% материалов, отнесенных к кризисному дискурсу ЛДПР. Ее представители целенаправленно формируют кризисный дискурс от имени партии, что отличает ЛДПР от «Единой России» (в чьем кризисном дискурсе субъекты, не имеющие властных полномочий, вообще представлены слабо) и от КПРФ (чья пресс-служба для формирования кризисного дискурса использует больше материалов из не аффилированных с партией источников, нежели собственных разработок).

Четвертую группу субъектов кризисной коммуникации ЛДПР составляют представители региональных отделений партии. На их долю приходится 17,2% кризисного дискурса партии. В целом 24 региональных отделения, попавшие в число субъектов кризисной коммуникации, на всероссийском уровне представлены достаточно равномерно, за исключением Вологодского отделения, на чью долю пришлось 2% от общероссийского кризисного дискурса партии.

Пятую оригинальную группу субъектов кризисного дискурса ЛДПР составляют избиратели с их письмами в партию. В общем объеме кризисной коммуникации они составляют всего 2,3%, но при этом являются уникальным явлением, служащим, скорее всего, для демонстрации обратной связи между партийным руководством и электоратом.

Следует отметить, что при рассмотрении кризисного дискурса ЛДПР по годам соотношение указанных групп заметно изменяется. Так, в 2008–2009 гг. В.В. Жириновский меньше говорит о кризисе по сравнению с аппаратом партии, а высокое представительство депутатов Государственной Думы в кризисном дискурсе наблюдается только в 2010 г.

Важным направлением анализа стало выявление основных тенденций в понимании субъектами кризисного дискурса ЛДПР собственно кризиса. От восприятия субъектом того или иного явления полностью зависит характер его поведения в отношении явления. В связи с этим важно понять восприятие партией кризиса.

Субъекты, формирующие кризисный дискурс ЛДПР, воспринимают это явление как: а) модный политический тренд; б) угрозу того или иного типа; в) исторический факт.

Схожее с «Единой Россией» видение кризиса как модного политического тренда, что подчеркивает связь субъекта дискурса с актуальными политическими и экономическими проблемами, занимает почти половину кризисного дискурса ЛДПР – на 4% больше, чем у «Единой России». Упоминание кризиса способствует росту доверия адресатов информационного материала к субъекту кризисного дискурса, поскольку хотя бы внешне затрагивает важную для адресатов проблему.

Кризис как угроза воспринимается примерно в 24% информационных материалов, образующих кризисный дискурс ЛДПР. Внутри этой тенденции господствует прежде всего понимание кризиса как фактора риска для российской экономики, в меньшей степени – кризиса как опасности, угрозы населению и государству.

Следует особо отметить то, что 15% кризисной коммуникации ЛДПР связано с отношением отдельных субъектов партийного дискурса к кризису как к внешнему относительно России фактору. Подобная оценка кризиса зачастую характеризуется откровенной эксплуатацией стереотипов времен «холодной войны», использованием теорий заговора и тому подобных методов манипулятивного воздействия на адресатов коммуникативных актов.

Весьма внушительно выглядит тенденция восприятия кризиса как факта истории: она выявлена в 11% материалов кризисного дискурса ЛДПР.

В ходе исследования выявлен важный параметр кризисного дискурса ЛДПР – уровень инициативности субъектов в отношении антикризисных мер. В кризисном дискурсе ЛДПР этот показатель достигает 34%, что в полтора раза выше, чем у «Единой России», и заметно выше, чем у КПРФ. При этом возможностей по реализации собственных антикризисных предложений у субъектов кризисного дискурса ЛДПР заметно меньше, чем у КПРФ, не говоря уже о «Единой России».

Среди предлагаемых ЛДПР антикризисных мер на первом месте стоит комплексное преобразование российской экономики в русле государственного капитализма. Предложения в данном контексте содержатся в четверти материалов, заключающих в себе какие-либо реальные антикризисные предложения и составивших всего 26% от общего массива исследуемой информации. «Наша экономика должна быть транспортной. И можно брать кредиты. У нас огромное количество алмазов, углеводородов. Деньги можно брать, чтобы пустить их в экономику. Если снова пускать их в финансовую систему – наши граждане недовольны, и мы, ЛДПР, будем категорически против. Нельзя брать деньги и закручивать их в финансовые махинации. Главное, чтобы был здоровый инстру-

мент. И в этом смысле лишних денег никогда не бывает», – считает В.В. Жириновский [5].

На втором месте (13%) находятся меры тарифного регулирования, касающиеся в том числе налогов и сборов.

Третье место (5%) делят предложения по кредитной политике и поддержке моногородов. Определенный вес в кризисном дискурсе ЛДПР имеют предложения по миграционной политике, перераспределению бюджетных средств, меры по поддержке сельского хозяйства, правовая помощь и меры по содействию трудоустройства в период кризиса.

При этом следует отметить, что 31% антикризисных предложений ЛДПР составляют одиночные упоминания таких мер, как улучшение профильного образования, отказ от командной экономики (что несколько противоречит «генеральной линии» партии), развитие инфраструктуры и т.д.

Резюмируя, можно сделать вывод, что кризисный дискурс ЛДПР значительно зависит от текущей политической конъюнктуры и ориентированности на разные слои электората одновременно. В.В. Жириновский и его соратники готовы предложить достаточно хорошо обоснованную и релевантную ожиданиям значительной части населения страны программу построения государственно-капиталистической экономики, сочетающую модернизационные тенденции рыночной экономики и традиции советского социалистического хозяйствования, а также протекционистскую внешнеэкономическую политику и развитую систему социальной защиты. Но склонность к популизму (регулярно проявляемая в том числе и самим В.В. Жириновским) и несогласованность субъектов кризисного дискурса размывают определенность этой программы, делая кризисный дискурс ЛДПР еще более зависящим от политических трендов, нежели дискурсы «Единой России» и КПРФ. Ориентация на комплексные экономические преобразования и практика реальной помощи гражданам теряются за потоками риторики и демагогическими коммуникативными практиками, что снижает эффективность воздействия кризисного дискурса ЛДПР на аудиторию.

Библиографический список

1. Митрохина Т.Н. Динамика кризисного дискурса правящей элиты (по материалам официальных выступлений Председателя Правительства РФ в 2008–2011 гг.) // Вестн. Пермского ун-та. Сер.: Политология. 2012. № 3. С. 87–93.
2. Соколов А.Г. Кризисный дискурс «Единой России» и КПРФ: сравнительный анализ // Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия: мат-лы VI Всерос. конгресса политологов. Москва, 22–24 нояб. 2012 г. М., 2012. С. 434.
3. Другая экономическая политика: [официальный сайт ЛДПР]. URL: http://ldpr.ru/#ldpr_talks/Party_press/Books/Other_economic_policy
4. Образы кандидатов в президенты-2012 в массовом сознании / Е.Б. Шестопал [и др.] // Власть. 2012. № 3. С. 186–190.
5. Выдержки из выступления В. В. Жириновского в эфире телеканала «Вести-24»: [официальный сайт ЛДПР]. URL http://ldpr.ru/#leader/The_leader_in_media/Excerpts_from_the_speech_of_Vladimir_Zhirinovskiy_in_the_TV_channel_Vesti24

A.E. Yakovlev
E. Rosenstock-Huessy's
Methodology in the Research
of Proactive Defense
of the Election Campaign Space

B. Obama's election campaign messages system in 2007–2008 is analyzed on the basis of E. Rosenstock-Huessy's methodology of humanities. The possibility of diversifying W.L. Benoit's defense function into the reactive and proactive types of defense is shown.

Key words and word-combinations: election campaign, political discourse, messages functions.

На основе методологии гуманитарного исследования О. Розенштока-Хюсси проанализирована система месседжей избирательной кампании Б. Обамы 2007–2008 гг. Показана возможность диверсификации функции защиты, выделенной У.Л. Бенуа, на реактивную и проактивную.

Ключевые слова и словосочетания: избирательная кампания, политический дискурс, функции месседжей.

УДК 324:81'23
ББК 66.3(0),131:81.002.3

А.Е. Яковлев

МЕТОДОЛОГИЯ О. РОЗЕНШТОКА-ХЮССИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОАКТИВНОЙ ЗАЩИТЫ ПРОСТРАНСТВА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

В настоящее время, когда разница между публично декларируемыми предвыборными обещаниями кандидатов практически исчезает, становится особенно важным изучение избирательной кампании как *специальной системы* речевого воздействия, где на первый план выходит актуализация возможностей «скрытых» месседжей (сообщений, посылов) кампании. Полученные при этом результаты зависят от методологической позиции исследователя, адекватной оптики видения обнаруживаемых компонентов этой системы и их конфигурации.

Наша гипотеза состоит в том, что методология гуманитарного исследования О. Розенштока-Хюсси, известная как «грамматический метод», позволяет проанализировать такой компонент системы речевого воздействия, как «защита», более глубоко, чем это сделано в современной литературе и практиках построения избирательной кампании.

Материалом исследования стали три предвыборных выступления Б. Обамы в ходе избирательной кампании 2007–2008 гг.: “Presidential Announcement” (10 февраля 2007 г.); “A More Perfect Union” (18 марта 2008 г.) и “Final Primary Night – Presumptive Democratic Nominee Speech” (3 июня 2008 г.).

Пространство избирательной кампании – разновидность социального пространства,

определяемая П. Бурдые как «структура социальных позиций» [1, с. 38]. Она достаточно сложна, но ее ключевые места в рассматриваемом случае занимают «кандидат», «оппонент» и «электорат». Капитал, за который идет борьба, – голоса избирателей.

Одна из функций пространства избирательной кампании – трансляция кандидатом месседжей, воздействующих на когнитивную систему электората, и ее трансформация желательным для кандидата образом с учетом «присутствия оппонента». Вся эта система речевого воздействия составляет дискурс избирательной кампании.

В настоящее время данный дискурс изучен весьма основательно. К числу признанных лидеров теории и практики дискурс-анализа избирательной кампании относится У.Л. Бенуа – профессор Миссурийского университета (США). Созданная им и его учениками «функциональная теория» дискурса избирательной кампании получила широкое признание в США и других странах, о чем свидетельствуют публикации У. Бенуа и его учеников, накопленная ими огромная эмпирическая база.

С точки зрения У.Л. Бенуа, месседжи избирательной кампании выполняют три потенциальные функции. «Во-первых, месседжи кандидата должны восхвалять его или, другими словами, повествовать избирателям о его положительных сторонах» [2, с. 92]. Акцентирование желаемых качеств или взглядов кандидата, по мнению У.Л. Бенуа, способно представить его в лучшем свете на фоне оппонентов, в частности, для тех избирателей, которые высоко ценят данные качества и взгляды.

Итак, одна из функций месседжей избирательной кампании – это *функция восхваления* (Acclaiming) кандидата или акцентирования его желаемых качеств. По справедливому замечанию Бенуа, «кандидаты зачастую восхваляют одни и те же цели: создание рабочих мест, снижение роста инфляции, защиту государственных интересов. Восхваление может представить кандидата в положительном свете, однако может спровоцировать и противоположный эффект» [2, с. 94].

Вторая функция месседжей, выделяемая Бенуа, – это *нападение* (Attacking), или критика оппонента. Определение слабых сторон противника способно сделать его менее привлекательным для избирателей (опять же для тех избирателей, которые положительно относятся к тактике нападения).

У.Л. Бенуа приводит ряд свидетельств, доказывающих, что избиратели скорее склонны положительно воспринимать нападки на предлагаемый кандидатом политический курс, чем на личности [3], поэтому некоторые нападения могут вызвать эффект, обратный желаемому. Результаты другого исследования показывают, что положительная политическая реклама имеет такую же силу воздействия на избирателей, как и отрицательная [4].

Третья возможная функция месседжей предвыборной кампании, выделяемая У.Л. Бенуа, – это *защита* (Defending), или утверждения, отрицающие нападения. «Своевременная и подходящая защита потенциально способна предотвратить дальнейшее поражение от нападков оппонентов и способна вернуть шансы кандидата, частично утраченные в результате нападений», – указывает У.Л. Бенуа [3, с. 109].

Следует отметить, что У. Бенуа говорит о защите, «способной предотвратить дальнейшее поражение», и о защите, способной «вернуть частично утраченные шансы», как об одной и той же функции. На наш взгляд, именно это положение функциональной теории дискурса избирательной кампании нуждается в пояснении и уточнении на основе методологии О. Розенштока-Хюсси.

В своих исследованиях по социологии и психологии О. Розеншток-Хюсси (1888–1973) прослеживает, каким образом человек открывает себя самого посредством речи и как можно анализировать общественные учреждения с помощью метода, названного им «грамматическим». Если М. Бубер в работе «Я и Ты» показал, что человек раскрывается в двойственной действительности [5], то О. Розеншток-Хюсси убежден, что человек на самом деле раскрывается в четырех аспектах.

«Когда собираются вместе двое или более людей, многообразие отношений, возможных между ними, не бесконечно. Возможны следующие типы комбинаций или чистых форм этих отношений:

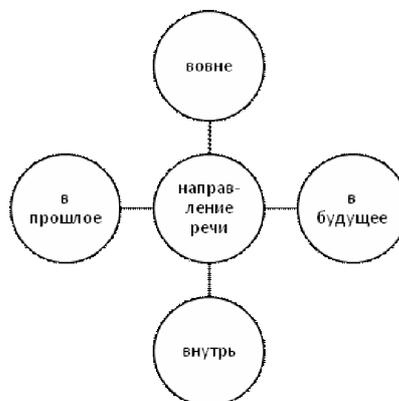
Говорящий и слушающий единоклубны, настроены на общий лад. Они соглашаются между собой.

Говорящий и слушающий «сомнительны» друг для друга, разобщены и настроены по-разному. Друг другу они чужие.

Говорящий зависит от слушающего, ожидая от него каких-то действий в ответ на свои слова.

Слушающий зависит от говорящего, поскольку говорящий уже совершил какое-то действие» [6, с. 124].

Первая комбинация соответствует внутреннему аспекту речи, вторая – внешнему, третья – возвратному, направленному в прошлое, а четвертая – поступательному, направленному в будущее. Четыре речевые ориентации в действительности по отношению к будущему и прошлому – во времени, по отношению к внутреннему и внешнему миру – в пространстве в совокупности составляют крест, который О. Розеншток-Хюсси называет «крестом реальности» (рисунок).

Крест реальности О. Розенштока-Хюсси

Рассмотрим функции месседжей избирательной кампании в контексте выделенных О. Розенштоком-Хюсси четырех аспектов речи.

Внутреннему (inward) аспекту речи в полной мере соответствует функция восхваления, внешнему (outward) – нападения. Защита, которую У.Л. Бенуа считает о способной «вернуть частично утраченные шансы», соответствует возвратному (backward) аспекту речи, а защита, «способная предотвратить дальнейшее поражение» – поступательному (forward) аспекту.

Защита, направленная в прошлое, – это реакция на нападение оппонента. Назовем ее «реактивной защитой».

Очевидно, что кроме реактивной защиты существует защита, направленная в будущее, которую предлагается назвать «проактивной защитой». Термин «проактивная защита» удобен в двух отношениях: во-первых, сохранение компонента «защита» подчеркивает его родство с аналогичной функцией, выделенной У.Л. Бенуа; во-вторых, компонент «проактивная» (в отличие от реактивной) указывает на направленность этой защиты в будущее.

В классической риторике существует синонимичный термин – «пролепсис». «Традиционно пролепсис (от др.-греч. prolepsis – предположение, предчувствие, предвосхищение, предвидение) – понимался как фигура речи, употребляемая в двух значениях: 1) упоминание будущих событий или свойств как заранее ожидаемых; 2) предвосхищение повествующим ожидаемых возражений или сомнений и их опровержение. Эту форму также часто называют прокаталепсис» [7].

Исследования показывают, что в предвыборных речах Б. Обамы употребляется фигура пролепсиса во втором значении, то есть часть месседжей его избирательной кампании имеет функцию проактивной защиты.

В частности, объявляя о намерении баллотироваться на пост президента США (“Presidential Announcement”, 10 февраля 2007 г.), Обама говорит: «Я отдаю себе отчет в том, что моя заявка на президентство звучит весьма самоуверенно и смело. Я знаю, что я еще только начал осваивать принципы Вашингтона. Но я уже достаточно долго пробыл там, чтобы понять, какие из этих принципов должны быть изменены».

В данном случае Обама предвосхищает возможные сомнения в своих способностях управлять страной ввиду молодости и опровергает эти сомнения.

И далее, в той же речи: «Наверняка найдутся те, кто не поверит, что мы сможем сделать все это. Я понимаю их скептицизм. В конце концов, каждые четыре года кандидаты из обеих партий дают одинаковые обещания, думаю, что и этот год не станет исключением. <...> Вот почему нынешняя кампания не может быть ради меня, она должна быть ради нас, ради того, что мы сможем сделать все вместе».

Здесь использован тот же прием пролепсиса – предвосхищение возможных возражений и их опровержение.

В другой речи – “Final Primary Night – Presumptive Democratic Nominee Speech” (3 июня 2008 г.) Б. Обама снова использует пролепсис: «Есть и те, кто говорит, что праймериз делают нас слабее и разобщеннее. Хорошо, я отвечу им, что благодаря этим праймериз миллионы американцев голосуют первый раз в жизни».

Факты использования данного риторического приема Б. Обамой, по нашему мнению, позволяют утверждать, что в его предвыборных речах присутствуют меседжи, выполняющие функцию защиты, но не реактивной, не ответа на нападение, а проактивной, направленной в будущее на возможные нападения оппонента.

В результате использования данной методологии можно сделать выводы. Во-первых, функция защиты, выделенная У.Л. Бенуа, может быть диверсифицирована и рассмотрена как реактивная и проактивная. Во-вторых, проведенный анализ системы меседжей избирательной кампании позволяет представить ее в форме не трех (как у У.Л. Бенуа), а четырех векторов: вектор, направленный *внутрь*, соответствует функции *восхваления*; вектор, направленный *вовне*, соответствует функции *нападения*; вектор, направленный *в прошлое*, соответствует функции *реактивной защиты*; вектор, направленный *в будущее*, соответствует функции *проактивной защиты*.

Таким образом, методология гуманитарного исследования О. Розенштока-Хюсси, известная как «грамматический метод», дает возможность проанализировать такой компонент системы речевого воздействия, как «защита», более глубоко, чем это сделано в современной литературе, но сфера ее применения этим не ограничивается. Потенциал «грамматического метода» позволяет исследовать не только *систему меседжей* избирательной кампании, полученные результаты имеют большое значение для изучения других явлений и систем пространства избирательной кампании.

«Грамматический метод» О. Розенштока-Хюсси дает большие преимущества при анализе выступлений кандидата и его конкурентов; в общем проектировании стратегии защиты и нападения пространства избирательной кампании; написании текстов кампании – спичрайтинге; планировании в ходе кампании мероприятий, направленных на соблюдение баланса всех четырех функций.

Библиографический список

1. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / сост. и общ. пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. СПб., 2007. Ч. 1.
2. *Бенуа У.Л.* Функциональная теория дискурса избирательной кампании // Э.В. Будаев, А.П. Чудинов Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. С. 92–119.
3. *Johnson-Cartee K.S., Copeland G.* Southern voters' reactions to negative political ads in the 1986 election // Journalism Quarterly. 1989. Vol. 66.
4. *Allen M., Burrell N.* The negativity effect in political advertising: A meta-analysis // The persuasion handbook: Developments in theory and practice / J. P. Dillard & M. Pfau (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2002.
5. *Бубер М.* Я и Ты // М. Бубер. Два образа веры. М., 1995. С. 15–92.
6. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1994.
7. *Горте М.А.* Фигуры речи: терминологический словарь. М., 2007.

O.V. Tugova
Communicative Practices
in Brand Management

Features of brand management applying the concept of “lovemark” are researched. The special attention is paid to the content of the vector “mystery” in the brand communication of the presented concept.

Key words and word-combinations: communication practices, brand, “lovemark”.

Исследуются особенности управления брендом с применением концепции «марка любви». Особое внимание уделяется содержанию в коммуникациях бренда вектора «загадочность» в представленной концепции.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникативные практики, бренд, «марка любви».

УДК 339.138
ББК 65.291.3

О.В. Тугова

КОММУНИКАТИВНЫЕ
ПРАКТИКИ В ПРОЦЕССЕ
УПРАВЛЕНИЯ БРЕНДОМ

Управление брендом для современных компаний – путь к достижению взаимопонимания с потребителем и повышению стоимости бренда. Сегодня состояние рынка характеризуется стремительным ростом числа брендов и ожесточением конкурентной борьбы между ними. Это побуждает компании к упрочению своего положения за счет продвижения бренда и укрепления его позиций в определенном рыночном сегменте. Однако бренд не может существовать самостоятельно, выполняя предназначенные ему функции, необходимы действия по управлению им.

Управление брендом – это комплекс мероприятий, направленный на формирование в сознании потенциального потребителя устойчивого образа бренда путем эффективных коммуникаций и, как следствие, повышение экономических показателей бренда.

Одной из главных задач управления брендом является целенаправленная деятельность по формированию приверженности потребителей к компании, что достигается за счет разнообразных коммуникативных приемов. Выбор наиболее эффективных технологий коммуникаций бренда – непростая задача для брендмейкеров.

Компании – операторы сотовой связи выступают ярким примером использования различных коммуникативных приемов для продвижения своих брендов.

«Бренд – это не представление о самом товаре, а представление о ценности этого товара, которая определяется не через цену,

а через то уникальное эмоциональное переживание, которое он вызывает у потребителя, обладая следующими характеристиками: отношение к нему потребителя, ценность, лояльность, устойчивость, восприятие имиджа» [1].

Первоначально в маркетинге употреблялся термин «торговая марка» [2; 3], либо термины «торговая марка» и «бренд» использовались параллельно [4]. Существующие отличия в содержании этих двух понятий в том, что «торговая марка – это лишь набор идентификационных символов и особенностей товара, в то время как бренд – это ее восприятие потребителем» [5, с. 19].

К. Робертс предложил собственную технологию брендинга, центральную позицию в которой занимает понятие «марка любви», пришедшее на смену «бренду». Согласно этой технологии для формирования «марки любви» необходимо развивать содержание коммуникаций товара и потребителя в трех направлениях: загадочность, чувственность и интимность [6]. Вектор загадочности рассматривается К. Робертсом через призму таких атрибутов, как яркие истории, сочетание прошлого, настоящего и будущего, устремление в мечты, великие мифы и символы, вдохновение, что означает постоянное поддержание интереса потребителей к бренду.

Аспекты брендинга в рамках технологии «марка любви» рассмотрены в работах ряда российских исследователей. Как доказано С. Лелюхиным, бренд шоколада советской эпохи «Аленка» соответствует статусу «марки любви», поскольку при формировании содержания коммуникаций бренда соблюдены все три вектора [7]. Связь понятий «необрендинг» и «марки любви» изучена А. Кульманом, который заключил, что основная цель необрендинга заключена в формировании устойчивых долгосрочных чувств, а не кратковременных непостоянных эмоций [8].

Для проверки гипотезы объектом исследования избран слоган рекламных кампаний «Живи на яркой стороне». Теоретико-методологическая основа исследования – модель коннотации Р. Барта, согласно которой «означающее», или денотативное значение является прямым значением объекта, а «означаемое», или коннотативное значение формирует интерпретационный уровень посредством описания ассоциаций, возникающих в подсознании у смотрящего субъекта [9].

Исследование включало анализ видеороликов рекламных кампаний, проведенных в период с 2006 по 2012 г.

Основная маркетинговая идея ролика, созданного в 2012 г. (режиссер Е. Герлингс) [10] – побудить потребителя выбрать тариф «Все включено», позволяющий путешествовать по родной стране, не затрачивая больших средств на телефонные разговоры с близкими людьми.

«Билайн» предоставляет возможность с помощью мобильной связи создавать яркую историю своих путешествий, реализуя самые дерзкие мечты и ментально делась впечатлениями с близкими людьми.

Для тарифа «Мир Билайн», запущенного в прокат в 2010 г., компания нашла интересный подход, сняв видео с использованием детского рисунка. А. Петров, известный мультипликатор, создал ролик, персонажами которого являются девочка и члены ее семьи [11]. Здесь «Билайн» проявил себя как прекрасный помощ-

ник в долгожданном общении с любимыми родственниками, и неважно, где они находятся в данный момент – в Одессе, Самарканде или Саратове, – радость от общения с семьей не заставит долго ждать.

В 2006 г. «Билайн» запустил имиджевый ролик под девизом «А что вспомню я?» [12]. Главная идея ролика – донести до потребителей ценности бренда «Билайн», где через героя оператор обращается непосредственно к каждому из нас, заставляя вспомнить прошлое и, возможно, что-то изменить в будущем. Эта концепция соответствует слогану кампании «Живи на яркой стороне»: иными словами, живи «ярко» сегодня, и тебе будет о чем вспоминать в будущем. Налицо атрибут «марки любви» – сочетание прошлого, будущего и настоящего.

Совместная интегрированная коммуникационная кампания «Билайн» и Facebook, стартовавшая в сентябре 2012 г., посвящена новой партнерской программе, дающей пользователям возможность бесплатного доступа с мобильных телефонов к Facebook. Основная идея отражена в видеоролике производства компании «Bazelevs Production» (режиссер А. Бах) [13]. Авторы ролика убеждают в необходимости ценить каждое мгновение своей жизни – ведь все состоит из мгновений, которые подчас очень важны и значимы. Абонентам предоставляется еще одна возможность поделиться яркими событиями своей жизни в Facebook, используя мобильное устройство. Коннотативное значение: как верно было подмечено, «мы не помним дни, мы помним мгновения»; важно то, что происходит сейчас, в данный момент. Билайн вдохновляет своих абонентов делиться этими «мгновениями» в режиме онлайн с использованием Facebook.

Актуальной в 2012 г. стала новогодняя рекламная кампания тарифного плана «Ноль сомнений» от «Билайн», разработанная агентством «Contrapunto» [14]. Новый год – популярный праздник, все любят его суетливую, яркую дружескую атмосферу. В основе коннотативного значения лежит идея объединения родных, близких и друзей в праздник. И если это не представляется возможным, то «Билайн» с тарифом «Ноль сомнений» создаст яркую историю взаимных поздравлений абонентов в новогоднюю ночь.

Концепция К. Робертса содержит еще два вектора: чувственность и интимность. Чувственность предполагает восприятие человеком окружающего мира через зрение, осязание, обоняние, вкус и слух. Выявить атрибуты этого вектора в коммуникациях кампании можно, прибегнув к концепции сенсорного брендинга М. Линдстрема [15]. Идея заключается в том, что передача информации осуществляется посредством использования пяти органов чувств человека. Рекламные кампании в свою очередь пытаются воздействовать на них, создавая устойчивые ассоциации с брендом.

Под интимностью понимается эмпатия, верность, страсть и одержимость. Эмпатия – один из эффективных способов коммуникации с целевой аудиторией. Оценив продукт глазами потребителя, можно создать устойчивые эмоциональные связи между потребителем и брендом, что и является целью всех кампаний, активно занимающихся брендингом. Для выявления атрибута «эмпатия» целесообразно провести ивент-анализ мероприятий «Билайн». Чем больше

в коммуникациях бренда атрибутов одного из трех векторов «марки любви», тем устойчивее эмоциональная связь с потенциальными потребителями.

Особенности маркетинговых коммуникаций российских федеральных операторов сотовой связи исследованы в работе Г. Герасимовой. Внимание автора сосредоточено на мобильном Интернете, уникальном маркетинговом канале, предоставляющем доступ к популярным социальным сетям с помощью мобильного телефона в рамках выгодного тарифа, где часть услуг, включая мобильный Интернет, не имеют ограничения [16].

Сравнительный анализ PR-коммуникаций «Билайн», МТС, «Мегафона» выполнен В. Алёниным [17]. Он изучил онлайн-конференции, рассылки, публикации в Интернет-СМИ, контакт с традиционными СМИ через Интернет, рекламные акции и конкурсы в сети. По мнению автора, фирменный стиль должен соответствовать деятельности компании вне сети. Особенности Интернет-рекламы заключаются в следующем: необходимо постоянно продвигать сайт и отслеживать индексы цитируемости, умело сочетать баннерную и контекстную рекламу, использовать онлайн-игры и социальные сети. Проанализировав PR-кампании за период 2009–2010 гг., В. Алёнин пришел к выводу, что Интернет прочно внедряется в PR-технологии и в дальнейшем будет происходить качественное развитие этого канала коммуникации.

В результате проведенного исследования определено, что за период с 2006 по 2012 г. видеореклама «Билайн» претерпела изменения, связанные с социальными особенностями коммуникаций оператора. В роликах все чаще внимание акцентируется на ценностях человеческих взаимоотношений и саморазвитии. При этом «Билайн» выступает связующим звеном между абонентом и его потребностями в общении, в желании поделится эмоциями, рассказать о событиях своей жизни, проявить заботу о тех, кто рядом, воплотить свои мечты в реальность.

Анализ объединяет идея радости от жизни во всем ее многообразии, будь то общение с родными, близкими и друзьями или путешествия по России и миру, использование современных технологий в коммуникациях или размышления о прошлом. В результате исследования видеорекламы установлено, что в коммуникациях бренда присутствуют атрибуты вектора «загадочность» технологии «марка любви». Компании, внедряя данный подход к брендингу, не просто повышают конкурентоспособность и формируют лояльность потребителей к бренду, а стремятся установить долгосрочные отношения, основанные на положительных эмоциях людей.

Библиографический список

1. *Нарышкина М.* Специфика управления брендом: [сайт «Лаборатория рекламы маркетинга и Public relations»]. URL: <http://www.advlab.ru/articles/article463.htm>
2. *Котлер Ф.* Маркетинг менеджмент. СПб., 2011.
3. *McCarthy E.J., Perreault W.* Basic Marketing: a managerial approach // Irwin. Homewood, Boston, 1990.
4. *Ламбен Ж-Ж.* Менеджмент, ориентированный на рынок. СПб., 2006.
5. *Тамберг В., Бадьин А.* Бренд: Боевая машина бизнеса. М., 2005

6. Робертс К. Lovemarks: Бренды будущего. М., 2005.
7. Лелюхин С.В. Шоколад «Аленка»: тайна рождения советского бренда // Визуальные аспекты культуры – 2007. Ижевск, 2007.
8. Кузьман А.Н. Необрендинг: от эмоций к чувствам // Маркетинг в России и за рубежом. 2010. С. 88–97.
9. Барт 1994 – Барт Р. s/z. М., 1994.
10. Артемий Лебедев снялся в рекламе Билайна: [сайт «Креативная реклама»]. URL: <http://www.adme.ru/celebrity-marketing/artemij-lebedev-snyalsya-v-reklame-bilajn-young-rubicam-moscow-346555/>
11. И все мы одна семья. Тариф «Мир Билайн»: [сайт telead]. URL: <http://www.telead.ru/beeline-world.html>
12. «Билайн» дал достойный ответ яйцам в новой имиджевой кампании: [сайт «Креативная реклама»]. URL: <http://www.adme.ru/creativity/bilajn-dal-dostojnyj-otvet-yaicam-v-novoj-imidzhevoj-kampanii-721/>
13. «Билайн» и Facebook проводят первую совместную кампанию: [сайт «Реклама. Маркетинг. PR»]. URL: http://www.sostav.ru/news/2012/09/25/beeline_facebook/
14. «Билайн» запустил новогоднюю кампанию: [сайт «Реклама. Маркетинг.PR»]. URL: http://www.sostav.ru/news/2012/12/03/bilajn_novyy_god/
15. Линдстром М. Чувство бренда. Воздействие на пять органов чувств для создания выдающихся брендов. М., 2006.
16. Герасимова Г.Н. Маркетинговые коммуникации основных игроков рынка мобильного интернета // Практический маркетинг. 2012. № 1. С. 31–37.
17. Алёнин В. Сравнительный анализ PR-коммуникаций в сети Интернет ведущих операторов сотовой связи в России (МТС, «Билайн», «Мегафон»): [сайт «Энциклопедия знаний»]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/212/92134.php>

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

L.F. Krivachuk
**Conceptual Approaches
to the Formation and
Implementation of State Policy
in the Field of Child Protection
in Ukraine**

Scientific and methodological approaches and features of the formation and implementation of state policy in the field of child protection are studied. The strategic priorities and mechanisms for the formation and implementation of state policy in the field of child protection are identified.

Key words and word-combinations: public policy, child protection, approaches, strategy.

Исследуются научно-методологические подходы и особенности формирования и реализации государственной политики в сфере охраны детства. Определены стратегические приоритеты и механизмы формирования и реализации государственной политики в сфере охраны детства.

Ключевые слова и словосочетания: государственная политика, охрана детства, подходы, стратегия.

УДК 316.334.3(477)
ББК 66.3(0)5(4Укр)

Л.Ф. Кривачук

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДЕТСТВА В УКРАИНЕ

Процесс формирования и реализации государственной политики, в частности государственной политики в сфере охраны детства, имеет свои особенности, что отражено в ряде методологических подходов к развитию данного явления. Первые попытки представить осуществление политики как последовательность определенных этапов были сделаны в 1940–1960-х годах Г. Саймоном и Г. Лассвеллом, предложившим свои обоснования действий управленческих структур. Позже эту схему разнообразили, усложнили, приспособивая каждый раз к конкретным ситуациям [1, с. 44].

В. Парсонс указывает на цикличность процесса политики и выделяет следующие основные шесть этапов: определение пробле-

мы; поиск альтернативных вариантов (решений); оценка вариантов; выбор варианта политики; внедрение; оценивание [2, с. 85]. На цикличность процесса государственной политики обращал внимание В. Данн, который, совершенствуя подход Дж. Андерсона [3], предложил пять этапов процесса осуществления политики: установление повестки дня; формулирование проблемы; формирование политики; внедрение политики; оценка политики [4, с. 36–41].

Процесс создания политики, как отмечают М. Говлет и М. Рамеш, можно разбить на отдельные подпроцессы, связанные между собой образованием непрерывного цикла. Стадии цикла соответствуют пяти стадиям решения прикладных проблем: установление повестки дня (признание наличия проблем); формулирование политики (предложение возможных решений); принятие решений в государственной политике; внедрение государственной политики; воплощение принятых решений; оценка государственной политики (окончательный анализ и оценка результатов) [5, с. 118–201, 217].

Осуществление политики – сложная проблема. В этом процессе нельзя предусмотреть всех возможных важных административных деталей. В связи с этим исследователи государственной политики считают, что осуществление политики – это одна из самых сложных фаз ее развития. Б. Гогвуд и Л. Ган показали это на собственной модели «совершенного осуществления политики» и определили десять предпосылок этого процесса [6].

Вместе с тем, как отмечает Лесли А. Пал, «немного пессимистический вывод заключается в том, что в определенной степени мы должны быть готовы к неудаче, потому, что политика почти никогда не осуществляется совершенно. Мудрость в делах осуществления политики начинается с понимания того, что оно и тяжелое, и имеет характер эксперимента, поэтому осуществление политики – это процесс выполнения, совершенствования, реализации планов и концепций» [7, с. 249, 256].

При этом ключевым следует считать тезис Лесли А. Пала о том, что основой формирования и реализации любой государственной политики является концепция. Однако в современной Украине, несмотря на то что охрана детства определена на законодательном уровне в Законе Украины «Об охране детства» «стратегическим общенациональным приоритетом» [8], приходится констатировать, что с момента ратификации в Украине Конвенции ООН о правах ребенка в 1991 г. и до сих пор не было принято на законодательном уровне документа стратегического методологического характера – доктрины, декларации, концепции, который бы определял концептуальные основы формирования и реализации государственной политики в сфере охраны детства (далее – ГПОД). Например, Декларация «Об общих началах государственной молодежной политики в Украине» была принята в 1992 г., Концепция государственной семейной политики – в 1999 г.

Государственная политика в сфере охраны детства, как и в целом государственная политика, осуществляется в трех направлениях: государственное строительство, формирование государственной политики, реализация государственной политики. Таким образом, предметом исследования являются второе и третье направления: формирование и реализация государственной политики в сфере охраны детства.

Государственную политику формируют только отдельные органы государственной власти, преимущественно высшие, а реализацию осуществляет вся система

государственного управления. Определение основ внутренней и внешней политики относится к полномочиям Верховной Рады Украины, а осуществление внутренней и внешней политики отнесено к компетенции Кабинета Министров Украины. Государственная политика в отдельной сфере провозглашается соответствующим нормативно-правовым актом – Законом Украины, Постановлением Кабинета Министров Украины и т.д. Государственную политику в сфере охраны детства в современной Украине регулирует Закон Украины «Об охране детства» [8].

Как показал анализ нормативно-правовой базы за период 1991–2012 гг., впервые на законодательном уровне в Украине понятие «государственная политика в сфере охраны детства» было использовано в 2001 г. в Законе Украины «Об охране детства», однако сегодня данное понятие или подобное по смыслу понятие не определено ни одним нормативно-правовым актом Украины. В связи с этим предлагается авторское определение этой дефиниции: государственная политика в сфере охраны детства – это составляющая общегосударственной политики, специфическая, приоритетная деятельность органов государственной власти, местного самоуправления и других институтов в сфере охраны детства, которая включает систему приоритетов, задач, принципов, основных направлений и механизмов с целью создания социально-экономических, политико-правовых, организационных условий и гарантий для физического, интеллектуального, культурного развития детей, обеспечения и защиты их прав и законных интересов.

Концепция государственной политики в сфере охраны детства должна стать теоретико-методологической и нормативно-правовой основой ГПОД и, по нашему мнению, включать концептуальные положения и идеи, определяющие цель, стратегические приоритеты, главные задачи, принципы, направления, механизмы формирования и реализации государственной политики в сфере охраны детства.

Цель государственной политики в сфере охраны детства понимается как создание социально-экономических, политико-правовых, организационных условий и гарантий для физического, интеллектуального, культурного развития детей, обеспечения и защиты их прав и законных интересов.

Важным элементом Концепции государственной политики в сфере охраны детства являются, с нашей точки зрения, стратегические приоритеты этой политики. Государственная политика в сфере охраны детства основывается на признании за детьми всей полноты социально-экономических, политических, личных прав и свобод, закрепленных Конституцией Украины и другими нормативно-правовыми актами, действующими на территории Украины. Следовательно, стратегическим приоритетом государственной политики в сфере охраны детства выступает, на наш взгляд, приоритет прав детей.

Статья 3 Конвенции ООН о правах ребенка (1989) устанавливает основной принцип государственной политики в сфере охраны детства: «Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка» [9]. Таким образом, этот принцип определяет второй стратегический приоритет государственной политики в сфере охраны детства – приоритет интересов детей.

При осуществлении государственной политики в сфере охраны детства следует учитывать интересы детей, которые сегодня должны стать активными участниками решения задач, стоящих перед государством и обществом. Необходимо на государственном уровне создавать условия для самореализации детей и включения их в процессы развития государства. Это расширит социальную базу преобразований, обеспечит социальное, культурное и экономическое воспроизводство и развитие страны. Отсюда следует третий стратегический приоритет государственной политики в сфере охраны детства – приоритет участия детей.

Создать эффективную адекватную современным требованиям государственную политику в сфере охраны детства, учитывающую особенности современного государства, общества, детей, – первоочередная задача государственной власти. Одновременно это требует соответствующих финансовых ресурсов и смещения акцентов в направлении приоритетного финансирования программ, касающихся детей. Так, четвертым стратегическим приоритетом государственной политики в сфере охраны детства является приоритет эффективного финансирования сферы охраны детства.

Итак, к стратегическим приоритетам государственной политики в сфере охраны детства следует отнести приоритет прав детей; приоритет интересов детей; приоритет участия детей; приоритет эффективного финансирования сферы охраны детства.

На современном этапе развития государства среди важных задач государственной политики в сфере охраны детства можно выделить следующие:

- изучение и мониторинг положения детей; создание условий и гарантий для обеспечения благополучия детей;
- создание равных условий для доступа каждого ребенка к высококачественному образованию в целях обеспечения развития личности, общества и государства; пропаганда национальной культуры и духовного наследия; содействие духовному и культурному развитию детей; поддержка одаренных детей;
- обеспечение условий для рождения здорового ребенка; сохранение здоровья каждого ребенка в течение всего периода детства; обеспечение доступа к высококачественным медицинским услугам; формирование здорового образа жизни детей;
- создание условий для утверждения в обществе семейных ценностей, материального обеспечения семей с детьми, обеспечение их нравственного здоровья; воспитание ответственного отцовства и предотвращение социального сиротства; реабилитация безнадзорных и беспризорных детей, склонных к бродяжничеству и попрошайничеству; развитие семейных форм устройства детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки;
- обеспечение социально-правовой защиты детей разных категорий (детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, детей-инвалидов, детей-беженцев, детей с девиантным поведением и т.д.); предоставление им высококачественных психологических, социально-педагогических, социально-медицинских, юридических, информационных услуг; создание условий и гарантий для их развития и социализации;
- осуществление мероприятий по профилактике негативных явлений среди детей; противодействие торговле детьми, сексуальной эксплуатации детей, насилию и жестокому обращению с детьми;

– обеспечение реализации права детей высказывать свое мнение; формирование навыков принятия социально мотивированных решений; развитие детских общественных организаций, их государственная поддержка и повышение действенности.

Для формирования и реализации ГПОД следует определить принципы, на которых основана эта политика. Под принципами понимают главное, исходное положение теории, учения, науки, мировоззрения; руководящую идею; основное правило деятельности [10, с. 262]. На наш взгляд, основными принципами государственной политики в сфере охраны детства выступают следующие: принцип обеспечения и защиты прав, гарантий и законных интересов детей; принцип наилучшего обеспечения интересов детей; принцип приоритета; принцип гуманности; принцип участия; принцип партнерства.

Принцип обеспечения и защиты прав, гарантий и законных интересов детей требует создания в государстве необходимых условий и гарантий для обеспечения определенных законодательством Украины прав и свобод детей на всей территории Украины, «независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения детей и их родителей (или лиц, их заменяющих) или любых других обстоятельств», а также гарантирование государством «всем детям равного доступа к бесплатной юридической помощи, необходимой для защиты их прав» [8]. Сегодня чрезвычайно важно в формировании и реализации государственной политики в сфере охраны детства сместить приоритеты в направлении обеспечения задекларированных на законодательном уровне прав, свобод и гарантий детей.

Принцип наилучшего обеспечения интересов детей предусматривает, как указано в Конвенции ООН о правах ребенка (1989), ратифицированной в Украине в 1991 г., что «во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка» [9].

Принцип приоритета состоит в соблюдении и учете в процессе формирования и реализации ГПОД предложенных в концепции стратегических приоритетов (приоритет прав детей, приоритет интересов детей, приоритет участия детей, приоритет эффективного финансирования сферы охраны детства). В то же время, согласно этому принципу, должны осуществляться и поддерживаться прежде всего те программы, проекты и инициативы, которые способствуют решению острейших по времени и ситуации проблем детей.

Принцип гуманности требует на всех этапах формирования и реализации ГПОД ориентироваться на ребенка, его потребности, интересы, ценности; при этом обязательным является гуманное отношение к ребенку, учет его индивидуальных особенностей. Руководствуясь принципом гуманности в формировании и реализации ГПОД, следует использовать в отношении детей преимущественно методы воспитания и убеждения, предусматривающие принятие принудительных мер лишь после исчерпания всех других мер воздействия на пове-

дение детей, сохранение тайны о детях, совершивших правонарушения и к которым применялись меры индивидуальной профилактики, недопустимость унижения чести и достоинства детей, жестокого обращения с ними [11].

Принцип участия определяет, что активным субъектом ГПОД выступают дети, детские общественные организации, другие социальные и общественные детские учреждения. Важным представляется участие детей в принятии решений, касающихся как их непосредственно, так и в целом процесса осуществления государственной политики в сфере охраны детства. Практика государственного управления подтверждает правомерность соблюдения этого принципа, поскольку именно принцип участия предусматривает включение детей во все властные структуры, общественные объединения и институты, активную деятельность в них.

Принцип партнерства предусматривает привлечение к формированию и реализации ГПОД различных государственных, общественных и социальных институтов, действующих в интересах детей; развитие международного сотрудничества; использование дополнительных ресурсов для реализации государственных социальных программ в сфере охраны детства; координацию усилий в исследованиях и анализе результатов, их постоянном оценивании и открытом обсуждении; обобщение лучших достижений, обмен опытом; обеспечение межотраслевого многоуровневого сотрудничества, приспособленного к реалиям внедрения политики.

Концептуальным положением предлагаемой Концепции государственной политики в сфере охраны детства является то, что формирование и реализацию такой политики следует, по нашему мнению, осуществлять в двух системах – «ребенок – семья» и «ребенок – общество». Государственное управление охраной детства целесообразно осуществлять в рамках этих двух систем, воздействуя на ребенка через семью и через общество. Следовательно, направления ГПОД можно определить в двух системах – «ребенок – семья» и «ребенок – общество».

К основным направлениям государственной политики в сфере охраны детства в системе «ребенок – общество», с нашей точки зрения, относятся образование, культурное и духовное развитие детей; охрана здоровья и формирование здорового образа жизни детей; социально-правовая защита детей; профилактика негативных явлений среди детей; участие детей в жизни общества, формировании и реализации ГПОД.

Основными направлениями государственной политики в сфере охраны детства в системе «ребенок – семья», по нашему мнению, являются создание условий для воспитания и социализации детей в семье; предотвращение детской беспризорности; развитие семейных форм устройства детей-сирот и детей, лишенных родительского попечительства; государственная социальная поддержка семей с детьми; противодействие насилию в семье и жестокому обращению с детьми.

Формирование и реализация любой деятельности осуществляется посредством механизмов, под которыми в основном понимают совокупность способов и средств реализации целей, преобразования планов в действия; определение порядка конкретного вида деятельности. В понятие «механизм государственного управления» включаются те практические меры, средства, рычаги, стимулы, с помощью которых органы государственного управления влияют на общество с целью достижения поставленных перед ними целей [12, с. 16].

Инструментарий и механизмы формирования и реализации государственной политики, которые одновременно выступают элементом содержания этой политики, утверждает В. Тертичка, необходимо анализировать как один из главных факторов создания и осуществления эффективной политики, так как проблемы и цели в любой сфере общественной деятельности являются относительно постоянными и общепонятными, а инструменты и механизмы внедрения преимущественно определены нечетко [13, с. 94].

В настоящее время в Украине механизмы формирования и реализации государственной политики в сфере охраны детства законодательно не определены ни одним нормативно-правовым актом, поэтому важными элементами Концепции государственной политики в сфере охраны детства необходимо считать, по нашему мнению, следующие механизмы формирования и реализации государственной политики в сфере охраны детства:

– правовой механизм: принятие нормативно-правовых актов, решений органов государственной власти, местного самоуправления, направленных на формирование и реализацию ГПОД; разработка и принятие государственных целевых программ;

– организационный механизм: деятельность в органах государственной власти, местного самоуправления структурных подразделений и коллегиальных органов, занимающихся проблемами детей и действующих в сфере охраны детства;

– информационный механизм: проведение ежегодных слушаний о положении детей; разноплановые исследования по проблемам детей; осуществление мониторинга в сфере охраны детства; информирование общественности по вопросам формирования и реализации ГПОД; влияние медиапространства (СМИ, Интернет-ресурсы);

– социальный механизм: деятельность национальных и международных организаций, детских и молодежных общественных организаций, социальных, и других общественных институций в интересах детей;

– финансовый механизм: выделение в государственном и местном бюджетах целевых средств на финансирование ГПОД; деятельность специальных фондов.

Таким образом, представляется, что от продуманной и эффективной государственной политики в сфере охраны детства зависит обеспечение достойной жизни будущих поколений юных граждан. Предлагаемые концептуальные подходы к формированию и реализации государственной политики в области охраны детства должны способствовать развитию данных направлений в этой сфере, совершенствованию государственного регулирования в рамках охраны детства и улучшению положения детей в стране.

Библиографический список

1. Дем'янчук О. Державна політика і державне управління: політологічні аспекти. К., 2008.
2. Парсонс В. Публічна політика: вступ до теорії і практики аналізу політики / пер. з англ. О. Дем'янчука. К., 2006.
3. Anderson James E. Public Policymaking. Boston, 2000.
4. Дани Вільям Н. Державна політика: основи аналізу / пер. з англ. Г. Краснокутського. Одеса, 2005.

5. Говлет М., Рамеш М. Дослідження державної політики: цикли та підсистеми політики / пер. з англ. О. Рябова. Львів, 2004.
6. Hogwood Brian W., Gunn Lewis A. Policy Analysis for the Real World. Oxford, 1984.
7. Пал Лесли А. Аналіз державної політики / пер. з англ. І. Дзюб. К., 1999.
8. Об охране детства: Закон Украины от 26 апр. 2001 г. № 2402-III (в ред. от 1 янв. 2013 г.). URL: [http:// zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2402-14](http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2402-14)
9. Конвенция ООН о правах ребенка от 20 нояб. 1989 г. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_021
10. Социологический энциклопедический словарь / ред.-коор. акад. РАН Г.В. Осипов. М., 2000.
11. Об органах и службах по делам детей и специальных учреждениях для детей: Закон Украины от 24 янв. 1995 г. № 20/95-ВР (в ред. от 1 янв. 2013 г.). URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/20/95-вр>
12. Бакуменко В.Д., Руденко О.М. Методологічні аспекти аналізу суб'єктів державного управління // Науковий вісник Академії муніципального управління: зб. наук. праць. К., 2009. Вип. 1. С. 6–18.
13. Тертичка В.В. Державна політика: аналіз і впровадження в Україні: дис. ... д-ра держ. упр.: 25.00.01 «Теорія та історія державного управління». К., 2004.

G.V. Tovkanets
Active Forms and Methods
of Training in Educational
Process of Czech Republic
and Slovakia's Higher Education

The implementation of active forms and methods of training students in modern educational process of higher educational institutions in Czech Republic and Slovakia is considered. The main attention is drawn to the virtual projective and cooperative learning.

Key words and word-combinations: project method, cooperative learning, information and communication medium of instruction, Czech Republic, Slovakia.

Рассматриваются вопросы внедрения активных форм и методов обучения студентов в современном учебно-воспитательном процессе высших учебных заведений Чехии и Словакии. Основное внимание привлечено к виртуальному, проективному и кооперативному обучению.

Ключевые слова и словосочетания: метод проектов, кооперативное, виртуальное и проективное обучение, информационно-коммуникационные средства обучения, Чехия, Словакия.

УДК 371.3(437)
ББК 74.202(4Чех)+(4Сло)

А.В. Товканец

АКТИВНЫЕ ФОРМЫ
И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ
ШКОЛЫ ЧЕХИИ
И СЛОВАКИИ

В современном образовательном процессе высшей школы назрела необходимость формирования системы многосторонней коммуникации, призванной способствовать быстрому включению студентов в профессиональную учебно-познавательную и учебно-производственную деятельность без длительного «вживания» в работу, поддерживая деятельность на необходимом уровне активности.

Исследование данной проблемы проводилось нами на основе анализа специальной и

научно-педагогической литературы и в процессе непосредственного изучения учебно-воспитательного процесса в высших учебных заведениях Чехии и Словакии.

Формированию у студентов положительного мотива к обучению способствуют активные формы и методы обучения, дающие возможность студенту самостоятельно определять ближайшие и конечные цели обучения, теоретическую и практическую значимость знаний и профессиональную направленность учебного материала.

Рассмотрим подробнее активные формы и средства обучения в высшей школе Чехии и Словакии, способствующие активизации мыслительной деятельности, выделив среди них интерактивное, кооперативное, проективное, открытое и виртуальное обучение.

Интерактивное обучение рассматривается как стратегия университетского образования, целью которого является интеллектуальная автономность студента при развитой социальной компетентности, что определяется многими современными университетами как миссии [1; 2]. В интерактивном обучении предполагается смещение акцента с деятельности преподавателя на деятельность студента.

В таких условиях происходит переоценка задач преподавателя и студента, в связи с чем в европейской, в том числе чешской и словацкой, образовательной системе основное внимание направлено на совершенствование деятельности преподавателя.

В Чехии согласно поправке к Закону о высшем образовании № 147/2001 с целью обеспечения непрерывного обучения в рамках аккредитованных программ разрешается проходить обучение дистанционно. Формированием курсов в области дистанционного обучения занимается Национальный центр дистанционного обучения Чехии, где разработаны специальные справочники, рекомендации для студентов высших учебных заведений с обоснованием алгоритма действий по усвоению курса в условиях дистанционного обучения [3].

Организацию участия студента в образовательном процессе можно представить с помощью модели, предложенной американскими исследователями Ч. Бонеллом и Т. Сазерленд [4]. Они выстраивают стратегию интерактивного обучения, а если точнее – стратегию активного обучения, в которой студент становится активным участником процесса присвоения знаний и конструирует свое знание.

Стратегия активного обучения является некоторым непрерывным множеством способов организации активной учебной деятельности студентов. В этом множестве, исходя из некоторых факторов, выбираются задачи, адекватно способствующие более активному участию студентов в учебной деятельности.

Выбор сложности задачи в непрерывном множестве интерактивного обучения зависит от трех факторов – цели, которую ставит преподаватель в курсе; опыта преподавателя по организации взаимодействия в аудитории; уровня опыта студентов [4, с. 52–54]. По нашему мнению, в таких случаях успешность учебной деятельности будет зависеть от умения преподавателя активизировать на основе психолого-педагогического анализа индивидуальные особенности личности студентов.

Кооперативное обучение является одним из способов реализации интерактивного обучения, во многих моделях которого заложены конструктивистские подходы. Потенциально кооперативное обучение предполагает достижение

интеллектуальной автономности человека и возможности развития социальной компетентности. Происходит это за счет взаимодействия пяти основных компонентов [2, с. 94–95] – положительной взаимозависимости; структурированной индивидуальной ответственности; обеспечения стимулирования студентами успехов друг друга; обучения студентов необходимым социальным навыкам и обеспечения их использования; создания условий для включения студентов в групповой процесс (определение способов совершенствования используемых студентами процессов обучения).

По мнению П. Шевчука и П. Ферриха [5], хорошо запланированное интерактивное обучение должно готовиться как совокупность нескольких этапов: определение потребностей адресатов в обучении, установление целей обучения, создание концепции обучения, подбор адекватных методов обучения. Важными условиями выступают компетентность преподавателей, наличие учебного помещения, технических средств обучения, методических, учебных и информационных материалов, учебной программы [5, с. 43–56].

Проективное обучение – это определенные сложные практические задачи (тематический набор), которые необходимо решать как теоретическими, так и практическими методами деятельности, что приводит к формированию адекватного образовательного продукта. Чешские ученые считают, что нельзя абсолютизировать метод проектов. Они подчеркивают, что обучение не может быть построено только на основе ограниченного опыта студентов или для создания проектов в оппозиции к обучению как регулярному и систематическому курсу, потому что студент должен свои знания, навыки и опыт синтезировать и ввести в контекст реальных ситуаций, а это возможно только в рамках системного обучения [6, с. 81; 7, с. 10–15].

Так, чешский педагог И. Проух отмечает, что в процессе проективного обучения студенты учатся обрабатывать определенные проекты на основе экспериментов прагматической педагогики и принципа инструментализма. Такой метод, по мнению И. Проуха, поддерживает мотивацию студентов и коллективную форму обучения. Проекты могут осуществляться в форме интегративных тем, практических задач из реальной жизни, что формирует новый образовательный визуальный или словесный продукт [8, с. 232].

Дизайн способа организации учебного материала при проективном обучении может быть представлен в виде серии проектов или частей обучения. Студенты работают над реализацией конкретного проекта, а сам проект в целом становится средством достижения цели обучения. Каждый проект состоит из количества вопросов или проблем, стимулирующих студентов приобретать навыки предпринимательской деятельности [8, с. 6]. «Метод проектов является конкретным типом учебных задач, в которых студенты должны выработать цель и направления своей деятельности. Это задача, которая требует инициативы, творчества и организационных способностей, а также ответственности за решение проблем, связанных с данной темой» [9, с. 49].

Преимуществом проектной деятельности следует считать умения, которые приобретают студенты, а именно: планировать свою работу, предварительно просчитывая возможные результаты; использовать множество источников ин-

формации, самостоятельно собирать и накапливать материал; анализировать, сопоставлять факты, аргументировать свое мнение; принимать решения; устанавливать социальные контакты (распределять обязанности, взаимодействовать друг с другом); создавать «конечный продукт» – материальный носитель проектной деятельности (доклад, реферат, фильм, календарь, журнал, проспект, сценарий); готовить цикл занятий по темам, которые заинтересовали бы студентов; представлять созданное перед аудиторией; оценивать себя и других.

Метод открытого обучения [10, с. 93] – это комплекс методов обучения, симбиоз методов, организационных структур и идеологического проекта, который направлен на сокращение растущего разрыва между образовательными учреждениями и обществом. Функция педагога из контролирующей становится регулирующей. Студент готовит еженедельный план работы, согласованный с преподавателем, где указывается учебная деятельность, которая должна осуществляться им в течение строго определенного времени, и учебная деятельность в так называемое свободное время (свободный труд). Акцент также делается на развитие социальных отношений в студенческой группе и формирование коллективистских навыков. Важную роль играет система взаимного общения.

Особенностями открытого обучения являются активность и самостоятельность студентов, открытость к обучению, сердечность и сотрудничество между различными субъектами, искренность и сердечность студенческой среды (семья, община), неформальное плодотворное сотрудничество.

Современное общество все больше приобретает черты информационного. При этом информационное общество требует нового, более качественного уровня образования и новых методов его предоставления. Эти требования обусловлены большим привлечением людей в процессы, где требуется высокий уровень специального образования, а также постоянной потребностью в переквалификации специалистов, поскольку технологии развиваются стремительно.

Виртуальное образование [11, с. 11–12] – это трансформация внутренних качеств реальных субъектов (студента, преподавателя), происходящая в результате их совместного взаимодействия (виртуального учебного процесса)

По степени использования систем виртуального образования в Чехии и Словакии можно выделить три направления:

1. *Учебные заведения, вся работа которых строится исключительно на Интернет-технологиях.* Через Всемирную сеть осуществляется все: выбор учебного курса, его оплата, проведение занятий со студентами, предложение контрольных заданий и их проверка, а также составление промежуточных и итоговых экзаменов. Такие учебные центры называются виртуальными университетами, но их пока не так много. Это направление только начинает активно внедряться, однако преимущества его использования бесспорны (Виртуальный факультет в Техническом университете в Остраве, Виртуальный университет третьего века в Чехии, с более 400 образовательными программами; Дубницкий технологический институт в Словакии).

2. *Наиболее многочисленное направление составляют учебные заведения, сочетающие различные традиционные формы и дистанционное обучение с технологическими Интернет-новациями.* Например, некоторые высшие учеб-

ные заведения часть своих программных курсов переводят в виртуальную форму: в частности, создают лингафонные классы для обучения иностранным языкам без преподавателя. В свою очередь, центры дистанционного обучения, хотя и опираются на Интернет-технологии, в то же время не отказываются от практики проведения очных экзаменационных сессий. В любом случае компьютеризированным будет только часть процесса.

3. *Учебные центры, для которых Интернет служит лишь внутренней коммуникационной средой.* Они могут создавать для себя сайты-визитки, на которых размещают информацию об учебных программах (планах), семинарах, расписание студенческих занятий, университетские новости, фотографии и виртуальные экскурсии, а также библиотечные каталоги. По сути, это всего лишь реклама традиционных высших учебных заведений, которая сама по себе не несет никакой образовательной нагрузки.

Таким образом, в результате исследования можно сделать выводы, что активные формы и методы в учреждениях высшей школы Чехии и Словакии направлены на организацию многосторонней коммуникации в учебной деятельности и формирование самостоятельности студента, что способствует совершенствованию профессиональной и социальной компетенции. Наиболее продуктивным на современном этапе является использование дистанционного обучения и виртуальных технологий, обеспечивающих доступность качественного образования и развитие его инновационного характера.

Библиографический список

1. Бар Р.Б., Таг Д. От обучения к учению – новая парадигма высшего образования / пер. с англ. Р. Е. Гайлевича // Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению. Минск, 2001. С. 13–39.
2. Джонсон Д.В., Джонсон Р.Т., Смит К.А. Кооперативное обучение возвращается в колледж / пер. с англ. Л.Г. Кирилук // Университетское образование от эффективного преподавания к эффективному учению. Минск, 2001. С. 87–107.
3. Příručka E-studenta pro výběr a užitečnou komunikaci s E-učitelem. Národní centrum distančního vzdělávání [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nicm.cz/narodni-centrum-distančního-vzdělávání-0>
4. Бонуэлл Ч.К., Сазерленд Т.Е. Непрерывность активного обучения: выбор видов деятельности для активизации учебной работы студентов в аудитории / пер. с англ. Л.Г. Кирилук // Университетское образование от эффективного преподавания к эффективному учению. Минск, 2001. С. 47–66.
5. Інтерактивні методи навчання: навч. посібник / за заг. ред. П. Шевчука і П. Фенриха. Щецін, 2005.
6. Dvořáková M. Projektové vyučování v české škole. Praha, 2009.
7. Dömischová I. Brainstorming ve výuce. In Trendy ve vzdělávání 2010. Informační technologie a technické vzdělávání. Olomouc, 2010. S. 50–54.
8. Průcha J., Walterová E., Mareš J. Pedagogický slovník. 3. rozšířené vydání. Praha, 2003.
9. Kasiková H. Kooperativní učení, kooperativní škola. Praha, 2000.
10. Badegruber B. Otevřené učení ve 28 krocích. Praha, 1994.
11. Hrubá Jana. Interuniverzitní studium v prostředí LMS MOODLE na Ekonomické fakultě VŠB-TUO. UNIFOS 2009, Zborník abstraktov z medzinárodnej konferencie, Slovenská poľnohospodárska univerzita v Nitre, 2009. S. 21–22.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

A.Yu. Goloborodko
**The State Image in the
Information Space Worldwide:
on the “Soft Power” of Influence**

The author’s opinion on the “soft power” tools for positioning of Russia in the information space worldwide is presented. The relevance of using efficient political technologies for assurance of national security of Russia is justified.

Key words and word-combinations:
image of the state, information space, tools of influence, national security.

Представлена авторская позиция относительно инструментария «мягкой силы» позиционирования России в мировом информационном пространстве. Предложено обоснование использования эффективных политических технологий для обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова и словосочетания: имидж страны, информационное пространство, инструменты влияния, национальная безопасность.

УДК 327(470+571)
ББК 66.2(2Рос)

А.Ю. Голобородько

ИМИДЖ СТРАНЫ В МИРОВОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ВОПРОСУ О «МЯГКОЙ СИЛЕ» ВЛИЯНИЯ

В современных условиях, в эпоху информационного общества, значительно изменяется природа политической власти; она перемещается в виртуальное пространство – в мир образов, имиджей и символов.

Сегодня уже не столько военная мощь, сколько возможности оказания воздействия на сознание (и подсознание) человека являются составляющей политического успеха государств [1, с. 208].

Традиционная «жесткая» власть в мировой политике, основанная на военной силе, экономических санкциях и угрозах, постепенно уступает первенство «мягкой» власти культуры, информации и образов [2, с. 66].

Именно поэтому в контексте эффективного позиционирования России как мировой державы стратегическим приоритетом явля-

ется разработка эффективной имиджевой стратегии и определение концепции национального брендинга, призванной продвигать позитивный имидж нашей страны в каналах коммуникации. Успех российской внешней политики сегодня во многом зависит от умелого использования ресурсов гибкой власти – символического капитала культуры, политических ценностей и смыслов, сконцентрированных в новом имидже. Положительный имидж России – это власть ее политических идеалов и культурных символов, привлекательность политических лидеров и культурных достижений, непрерывно транслирующихся по мировым каналам коммуникаций и вызывающих интерес у мирового сообщества [2, с. 66].

Представляется необходимым рассмотреть факторы и инструменты укрепления информационно-идейного наполнения политики позиционирования России в мировом пространстве многоаспектных коммуникаций, политики формирования положительного имиджа страны, являющейся, по нашему мнению, весьма ценной и значимой в координатах обеспечения национальной безопасности России.

Полагаем, в предлагаемых координатах изучения наша позиция весьма близка точке зрения П. Жуковой, считающей, что «значение нормативно-ценностной сферы для безопасности современного общества возрастает ... положительный имидж обеспечивает развитие экономической и социальной сферы страны, способствует эффективному разрешению различных противоречий в отношениях с другими странами и иными субъектами на международной арене» [3, с. 55].

Тезис о том, что социальные, политические, экономические и культурные условия функционирования сегментов (прежде всего «в разрезе стран») мирового сообщества существенно актуализировали проблемы, связанные с феноменом имиджа, не требует дополнительной аргументации. Вопросы имиджа, образа, бренда государства (страны) – на повестке дня обсуждения как интеллектуальной, так и политической элитой, поскольку очевидно, что имидж одного государства, создаваемый другими, серьезно влияет на восприятие мировым сообществом и гражданами этих стран. В связи с этим важной представляется планомерной работы над созданием позитивного имиджа государства [4].

Механизм формирования образов России есть совокупность целенаправленных действий в мировом имиджевом пространстве; ядром этого механизма могут быть доминанты имиджа, научно обоснованные и активно внедряемые в сознание человека [4].

Имидж страны не только объективирует базовые национальные ценности и интересы, но и отражает цивилизационный вектор развития, а также модернизационный выбор власти. «Имидж не есть овеществленная реальность, – полагает Э. Галумов, – это то, что человек себе представляет о конкретном предмете (явлении) или как он его воспринимает. Это категория управляемая, которую можно ... конструировать и трансформировать по нашему желанию» [5, с. 10].

Политолог И.Ю. Глинская исходит из того, что имидж государства следует рассматривать как позитивный ориентир, к которому необходимо стремиться с целью отстаивания своих национальных интересов. Именно поэтому России, для того чтобы сохраниться как экономически сильному, самостоятельному государству, имеющему свои культурно-исторические традиции, национальное

самосознание, духовные основы, требуется разработка имиджевой политики в качестве самостоятельной политической линии, тесно связанной как с внутренней, так и внешней политикой [6].

М.А. Коломенский определяет внешнеполитический имидж государства как целенаправленно формируемый специалистами по связям с общественностью и политической элитой образ страны, призванный оказывать политическое и эмоционально-психологическое воздействие в пространстве мирового общественного мнения [7]. По мнению исследователя, внешнеполитический имидж государства выполняет несколько базовых функций. Во-первых, это функция социокультурной и политической идентификации, позволяющая реципиентам отождествлять образ страны с определенной политико-культурной традицией. Во-вторых, это функция идеализации образа посредством обеспечения позитивного информационного поля вокруг государства и проекции на него определенных положительных характеристик. В-третьих, это информативно-коммуникативная функция, способствующая поддержанию конструктивного диалога с другими государствами на международной арене [7].

Современными исследователями выделяется определенная матрица построения и восприятия образа государства, включающая следующие «шаги»: а) в массовое сознание проецируется политико-географический образ страны в виде выгодного политико-географического плацдарма, на который будут нанесены другие образы; б) на этот сформированный образ наносится привлекательный и характерный только для этой страны природно-ресурсный образ в виде природного пейзажа; в) полученный своеобразный природно-географический портрет «оцивиливывается» посредством культурного образа в виде национального символа, составляющего историческое наследие страны и узнаваемого в мире; г) на природно-цивилизационно-культурный фон накладывается образ народа как положительного персонажа [8].

Механизмы формирования имиджа государства глубоко раскрывает концепция символического капитала культуры французского философа и социолога П. Бурдьё и теория гибкой власти американского политолога Дж. Найя. Известно, что Джозеф Най предложил термин «soft power» – «гибкая власть», власть информации и образов, власть коммуникационных потоков: именно такая власть способна получить желаемое через привлечение, а не через подавление.

Символический капитал культуры представляет собой своего рода когнитивное пространство, объединяющее коллективную память, культурные символы, духовную сферу социума; символический капитал – это капитал чести и престижа. При этом очевидно: если экономический капитал непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в системе прав собственности, то культурный капитал может конвертироваться в экономический капитал и быть институционализирован в самых различных формах, в том числе в виде имиджа государства. Мировая практика убедительно, на наш взгляд, свидетельствует о том, что именно культура сегодня способна стать «точкой роста» и ключевым фактором развития государств, городов, территорий, поскольку она обладает потенциалом, который по долговременности и значимости превосходит потенциал экономических реформ [3, с. 67–68].

Культура и культурная политика призваны играть важную роль в формировании положительного имиджа России, в том числе в контексте национальной безопасности: именно культурная составляющая в имиджевых коммуникациях государства содержит в себе наибольший ресурс эффективного имиджевого позиционирования страны в международном пространстве коммуникаций.

По мнению Ю.Г. Волкова, «...Россия всегда была и будет интересна миру своей культурно-цивилизационной самодостаточностью, многообразием народов, живущих веками созидательной и мирной жизнью» [9, с. 12].

В настоящее время уровень использования Россией «гибкой» («мягкой») силы как инструмента позиционирования и фактора укрепления своего геополитического влияния, очевидно, не соответствует масштабу культурного потенциала страны, использование которого в качестве инструментария имиджевой стратегии минимизировано. С. Караганов, например, в свойственной ему риторике справедливо отмечает: этот провал и с точки зрения силы, и с точки зрения определения современной российской идентичности тем более обиден, что в мире идей и образов Россия и для себя, и особенно для внешнего мира – наследница, во-первых, величайшей литературы, а во-вторых – истории блистательных военных побед, борьбы за свою независимость и суверенитет [10].

Следует подчеркнуть, что один из главных, принципиально важных факторов оптимизации возможностей использования потенциала культуры в пространстве инструментов «мягкой» силы государства – поиск и нахождение национальной идентичности, точек «самоосознания», «самовоссоздания» и «самообретения», поиск культурных скреп единства народа, которые бы сочетали лучшее в культуре России с устремленностью в будущее. И.А. Василенко метко подмечено, что символический капитал культуры невозможно искусственно сконструировать: сила его символического воздействия – в том общественном резонансе внутри страны, который транслируется вовне энергетикой национального культурного единства.

Применительно к задачам исследования предпосылок формирования положительного имиджа страны на основе определения и использования идентификационных векторов, раскрывая природу продуктивных инструментов обретения национальной идентичности в современной России, совершенно справедливо, на наш взгляд, профессор Ю.Г. Волков полагает, что социокультурное (в отличие от социально-политического и социально-экономического) поле идентификации является в современных условиях наиболее перспективным с точки зрения консолидации общества. Именно в пространстве уникального культурного наследия и традиционных духовных ориентиров смыслоориентированной жизни и деятельности в социуме наши сограждане обладают относительно равными возможностями для самореализации и достижения чувства национальной гордости [9, с. 50–51].

В аспекте практического «преломления» исследований следует подчеркнуть, что вопрос о феномене «обретения идентичности» как одном из главных когнитивных ресурсов эффективной стратегии укрепления положительного имиджа страны в рамках государственной культурной политики эксплицируется, на наш взгляд, тем очевидным фактом, что важнейшим компонентом имиджевой

стратегии является обращение к архетипам и кодам культуры. Это обуславливает, в частности, возможность разработки базовых смысловых концептов – слоганов имиджевой концепции. Так, при позиционировании идеи «сильной России» логичным и целесообразным представляется обращение гносеологически значимым концептам – «территория», «природные ресурсы», «человеческий капитал», «духовные скрепы», «традиции» и другие [3].

Продолжая тему релевантных, на наш взгляд, практических шагов в сфере реализации политики продвижения позитивного образа России в международном информационном и культурном пространстве, выделим несколько направлений.

Во-первых, это активная интеграция в мировой культурный процесс, предусматривающая в том числе подготовку и реализацию международных проектов в сфере культурного сотрудничества и обмена, способствующих росту престижа российской культуры, в частности продвижение классического и национального искусства. Во-вторых, повышение продуктивности международного телерадиовещания как инструмента внешней государственной политики. В-третьих, расширение и активизация сотрудничества со странами Содружества Независимых Государств (СНГ) посредством: а) создания и поддержки деятельности новых институтов многостороннего взаимодействия в сфере гуманитарных отношений; б) проведения на постоянной основе форумов творческой интеллигенции государств – участников СНГ и т.д.; в) разработки и реализации эффективного инструментария позиционирования российского образования.

В-четвертых, развитие взаимодействия на качественно новом уровне с авторитетными международными организациями в сфере сохранения культурного наследия (ЮНЕСКО, Всемирная сеть по культурному наследию, Форум славянских культур и др.).

Полагаем, именно естественный межкультурный диалог, «народная дипломатия» и усилия по продвижению позитивного образа России в международном информационном пространстве способны стать эффективными инструментами «мягкой силы» как фактора укрепления международного авторитета страны.

Принципиально важными считаем также усилия государства и общества в области создания условий для изучения и популяризации за рубежом русского языка и культуры народов России как весомого сегмента пространства международного культурно-гуманитарного сотрудничества [11].

В заключение следует отметить, что при бесспорности и верифицируемости практикой современного мироустройства тезиса о том, что культура способна стать сегодня ключевым фактором развития государств, а также на основе того, что культурный потенциал и поле социокультурных традиций России действительно значительны, актуальной задачей представляется разработка и реализация инструментария формирования и активного продвижения положительно-имиджа России средствами культуры и культурной политики. Это предполагает также его использование и в пространстве национальной безопасности.

На наш взгляд, вопросы «мягкой силы», изучаемые в рамках формирования положительного имиджа как гносеологический (а также исследовательский) феномен и инструмент укрепления геополитического влияния страны в пространстве международных культурных, социальных, образовательных и других

коммуникаций, могут быть рассмотрены в дискурсе современных политологических инноваций, в центре которых – когнитивная политология. Известно, что базовой «матрицей» когнитивной политологии являются категории «смысл», «понимание», «интерпретация», «ценности», «дискурс» [12].

«Единство всякой культуры, – утверждает О. Шпенглер, – опирается на единство языка ее символики» [13, с. 245]. Основываясь на этом, весьма ценном в контексте выбранной парадигмы исследования, мнении основоположника теории культурно-исторических типов, необходимо отметить, что в условиях стремительного развития инфотелекоммуникационных технологий релевантным и совершенно оправданным представляется выдвижение в авангард современного инструментария укрепления внутри- и внешнеполитического влияния стран конструкторов «семиосферного порядка», одним из которых, очевидно, и выступает феномен имиджа.

Символическая природа имиджевого пространства призвана воздействовать на сферу как сознания человека («когнитивная сторона символики»), так и подсознания (психические процессы, протекающие без прямого отражения их в сознательной сфере), а потому игнорирование указанного вектора политических технологий может иметь по отношению к национальной безопасности современной России самые серьезные последствия.

Библиографический список

1. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология / под общ. ред. В.И. Якунина. М., 2011.
2. Василенко И.А. Имидж России: концепция национального брендинга // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование (политология, экономика, право). 2012. Вып. 4. С. 66.
3. Жукова П.И. Имидж России и ее безопасность: диалектика взаимосвязи // Власть. 2010. № 2. С. 53–55.
4. Гринберг Т.Э. Образ страны, или имидж государства: поиск конструктивной модели. URL: <http://mediascope.ru/node/252>
5. Галумов Э.А. Имидж против имиджа. М., 2005.
6. Глинская И.Ю. Политические механизмы формирования позитивного имиджа России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010.
7. Коломенский М.А. Формирование внешнеполитического имиджа современной России (2000–2007 гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
8. Безотосный И.А. Позитивный имидж России: конструирование и репрезентация символической социальной реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2011.
9. Волков Ю.Г. Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М., 2006.
10. Караганов С. В чём сила, брат? // Рос. газ. 2012. 28 нояб., № 5947. URL: <http://www.rg.ru/2012/11/28/karaganov.html>
11. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/osndd>
12. Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных инноваций. Ростов н/Д., 2012.
13. Шпенглер О. Избранное. М., 2004. Т. 1.

**E.V. Bezvikonnaya
Synergetic Paradigm
in Political Process Modeling**

The necessary methodological apparatus and tools of scientific knowledge, sufficient to predict the political process under the action of external dissipative structure are considered.

Key words and word-combinations: the paradigm of self-organization, political process, public opinion, modeling.

Рассматриваются необходимый методологический аппарат и набор инструментов научного познания, достаточный для прогнозирования политического процесса в условиях воздействия внешней диссипативной структуры.

Ключевые слова и словосочетания: парадигма самоорганизации, политический процесс, общественное мнение, моделирование.

УДК 32.001
ББК 66.0

Е.В. Безвиконная

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В МОДЕЛИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Проблемы глобализации, возрастание напряженности в мировом политическом процессе, дифференциация внутренней и внешней политики государств актуализируют задачу обеспечения устойчивого и безопасного развития политического пространства в условиях перманентного воздействия дестабилизирующих факторов. Применение синергетической методологии дает возможность на основе методики политического моделирования переосмыслить ключевые политические законы как на макро-, так и на микросистемном уровнях.

Политическая сфера, включающая отношения, складывающиеся в процессе взаимодействия различных социальных групп в контексте завоевания, удержания и использования политической власти для реализации своих общественно значимых интересов [1, с. 35], предполагает реализацию функций политического проектирования посредством согласования интересов групп интересов, социальных групп и индивидуальных субъектов политического процесса. Динамизм структурных элементов политической сферы (политических организаций, отношений, институциональных механизмов), обусловленный их реакцией на внешне- и внутривнутриполитические факторы, позволяет оценивать ее в качестве возможного объекта применения синергетической парадигмы.

Предшествующий этап развития полити-

ческой науки свидетельствует о наличии попыток применения отдельных принципов синергетики к моделированию развития современных политических институтов, отношений и процессов. В целях обобщения накопленной исследовательской традиции применения парадигмы синергетики к анализу политического пространства нами предпринимается попытка конструирования концептуальной (аналоговой) модели [2, с. 47] политического процесса, основанной на описании принципов его функционирования исходя из законов самоорганизации и конкретно-исторических условий ее развития [3, с. 113–124]. Таким образом, предлагается осуществить процесс моделирования политической сферы жизни общества посредством сопоставления данного (существующего) и возможного ее состояния в условиях реализации принципов синергетики (прежде всего концепции самоорганизации).

Политическая сфера жизни общества как сложная и открытая общественная система приобретает несколько иную конфигурацию при использовании парадигмы синергетики. Необратимые процессы в заданных условиях становятся источником порядка и потенциально порождают более совершенные уровни организации, примером которых может служить процесс формирования новых альтернативных движений в зарубежных странах во второй половине 2000-х годов или образования новых форм конвенциональной политической активности в Российской Федерации в условиях развития Интернет-технологий.

Принципиальное значение для использования синергетической парадигмы в качестве методологической основы политологических исследований приобретает процесс самоорганизации. Его характерным признаком выступает «петля положительной обратной связи», способная порождать новые состояния, используя для этого только внутренние резервы системы. Политические процессы становятся процессами самоорганизации в условиях наличия устойчивой политической активности ключевых индивидуальных и коллективных субъектов – граждан, социальных групп, территориальных коллективов, групп интересов и т.д. При этом реальными субъектами процесса самоорганизации становятся только те, кто прибегает к автономным (самостоятельным) и активным формам политического участия на уровне как всего общества, так и его отдельных социальных групп. Пассивные формы политического участия оказываются включены в мобилизационные рамки, исходящие от политической власти. С позиций парадигмы самоорганизации только иерархия неустойчивостей, выражающаяся в разнообразии форм и проявлений политического участия ключевых субъектов в политическом процессе, порождает структурные изменения в самой политической системе, создавая условия для ее перехода на новый уровень организации.

Различия между традиционным (системным) и эволюционным (синергетическим) подходом к осмыслению политических процессов находятся на уровне принципиальной разницы между позитивизмом и феноменологической методологией. С позиций системного подхода политическая система оценивается в качестве упорядоченной идеальной модели, способной к развитию только при

условии наличия внешних факторов. Политическая практика свидетельствует о перманентном характере изменений политических норм (правил поведения), институтов и иных субъектов политического процесса. Вот почему парадигма самоорганизации позволяет ответить на вопрос о причинах изменения места индивидуальных и коллективных субъектов современного политического процесса, истоках симметрии (асимметрии) в политических коммуникациях, принимаемых политических решениях.

С точки зрения И. Пригожина, «в равновесном и в слабонерновесном состояниях система остается пространственно однородной... При изменении значения управляющего параметра состояние системы становится неустойчивым и, в конце концов, изменяется» [4, с. 24]. Это означает, что вблизи точек бифуркаций основную роль играют флуктуации или случайные элементы, что является признаком асимметрии (неуравновешенности), тогда как в интервале между бифуркациями доминируют детерминистические аспекты (признак симметрии). Таким образом, асимметрия (неустойчивость) как свойство политического процесса изменяет соотношение ключевых субъектов и закладывает возможные альтернативы их развития. Так, политическая власть как традиционный управляющий параметр политической системы, поддерживаемая усилиями политических институтов и вертикальных каналов политических коммуникаций, в условиях снижения ее авторитета в общественном сознании, увеличения тенденций к абсентеизму, противоречивости принимаемых политических решений оказывается в состоянии выбора возможных векторов движения.

В случае неготовности политической власти предложить собственную модель дальнейшего развития системы, ведущую к более совершенной ее структуре, произойдет ее подчинение новому параметру порядка. Например, в условиях смены политической власти, осуществляемой в результате легального избирательного процесса, происходит конкуренция различных параметров порядка, представленных политическими партиями и отдельными кандидатами. Возможные векторы движения политического процесса напрямую связаны со способностью претендентов на власть предложить адекватные механизмы разрешения ключевых политико-социальных проблем.

Открытые системы функционируют в условиях возрастания уровня упорядоченности, обладая способностью учитывать изменения во внешнем мире, что свидетельствует о вариативности и динамичности их структуры. Наличие функции стабилизации существующих политических порядков наделяет политическую систему потенциальным свойством изменчивости, что придает политическим процессам разнонаправленный и зачастую непредсказуемый характер. Внутренние политические процессы прямо или косвенно определяются внешнеполитическими, создавая сложноорганизованную сетевую структуру, пронизывающую политическое пространство, придавая направленность действиям субъектов политического процесса и содержание политических решений, принимаемых властью. Модель политического процесса, конструируемая на основе синергетической парадигмы, позволяет оценить

возможности его развития в условиях конкуренции управляющих параметров и влияния процесса самоорганизации на политические институты и иных политических субъектов. На рисунке 1 представлена структура политической системы [5, с. 71–77].

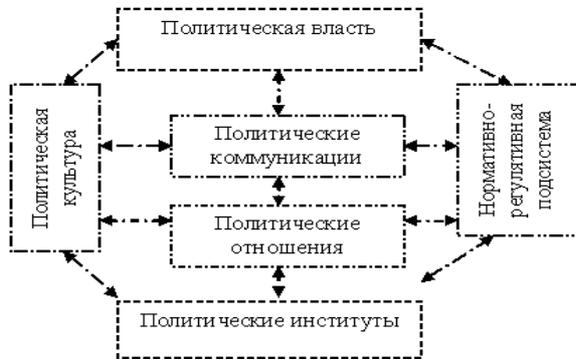

Рис. 1. Самоорганизационная модель политической системы

Структура политической системы под действием процесса самоорганизации не подвергается принципиальным изменениям и представляет собой комплекс структурно взаимосвязанных и коммуникативно обусловленных параметров политического порядка: политическая власть, политические институты, политические отношения и т.д. Изменения касаются условий существования системы: она функционирует в состоянии перманентной диссипативной структуры, требующей постоянной конкуренции параметров порядка и выбора вариантов (моделей) движения системы (так называемого воспроизводства «синергетического эффекта»). В результате политические процессы, обусловленные конкуренцией параметров порядка – например, в условиях распространения неконвенциональных протестных форм политического участия граждан, – приобретают устойчивые свойства неопределенности и непрогнозируемости [6, с. 74].

Описание политической системы, на наш взгляд, следует задавать следующими переменными (параметрами): институциональный (политическая власть, политические институты), коммуникативный (политические коммуникации, политическая культура, общественное мнение) и нормативно-функциональный компоненты. Отсутствие любого из них свидетельствует и об отсутствии целостной политической системы. В формуле современного состояния политической системы, с нашей точки зрения, отсутствует важнейшая составляющая – динамизм политических отношений, то есть способность ключевых параметров порядка конкурировать между собой, находиться на разных уровнях политической коммуникации, менять свое положение в политической системе. Данное обстоятельство дает основание сделать вывод о том, что кризис гражданского участия в политической системе не будет преодолен до тех пор, пока она не откажется от исключительно институционального подхода в регулировании

политических процессов. Самоорганизационная модель политических процессов способна выполнить роль интегрирующего механизма в политической системе, придавая ей завершенность и целостность, с одной стороны, и задавая дополнительные векторы развития остальным параметрам порядка – с другой. Данная модель постулирует базовые основания всей политической системы: цель, задачи, критерии выделения элементов системы, оптимальные параметры элементов и связей между ними. Вне самоорганизационной модели построение оптимальной и эффективной политической системы представляется недостижимой целью.

При исследовании политической системы, как и любой общественной системы, условно можно выделить статический и динамический аспекты ее функционирования. С позиций системного подхода структура рассматривается в качестве статической (хотя и относительной) характеристики системы, то есть зафиксированной в данный конкретный временной промежуток, поскольку изменение структуры неизбежно означает и изменение самой системы. Совершенно иначе характеризуется динамическая система, находящаяся в постоянном взаимодействии ее элементов, обеспечивающих ее целостность. В результате искомая устойчивость системы зависит от прочности и устойчивости ее структуры и организации, задающих порядок расположения элементов и упорядоченность ее взаимодействий [7, с. 12]. Для любых социальных систем, к которым относится и политическая, характерна целостность, обеспечиваемая относительной устойчивостью ее структуры (закономерностей) и взаимосвязей ключевых элементов. В политической системе организация задается через комплекс политических отношений (прежде всего коммуникаций) между политической властью и основными субъектами политического процесса как формального, так и неформального порядка.

Процесс самоорганизации, свойственный субъектам политического процесса в рамках воплощения принципа пульсирующего ритма восхождения к единому целому, приобретает свойство полицентричности, то есть разнообразия и разнонаправленности их возникновения и проявлений. Пространственные характеристики политической системы определяются имеющейся в наличии ресурсной базой и способами коммуникации между ее отдельными элементами. В итоге самоорганизация выступает в качестве разновидности политического процесса во флуктуирующих внешних условиях, обеспечивая условия для относительной стабильности политической системы.

В зависимости от того, на каком уровне – высоком или низком – находится область самоорганизации (выше или ниже критического значения), флуктуации либо затухают, либо распространяются на всю систему, переводя ее в новое состояние. При этом чем быстрее передается сигнал по коммуникационным каналам внутри системы, тем выше процент безрезультатных флуктуаций и, следовательно, тем она устойчивее. Таким образом, готовность политической власти к взаимному обмену ресурсами с ключевыми субъектами политического процесса (в том числе использующими механизмы самоорганизации) и применение разнообразных каналов коммуникации для ускорения

процесса передачи информации позволяют политической системе ограничивать влияние флуктуаций на политические процессы, своевременно «включая» их обратную динамику.

Наличие в политической системе процесса самоорганизации (прежде всего на уровне местных сообществ) обуславливает ее устойчивость к внешним воздействиям, а также предоставление ее отдельным элементам возможности синхронизовать свои действия на основе совместного принятия политических решений, определение согласованной точки зрения по ключевым проблемам развития государства и общества. Согласованность элементов достигается посредством реализации всеми субъектами своего коммуникативного, информационно-энергетического потенциала.

Таким образом, в современных условиях неравновесного состояния политической системы ее адаптация к внешним и внутренним условиям напрямую зависит от способности поддерживать (создавать) условия для процесса самоорганизации. В результате можно сформулировать ключевые принципы развития политической системы в условиях процесса самоорганизации. Во-первых, нестабильное состояние системы является необходимым источником ее развития в условиях самоорганизации. Во-вторых, направления (векторы) развития системы разнообразны и зависят от внутренних ресурсов и уровня коммуникаций. В-третьих, сложный характер политической системы становится необходимой основой процесса самоорганизации и перехода на новый уровень развития. В-четвертых, реализация политической воли в условиях мирового экономического кризиса становится возможной только при условии реализации своего потенциала процесса самоорганизации основными субъектами. Структурируя указанные принципы, следует включить их в когнитивную карту предлагаемой самоорганизационной модели (рис. 2).

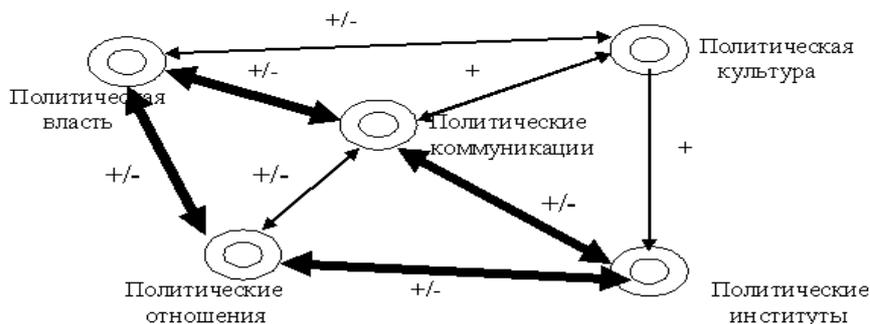

Рис. 2. Когнитивная карта самоорганизационной модели политической системы

Применение принципов парадигмы самоорганизации позволило сконструировать концептуальную модель политической системы и политических процессов, основанную на изменении соотношения ее элементов, принципов их взаимодействия, а также предложившую иное соотношение ее функций, реализуемых в условиях перманентной диссипативной структуры. Представленная кон-

цептуальная модель динамики сложной политической системы позволяет исследовать особенности ее поведения при различных внешних условиях и внутренних воздействиях, а также функции каждого элемента системы. Вместе с тем данная модель окажется жизнеспособной только при условии кардинального изменения принципов реализации политической воли государства и его институтов на общественные отношения.

Сложившаяся практика осуществления прямого тотального воздействия политической власти и политических институтов на процесс функционирования общественных объединений и общественное мнение, подавления любых проявлений неконвенциональной политической активности прямыми политическими решениями неизбежно приведет к замыканию политической системы в пределах собственных внутренних потребностей, сдерживанию развития процесса самоорганизации и в дальнейшем направит ее в русло деградации. Определяющей задачей российской политической системы должно стать обеспечение условий для раскрытия и реализации форм самоорганизации социальных групп и отдельных политических субъектов как в рамках деятельности политических институтов, так и иных механизмов выражения политической активности гражданского общества.

Для решения данной задачи необходимо заменить прямое административное воздействие коммуникативными горизонтальными методами, посредством «слабых сигналов» (стимулов) вовлекать население в сферу принятия политических решений, ориентироваться в процессе реализации политической воли на формирование положительной обратной связи политических институтов и населения, дифференцируя его с учетом особенностей процесса самоорганизации на различных этапах жизненного цикла политической системы.

Библиографический список

1. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: учебник. М., 2008.
2. Симонов К.В. Политический анализ. М., 2005.
3. Безвиконная Е.В. Системно-синергетическая модель политической системы // Полис. 2009. № 3. С. 113–124.
4. Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. М., 2002.
5. Безвиконная Е.В. Системно-синергетическая модель политической системы // Актуальные проблемы образования и воспитания: международный опыт и перспективы сотрудничества. Омск, 2009. С. 71–77.
6. Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010.
7. Гришнова Е.Е. Политическая система Российской Федерации: теория и практика формирования, тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010.

A.B. Il'yichev
Ideological Bases of the Russian
Multiparty System Formation
in the Beginning of 1990s

The nature of the interdependence of political ideologies and parties is considered. The content of ideological bases of the Russian multiparty system at the stage of its formation in the beginning of 1990s is revealed.

Key words and word-combinations: political parties, political ideologies, multiparty system.

Рассматривается характер взаимобусловленности политических идеологий и партий. Выявляется содержание идеологических основ многопартийной системы России на этапе ее становления в начале 1990-х годов.

Ключевые слова и словосочетания: политические партии, политические идеологии, многопартийность.

УДК 329(470+571)"1990"
ББК 66.69(г)

А.Б. Ильичев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ
МНОГОПАРТИЙНОСТИ
В НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ

В политическом процессе современной России значительное место занимают отношения идеологического характера, несмотря на то что государственной идеологии у нас нет и по Конституции РФ быть не может. Однако в обществе наблюдается идеологическое многообразие, основными субъектами которого являются политические партии. Именно партии по причине своей особой роли в формировании российского парламента поддерживают высокое предназначение идеологических концепций в политике.

Взаимосвязь между политическими идеологиями и политическими партиями представляется естественным и неизбежным явлением. Многовековая историческая практика показывает, что их отношения основываются на взаимном интересе. Идеологии нуждаются в субъекте-носителе, и ничего лучшего в этом смысле, чем политическая партия, общество не создало. Политические же партии, стремясь максимально влиять на разные слои общества, заинтересованы в идеях, способных увлечь массы людей. Многообразие идей обеспечивает разнообразие партий, а деятельность всевозможных партий создает конкуренцию идей, на базе которой развивается политическая борьба. Таким образом, идеологии и партии взаимообуславливают свое ответственное положение в современном обществе.

Научное осмысление данной политической

тенденции восходит к К. Марксу, К. Мангейму, другим теоретикам середины XIX–XX в. В их трудах идеология определялась как специфическая форма общественного сознания, воздействующая на социальное поведение людей. К. Маркс, например, видел в идеологии отражение позиций господствующего класса и средство идейного, духовного воздействия на общество. И хотя К. Маркс неоднократно отмечал утопичность идеологий, одновременно подчеркивая их обусловленность классовыми интересами. Не случайно сам он, сочиняя Манифест Коммунистической партии, уделил идейности пристальное внимание и пронизал коммунистической идеологией все содержание этого программного документа [1]. Так произошло слияние партийного движения с политической идеологией. Коммунистическая идеология призвана была воодушевить и организовать класс пролетариев на борьбу против класса буржуазии, на свержение буржуазного строя и создание государства в интересах рабочего класса. Идеология, таким образом, должна служить политическим интересам определенных социальных групп.

По К. Мангейму, идеология представлялась отражением различных точек зрения и позиций отдельных людей и социальных групп. При таком подходе идеология включалась в сознание как некая его особая, но самостоятельная часть. Здесь не акцентировалось внимание на классовом характере идеологий, но утверждалось их «духовное образование», складывающееся в качестве теоретического обоснования какой-либо конкретной политики правящих групп общества, то есть однозначно отмечалась прямая связь между идеологией и политической властью. При этом К. Мангейм выделял два типа идеологий: партикулярные – как совокупность представлений о реальном или желаемом социальном положении кого-либо; тотальные – как результат традиционно сложившихся представлений или проводимой государством социально-культурной политики. К. Мангейм видел особую функциональность идеологии в том, что она «стремится к сохранению или постоянному репродуцированию существующего образа жизни» [2, с. 59].

К. Маркс и К. Мангейм в своих работах дали глубокое и разностороннее обоснование связи идеологии с политикой, показали ее обусловленность реальной политической практикой. Особенно подробно рассмотрел эту проблему К. Мангейм, анализируя мировой политический процесс в первой половине XX в. И хотя позже некоторые философы пытались «развенчать» данное свойство идеологии и снизить ее роль в политике, место идеологии в современной политике по-прежнему бесспорно значительно и ответственно [3; 4]. Известный американский политолог К. Фридрих, не будучи приверженцем марксизма-ленинизма, утверждал, что «идеологии неразрывно связаны с политическим процессом, ибо без идеи не бывает никаких политических действий» [5, с. 530].

В настоящее время понятие идеологии трактуется достаточно широко как необходимый в современную эпоху элемент общественного сознания, но в то же время включенный в него наряду с другими символами духовной жизни – мифами, религиями. А.И. Соловьев выделяет три существенные характеристики положения идеологии в общественном сознании: во-первых, она не может исчерпать собой всего духовного, идейного содержания политики; во-вторых, она продукт особой исторической эпохи, а значит, ей присуща определенная

историческая эволюция; в-третьих, ее функциональность во многом определяется условиями конкретной политической системы. Ученый также подчеркивает, что «...при наличии неких универсальных параметров у идеологии всегда сохраняются свои особые, свойственные историческим этапам, черты, свойства, задачи» [6, с. 348–349]. Такая трактовка идеологии означает, что ее влияние на жизнь общества велико, но не единственно и более всего проявляется во взаимоотношениях с политикой.

Идеология обрела и сохраняет свой политический статус как необходимый инструмент формирования и осуществления публичной сферы политики, как средство налаживания эффективного консенсуса в управлении государством. В данном качестве политические идеологии представляют собой систематизированную совокупность идей, понятий, в которых различные субъекты политических отношений, и политические партии прежде всего, осознают свою политическую позицию и стараются доказать свои притязания на власть в государстве. Важнейшим компонентом идеологии в этом процессе выступает ценностная составляющая, касающаяся вопросов государственного устройства, общественного порядка, основных принципов и направлений внутренней и внешней политики. Тем самым создается идейно обоснованный проект политики, который выносятся на общественное обсуждение и в случае достаточной общественной поддержки открывает дорогу к государственной власти, превращается в программу государственного развития.

Для политических партий идеологии выполняют разнообразные функции и в зависимости от этого по-разному используются в партийной деятельности. Во-первых, это теоретическая функция, суть которой заключается в использовании в программных документах партий ценностей, принципов, целей определенной идеологии в качестве важнейших ориентиров. Идеология создает теоретический фундамент, на котором происходит объединение взглядов и мнений отдельных людей в общую идейную позицию. Во-вторых, это программно-инструментальная функция, представляющая идеологию в виде набора принципов, определяющих практическую деятельность партии в конкретных исторических и ситуативных условиях [7, с. 30]. Данная функция используется в процессе и борьбы партий за власть, и распоряжения полученной властью. В этом случае идеология превращается в гибкий инструмент реагирования на постоянно меняющееся содержание политического процесса, а содержание ее, применяемое в практической деятельности, упрощается и ограничивается лишь наиболее употребляемыми элементами. В-третьих, это агитационно-пропагандистская функция идеологии, реализация которой связывает партии с обществом. Стремясь воздействовать на политические пристрастия и действия социальных групп, партии через свою идеологию влияют на чувства, эмоции, настроения, переживания граждан, стремясь вызвать ответные реакции в свою пользу. В-четвертых, нередко идеологические концепты выполняют функцию артикуляции политической партией социальных интересов, и тогда политические идеи используются в качестве некоего бренда, визитной карточки, что обеспечивает большую запоминаемость и привлекательность партии среди граждан, прежде всего в условиях электоральной борьбы.

Подобная структура функциональности политической идеологии примени-

тельно к политическим партиям формировалась на протяжении длительной истории партийного строительства. Она и выводится из анализа истории политических партий разных стран, из исследований самого процесса организации, формирования и развития партий на протяжении последних двух-трех столетий. На этот счет существует обширная литература [8; 9; 10; 11]. Не рассматривая специально классические исследования по партиям и партийным системам, можно выделить лишь факт, что, несмотря на различия в подходах и оценках, все авторы отводят определенное место вопросу о значении идеологии в судьбе партий. Разнообразие отношений между идеологиями и партиями лишь подкрепляет вывод о том, что в разных политических условиях роль идеологии для партий меняется, но не теряет своего принципиального качества.

Весьма продуктивной для анализа является концепция норвежских политологов С. Роккана и С. Ларсена [12, с. 39–57], суть которой состоит в том, что на протяжении разных исторических эпох мощные социальные потрясения востребовали идеологии, на базе которых формировались политические партии, превратившиеся затем в носителей и распространителей политических идей. Данная логика подтверждена учеными на примере идеологии консерватизма и либерализма и соответствующих им политических партий, а также возникших вслед за ними аграрно-крестьянских, социал-демократических, коммунистических партий. Концепция подкреплена и характером партийного строительства в странах бывшего социалистического лагеря на протяжении последней четверти века.

Для современной России рубежом общественных изменений оказался период конца 1980-х – начала 1990-х годов. Множественность потрясений и их гигантский масштаб произвели на общество невероятное воздействие. Во-первых, это переход к иной, по сути противоположной по характеру, системе политических и социально-экономических отношений: от так называемого «реального социализма» к либеральному обществу западного типа. Во-вторых, это распад СССР на множество самостоятельных государств, что еще незадолго до случившегося казалось невозможным; сложившееся веками пространство российской государственности распалось на части, многие из которых являлись искусственными образованиями. Рухнули устои советского интернационализма и дружбы народов. В-третьих, это подрыв и почти полное исчезновение международного авторитета СССР как государства-лидера, решающим образом влияющего на мировую политику. Это болезненно сказалось на сознании всех слоев общества.

Общепринятой характеристикой российского общества в конце 1980-х – начале 1990-х годов выступает кризисное состояние [13, с. 269–270]. Действительно, трансформационные изменения общества не могли произойти без осознания кризиса, охватившего важнейшие сферы жизни и выражающегося в остром антагонизме старых институтов и отношений с новыми, которые с неизбежностью должны были возникнуть, в потере жизненных ориентиров и осмысленного отношения к действительности значительной частью населения. Исследования Института общероссийских опросов, проведенные в апреле 1993 г. среди граждан многих российских регионов, показали, что примерно 90% респондентов оценивали свое социально-психологическое состояние как катастрофическое, кризисное или близкое к кризисному [14, с. 9]. Все это и стало теми

потрясениями, которые, по С. Роккану, вызывают потребность в новых идеологиях, а вместе с ними – и в новых политических организациях.

В общественное сознание, а затем и в политический процесс на рубеже 1980–1990-х годов вторглись ранее запрещенные идеологии: либерализм, национализм, социал-демократия. Произошло освобождение религии, ее разнообразные формы быстро осваивали духовный мир российских людей. Идеология марксизма-ленинизма потеряла свое государственное положение, но в политике ее позиции оставались весомыми. В российском обществе возникла реальная конкуренция политических идеологий, оказавшаяся решающим фактором формирования политической многопартийности.

Современная классификация идеологий не имеет общепринятой трактовки. Она во многом определяется сложностью идеологий, их взаимопроникновением, подвижностью составляющих их содержание идей и понятий, стремлением приспособиться к общественным условиям конца XX – начала XXI в. Так, Дж. Д. Дербишайр и Я. Дербишайр в своем фундаментальном труде, посвященном современным политическим системам, наиболее влиятельными идеологиями считают либеральную демократию, коммунизм, национал-социализм, исламский национализм [15, с. 28], не выделяя в качестве влиятельных и имеющих самостоятельное политическое значение такие идеологии, как социал-демократия, консерватизм, православная идеология. На первый взгляд, кажется странным смешение либерализма с демократией, акцентирование внимания сегодня на национал-социализме, под которым подразумевается фашизм, и соединение национализма только с исламом. Но если исходить из логики активного распространения по планете западной модели общественного устройства и оказываемого этому процессу противодействия, тогда становится понятной и политически обоснованной классификация Дербишайров.

Своеобразную классификацию предложил известный теоретик современной политики Ф. Фукуяма. Наиболее влиятельной он определил идеологию демократии, которую выделил в качестве самой распространенной и перспективной. Серьезным соперником демократии Фукуяма посчитал так называемый «азиатский патернализм» в разных формах, поддерживаемый большинством населения. В качестве самостоятельных идеологий, распространенных в современном мире, он выделил также крайний национализм, или фашизм, ислам и необольшевизм, но не видел в них в будущем идеологий мирового масштаба [16, с. 7–97]. Таким образом, Ф. Фукуяма не анализирует специально современную роль либерализма и коммунизма, не выделяет их в качестве самостоятельных перспективных идеологических направлений. На наш взгляд, этот подход также объясняется авторским пониманием борьбы наступающей по всему миру западной демократии с иными идейно-политическими системами.

В России девяностых годов, имеющей свои традиции и особенные условия политического развития, значение разных идеологий оценивалось по-другому, и классификация их с позиций тех политических обстоятельств, в которых развивалась российская политическая система, должна была выстраиваться иначе, чем на Западе. Необходимо учесть прежде всего, что на протяжении нескольких десятилетий в нашем обществе культивировалась лишь одна идеология, а

все другие находились во внешнем мире, оставаясь малоизвестными в их современном состоянии. Внезапное разрешение существования в обществе множества идеологий, известных населению лишь приблизительно, в общих чертах, формировало соответствующее к ним отношение. С одной стороны, идеологии воспринимались как классические теории с устойчивым содержанием; отсюда стремление к звучным понятиям типа «демократия», «коммунизм», «либерализм». С другой стороны, недостаточное знание и понимание современных особенностей классических идеологий нередко приводило к смешению идей из разных идеологий в нечто своеобразное, к провозглашению идей и понятий одной идеологии под видом совершенно иной концепции. Кроме того, не всегда были понятны различия между отдельными идеологиями. Одновременно под воздействием особенных политических процессов рождались и оригинальные идейно-политические концепции.

Некоторые из этих российских особенностей находили отражение в трудах отечественных политологов и философов – Б.И. Ковалея, О.Ю. Малиновой, А.С. Панарина, Я.А. Пляйса, других авторов. Б.И. Коваль уже в начале 1993 г. отмечал, что переходный исторический этап в России имеет «...поистине трагическую окраску. В этих условиях приспособиться к новым реалиям, найти свою позицию, принять сознательное участие в политическом процессе крайне сложно». Такое состояние общества во многом предопределило общий подход к оценке идейной борьбы. Б. Коваль выделяет в ней две основные тенденции:

«...национально-патриотическая (державная). Это – силы реставрации. Они объединяют всех противников новой власти – от неокommunistов до монархистов и христианских демократов...

– реформаторская демократическо-либеральная. Это – силы модернизации...» [17, с. 325].

При таком подходе содержание идеологий размывается, их предназначение сводится только к обозначению идейных направлений политического развития. Отсюда оценка идейной стороны политики приобретает приблизительный характер, лишь самые общие очертания.

Я.А. Пляйс выделил наиболее распространенные и влиятельные идеологии в масштабе современного мира конца XX в.: либерализм, консерватизм и социал-демократизм. Вслед за этим показал состоявшееся сближение трех идеологий между собой по многим аспектам: «...на исходе XX столетия становится все сложнее провести различия между социал-демократической и другими политическими идеологиями, в частности либерализмом и консерватизмом» [18, с. 338]. Я. Пляйс также подчеркивает, что в России происходит формирование идеологий на таком уровне, когда их сближение еще не происходит. Наряду с распространением классических идеологий он отмечает активное культивирование таких идейных концепций, как евразийство, центризм, светский и религиозный радикализм. Все они, хотя и в разных масштабах, оказывают идейно-политическое воздействие в обществе, служат основой для образования партий и иных общественно-политических организаций.

Формирование российской многопартийности происходило на идейной ос-

нове. Подавляющее большинство политических партий, объединений и движений формулировали свои политические позиции, исходя из какой-либо идеологии. Спектр идеологических концепций, на основе которых разрабатывались программные документы партий и движений оказался чрезвычайно разнообразным. В российском обществе на рубеже 1980–1990-х годов широко культивировались такие идейно-политические концепции, как демократия, коммунизм, либерализм, национализм, патриотизм, что подтверждается организацией на их основе около пятидесяти партий и движений [19, с. 127–128]. Каждая из идеологий отражала социально-политические интересы, а также определенный уровень политической культуры разных слоев российского общества. В сознании граждан нередко переплетались, сливались привлекательные идеи из разных идейно-политических теорий. Общество активно восприняло конкуренцию политических идей и позиций в отношении перспектив развития России, откликнувшись на это участием во множестве массовых мероприятий, в выборах в Государственную Думу.

Идеологическое разнообразие, получившее общественную поддержку, стало основой российской многопартийности и острой политической борьбы на протяжении всех девяностых годов прошлого века. Подобное состояние общества сохраняется и в настоящее время и с неизбежностью будет существовать, пока Россия не пройдет переходного периода в своем движении к демократическому обществу, пока не утвердятся прочно и системно важнейшие элементы правового и социального государства. Только тогда существенно изменится значение идеологии в деятельности партий, в жизни всего общества.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1972.
2. Мангейм К. Идеология и утопия (1929 г.) // К. Мангейм. Диагноз нашего времени. М., 1994.
3. Арон Р. Опиум интеллектуалов М., 1955.
4. Белл Д. Конец идеологии. Истощение политических идей в 50-е годы. М., 1960.
5. Категории политической науки / под ред. А.Ю. Мельвиля. М., 2002.
6. Соловьев А.И. Политическая идеология // Политический лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М., 2007.
7. Золотарев В. Партийная идеология по-украински // Аналитика. 2006. № 3.
8. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии (1898 г.). М., 1997.
9. Дюверже М. Политические партии (1951 г.). М., 2000.
10. Зульцбах В. Основы образования политических партий (1921 г.). М., 2006.
11. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии (1911 г.) // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2.
12. Ларсен С.У. Моделирование Европы в логике Роккана // Политические исследования. 1995. № 1.
13. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса (1964–1994 гг.). М., 1996.
14. Россия в зеркале реформ. М., 1995.
15. Дербишайр Д.Д., Дербишайр Я. Политические системы мира: в 2 т. М., 2004. Т. 1.
16. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2005.
17. Коваль Б. Россия сегодня // Российская политическая наука: в 5 т. Т. 4. 1985–1995. М., 2008.
18. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009.
19. Лаврентьев С. Новые основания классификации политических партий в современной России // Власть. 2012. № 3.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

M.V. Bogomolov
**The Institution of Legal
Representation in the Modern
Civil and Arbitral Litigation**

The study suggests the possible directions for reforming the institute of legal representation. The criterion of professional services rendered by a judicial representative is analyzed.

Key words and word-combinations: arbitral and civil litigation, legal representation, representation services, legal institution.

Раскрываются возможные направления реформирования института судебного представительства. Исследуется критерий профессиональности услуг, оказываемых судебным представителем.

Ключевые слова и словосочетания: арбитражный и гражданский процесс, судебное представительство, представительские услуги, правовой институт.

УДК 347.9
ББК 67.410

М.В. Богомолов

ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Современная правовая система России – это сложный комплекс, состоящий из ряда отраслей и множества правовых институтов, нуждающихся в постоянном совершенствовании.

Процессуальное право Российской Федерации не является в данном вопросе исключением – оно также требует особого внимания в вопросе реформирования, что вызвано в основном усложнением гражданского оборота и постоянным существенным ростом экономики в целом, а также объективной необходимостью постоянного повышения уровня правовой культуры общества в целом. Особое внимание следует уделить институту судебного представительства, поскольку именно он имеет своей целью обеспечивать должную реализацию общеправовых принципов в рамках указанных условий. Деятельность судебного представителя действительно крайне важна, однако она все чаще реализуется

лицами, не имеющими достаточных знаний и навыков в данной области. В связи с этим совершенно правомерен вопрос о допуске желающих к деятельности судебного (процессуального) представителя.

Судебный (процессуальный) представитель (далее представитель) – лицо, оказывающее на возмездной или безвозмездной основе услуги по представлению интересов физических и юридических лиц в рамках судебного процесса и имеющее надлежаще оформленные полномочия.

По смыслу действующего в Российской Федерации процессуального законодательства (глава 5 ГПК РФ, глава 6 АПК РФ) следует: быть представителем по гражданским или арбитражным делам может любое полностью дееспособное лицо [1; 2]. Однако в данном правиле имеются исключения, в основном обусловленные особым родом профессиональной деятельности субъекта или его положением как субъекта, наделенного властью (ст. 51 ГПК РФ, ст. 60 АПК РФ).

Необходимо отметить, что российское право не всегда было столь лояльно в вопросе допуска к представительской деятельности. На стадии зарождения института процессуального представительства она была разрешена со значительными ограничениями (Псковская судная грамота, ст. 58) [3; 4]. Затем в предсоветский и советский периоды была запрещено для определенных категорий лиц (женщины и евреи). В настоящее же время судебное представительство является открытой – свободной от ограничений – деятельностью (за исключением оговоренных случаев).

Научный интерес представляет ответ на вопрос: насколько существующее положение вещей приемлемо и, что важнее, насколько оно отвечает требованиям современного российского общества, потому что именно эта информация позволит выявить основные проблемы судебного представительства в Российской Федерации, определить предпочтительные векторы дальнейших исследований.

Сегодня участие квалифицированного представителя на той или иной процессуальной стороне при рассмотрении гражданского или арбитражного дела зачастую предопределяет исход судебного разбирательства. Современный представитель не только замещает представляемую им сторону, но, по мнению ряда авторов, призван, равно как и адвокат, содействовать установлению справедливости, способствовать скорейшему полному и верному рассмотрению дела [5; 6]. В рамках современного судопроизводства все чаще рассматриваются ситуации, грамотное разрешение которых зачастую определяет дальнейшую судьбу участника процесса. К таковым, в частности, без сомнения можно отнести дела, связанные с признанием прав на объекты недвижимости, об оспаривании сделок, о несостоятельности (банкротстве) должника, о взыскании существенных (больших) сумм денежных задолженностей; дела с участием социально незащищенных субъектов общества и другие, которые, по мнению автора, можно объединить термином «дела с высокой социальной значимостью».

Участие неквалифицированного представителя какой-либо из сторон потенциально может причинить непоправимый вред благосостоянию представляемой им стороны. К сожалению, современное российское право не предусматривает решения данной проблемы, законодатель лишь оставляет нуждающимся в правовой защите субъектам право на самостоятельный выбор процессуально-

го представителя. А поскольку действующее законодательство не устанавливает определенного образовательного или иного ценза для лиц, занимающихся представительской деятельностью (в суде), зачастую в погоне за экономией собственных средств процессуальная сторона, нуждающаяся в юридической помощи, обращается за ней к неквалифицированному, «бюджетному» специалисту. Это в большинстве случаев приводит к неблагоприятным для представляемого субъекта последствиям.

Выход из сложившейся ситуации, по нашему мнению, заключается во внедрении обязательного принципа «процессуально-представительской деятельности, оказанной на профессиональной основе, при рассмотрении категории дел с высокой социальной значимостью».

Так, под «процессуально-представительской деятельностью, оказанной на профессиональной основе» следует понимать следующее:

1. Представительские услуги, оказываемые юридическими лицами как коммерческими так и некоммерческими, поскольку условие возмездности не имеет существенного значения. Оказание данными субъектами представительских услуг на профессиональной основе обусловлено самой правовой природой оказывающего их субъекта.

2. Процессуально-представительские услуги, оказанные физическим лицом (на основании заключенного договора) на возмездной или безвозмездной основе, за исключением случаев законного представительства, представительства близких родственников, представления чьих-либо интересов в качестве выполнения трудовой или служебной функции.

Раскрыв принцип «профессиональности» оказываемых услуг, можно перейти ко второму этапу реализации предлагаемой концепции «процессуально-представительской деятельности, оказанной на профессиональной основе». Данный этап выражается в создании определенной «системы допуска» для занятия практикой процессуального представительства на профессиональной основе, базирующейся на комбинации конкретных условий, и прежде всего установления образовательного ценза – обязательного наличия у лица, занимающегося процессуально-представительской деятельностью на профессиональной основе, среднего или высшего профессионального образования (юридического). Однако данное условие, не подкрепленное ничем иным, не принесет желаемого результата, поскольку в действительности лишь установит на процессуальное представительство монополию со стороны лиц, имеющих юридическое образование. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо разработать специальный курс обязательной дополнительной профессиональной подготовки в области процессуального представительства по «делам с высокой социальной значимостью» с последующей сдачей квалификационных экзаменов. В случае положительного результата экзаменуемый получал бы право осуществлять представительскую деятельность по указанной категории дел, подтверждением чему должно служить соответствующее свидетельство, выданное, например, Минюстом РФ для обеспечения организации учета таковых лиц. Кроме того, предполагается также и переаттестация каждые пять лет.

Надлежит также создать механизм привлечения профессионального пред-

ставителя к ответственности (если не уголовной, то административной) как субъекта, осуществляющего особую, специфическую деятельность. Предполагаемая ответственность должна включать такие виды наказания, как штраф, гражданско-правовая ответственность, дисквалификация. Представляется целесообразным разработать и принять кодекс профессиональной этики, обеспечив его работу на практике.

Возникающие при реализации данного предложения издержки можно покрыть путем установления определенных обязательных платежей за выдачу свидетельства на право заниматься представительской деятельностью на профессиональной основе и его последующее продление, а также за обучение на образовательных курсах дополнительной профессиональной подготовки.

Подводя итоги, следует отметить, что современное российское законодательство, на наш взгляд, в целях достижения справедливости, повышения правовой культуры общества, профессионализма в области правоприменения, а главное, уровня социальной защищенности лиц, нуждающихся в правовой помощи, должно установить дополнительные обязательные критерии для кандидатов в процессуальные представители.

Итак, при реализации изложенной концепции («процессуально-представительской деятельности, оказанной на профессиональной основе») ожидается существенный рост уровня профессиональной подготовки судебных представителей по «делам высокой социальной значимости», поскольку сам факт соответствия лица определенному образовательному цензу, наличие у него достаточных знаний и профессиональных навыков для сдачи установленного экзамена практически исключают доступ неподготовленных лиц к деятельности судебного представителя. Формируется реально действующий механизм привлечения судебного представителя к ответственности за ненадлежащее или халатное исполнение взятых на себя обязательств. Будут созданы условия для последующей легализации работы представителя в рамках налогового законодательства; активизируется деятельность представителя как субъекта судебного процесса, способствующего наиболее верному и скорому разрешению рассматриваемого дела. Но главное, существенно возрастет уровень защищенности субъектов, нуждающихся в квалифицированной юридической помощи от некачественно оказанных юридических услуг.

При этом предлагаемая концепция не нарушает конституционных прав граждан на доступ к правосудию или квалифицированную правовую защиту, так как не исключает возможности личного участия в процессе, законного представительства, а лишь устанавливает в разумных пределах дополнительные критерии, призванные отвечать высокой значимости отдельных правовых ситуаций. Более того, изложенная концепция в действительности является лишь одним из возможных вариантов решения задачи повышения уровня профессионализма судебных представителей.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Рос. газ. 2002. 27 июля, № 137.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Рос. газ. 2002. 20 нояб., № 220.
3. Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893. Т. 1.
4. Алексеев А.Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997.
5. Гражданский процесс: учебник / ред. В.В. Ярков. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
6. Бойков А.Д., Капинус Н.И. Адвокатура России: учеб. пособие. М., 2000.
7. Гражданский и арбитражный процесс, нотариат, обязательственные правоотношения: образцы док. / под ред. В.В. Яркова. М., 1998–2000.

D.V. Sazonova
The Role of the Legal Technique
in Lawmaking of State Power
and Local Self-Government
Bodies

Issues of improving legal technologies of normative-legal documents preparation are covered. The proposals to improve the requirements to the legal techniques aimed at improving the quality of new legal documents are elaborated.

Key words and word-combinations: legal document, law, legal technique, the language of the law, the interpretation of norms of the law.

Раскрываются вопросы совершенствования юридической техники подготовки нормативно-правовых документов. Разработаны предложения по совершенствованию требований к юридической технике, направленные на повышение качества создаваемых юридических документов.

Ключевые слова и словосочетания: юридический документ, закон, юридическая техника, язык закона, толкование норм закона.

УДК 340.1
ББК 67.0

Д.В. Сазонова

РОЛЬ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ
ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ И МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ

Современный гражданин все активнее вовлекается в сферу действия права, именно поэтому гражданам важно не только знать свои права, но и уметь их защищать, добиваться осуществления на практике. В настоящее время гражданам все чаще приходится иметь дело с многочисленными юридическими документами, судебными и административными процедурами.

В процесс развития законодательства вовлечено большое число государственных органов и должностных лиц, общественных объединений, юристов, специалистов разных отраслей знаний. Профессиональными стали парламент страны, представительные органы субъектов РФ, основной формой деятельности которых является законодательство. И если раньше республики имели определенный

опыт в этой сфере, то края, области, автономные округа, автономная область, города федерального значения столкнулись с этим впервые при практическом отсутствии специалистов по правотворчеству. Ведь подготовка юристов в недавнем прошлом в основном была ориентирована на правоприменение.

Вместе с тем исследований по проблемам совершенствования юридической техники, участвующей в разработке нормативно-правовых документов, проводилось мало. Свидетельством тому служит отсутствие устоявшегося определения юридической техники, составных элементов данного понятия, роли и места в правовой сфере, особенностей применения в различных отраслях законодательства и т.д.

Особое место в теории права занимают вопросы о содержании и назначении юридической (законодательной) техники, о качестве и эффективности отдельных законодательных актов и всей системы законодательства.

Наряду с термином «юридическая техника» в специальной литературе широко используется также термин «законодательная техника». Понятие юридической техники при всем многообразии существующих определений следует относить к технике написания и оформления текстов нормативных правовых актов. Инструментарий, используемый в юридической технике, является наиболее универсальным и практически применимым к любым видам нормативных правовых актов.

В основе всех действий по разработке, написанию и оформлению проектов законов, а также последующей работы с ними на различных стадиях законодательного процесса должны лежать принципы законодательной техники.

По мнению Б.В. Чигидина, в отечественной литературе сложились статический и динамический подходы к содержанию понятия юридической техники [1]. Для статического подхода характерно раскрытие содержания понятия юридической техники через перечисление ее элементов – методов, способов, приемов, средств. Динамический же подход рассматривает юридическую технику не только как совокупность названных элементов, но и как деятельность, то есть совершение определенных действий.

Эффективная реализация правотворческой политики тесно связана с грамотным использованием правил и приемов юридической (законодательной) техники.

В юридической литературе под юридической техникой понимается совокупность средств, приемов, правил, методов, применяемых как при разработке содержания и структуры правовых актов, так и при их претворении в жизнь. Основными элементами юридической техники являются юридическая терминология, юридические конструкции, способы построения текста нормативных правовых актов.

Однако в настоящее время наметился разрыв между правовой базой отрасли и общими тенденциями развития законодательства в стране. Многие нормативные правовые акты все менее соответствуют новым принимаемым законам. Вносимые в законодательство поправки носят поверхностный, чаще всего редакционный, характер. Существующие противоречия в правовых нормах, содержащихся в разных нормативных правовых актах, приводят к порождению

многочисленных правовых коллизий, что является тормозом в развитии нормотворческой отрасли.

Детальный анализ некоторых признаков юридической техники позволяет более полно охарактеризовать это понятие.

Рассмотрим признаки юридической техники:

– юридическая техника – это совокупность юридических инструментов, однако применяются они, как правило, в строгой последовательности, а не хаотично. Так, работая над законопроектом, прежде всего следует определиться с понятиями, после чего выстраивать конструкции, определять презумпции, применять фикции и т.п.;

– юридическая техника способствует наиболее целесообразному преобразованию информации в правовой акт;

– юридическая техника позволяет эффективно осуществлять юридическую работу, экономить человеческую энергию. Накопленные в ходе развития человечества навыки должны обращаться на пользу, а не изобретаться и приобретаться вновь;

– юридический инструментарий зависит от уровня развития общества и достигнутых им высот в области экономики (например, применение компьютеров), политики (например, тоталитарное государство мало считает с презумпцией невиновности), нравственности (так, по законодательству СССР граждане не освобождались от дачи показаний в отношении близких родственников) [2].

Противоречия в системе нормативных правовых актов появляются, в частности, в тех случаях, когда органы государственной власти субъектов Федерации принимают конкретные нормативные правовые акты изолированно от других актов, порой плохо представляя себе цели и программу действий, направленных на их достижение. Кроме того, в настоящее время все еще нет федерального закона о нормативных правовых актах, в котором бы определялись основные принципы подготовки и принятия нормативных правовых актов и, в первую очередь, соотношение видов актов с компетенцией принимающих их государственных органов.

Разработка проекта нормативного правового акта невозможна без практического применения многообразных правил и приемов юридической (законодательной) техники. Некоторые ученые слишком широко трактуют это понятие, включая в него учение о законодательной системе, ее структуре, формах и методах построения, или определяют юридическую технику как совокупность правил, приемов, способов подготовки, составления, оформления юридических документов, их систематизации и учета. По существу юридическая техника здесь пересекается с юридической практикой. Иногда в законодательную технику включают классификацию нормативных актов, а также рассматривают ее в широком – как организацию правотворческой деятельности по подготовке, согласованию, обсуждению, принятию акта – и в узком смысле – как правила оформления правовых предписаний.

Выявление ошибок в ходе законодательного процесса обеспечивается методами самопроверки авторами законопроекта, проведением всесторонней, в том числе независимой, экспертизы законопроектов и специальных исследований

возможных последствий принятия закона, а также посредством организации собственно процесса. Избежать множества ошибок можно за счет:

- 1) предупреждения (профилактики), то есть принятия мер, обеспечивающих правильность действий законодателя;
- 2) своевременного выявления законотворческих ошибок в ходе законодательного процесса и в процессе правоприменения;
- 3) устранения выявленных законотворческих ошибок.

В целях достижения компактности регулирования, а также обеспечения системности и доступности законодательства разработчиками проектов законов используется повторение нормативных положений.

Под повторением нормативных положений в правовом акте понимается использование один или несколько раз отдельных положений и целых нормативных предписаний в этом же акте или использование их в иных актах равной юридической силы. Возможно также использование в актах низшей юридической силы нормативных предписаний из актов более высокой юридической силы.

Общие правила в данном случае таковы: повторения и воспроизведения должны быть оправданы; при воспроизведении положений перефразировка текста, неточности, произвольные дополнения недопустимы (допустима редакционная правка в целях достижения связки между отдельными нормативными предписаниями) и т.д.

Часто в нормативных правовых актах необходимо перечислять какие-либо события, явления, объекты и прочее, причем не допускается произвольного перечисления. Кроме того, в ряде случаев способ перечисления имеет нормативное значение. В связи с этим в зависимости от цели предписания и особенностей перечисляемых компонентов в законах применяются различные способы перечислений: по важности компонентов, логической последовательности, хронологии, алфавиту, формальным основаниям, а также в соответствии со сложившейся традицией и некоторые иные способы.

Употребление общепризнанных, унифицированных сокращений и аббревиатур допускается, способствуя компактности законов. Сокращения должны носить унифицированный и общераспространенный характер.

Юридическая техника как часть теории права также занимается исследованием общих закономерностей, но в более предметной ее части – в области правотворчества и реализации права (например, способы структурирования кодексов). Нельзя утверждать, что в отраслевых науках не затрагиваются проблемы юридической техники, но ученых-отраслевиков интересуют технические вопросы права исключительно с отраслевых конкретных позиций. Например, при подготовке Трудового кодекса РФ интенсивно велись дебаты о его структуре: выделять в нем Общую и Особенные части (по типу Уголовного кодекса РФ) или ограничиться разделением его на главы, одну из которых посвятить общим положениям. В итоге была проделана сложная работа, и основную ее часть выполнили специалисты по трудовому праву, а не теоретики права, используя при этом общетеоретические разработки по юридической технике. Но это не отменяет положения о том, что юридическая техника изучает

общие, а не конкретные правила, в частности правила построения нормативных актов и их реализации.

Необходимо отметить, что юридическая техника применяется на всех стадиях разработки и применения нормативного правового акта: в процессе разработки проекта, в ходе его обсуждения и рассмотрения, при оформлении и принятии нормативного правового акта, в процессе его толкования и реализации.

Минюст России особо подчеркивает необходимость разработки и применения в нашей стране общих правил законопроектной работы, в том числе технико-юридических, которые должны быть установлены Правительством РФ.

На региональном уровне некоторые вопросы юридической техники урегулированы в специальных законах («законы о законах») по правотворчеству, законодательному процессу. Показательны в данном случае законы «О правовых актах Свердловской области» [3], «О нормативных правовых актах Курганской области» [4], Закон Иркутской области «О законах и иных нормативных правовых актах» [5]. Распоряжением мэра Москвы утверждены Методические правила подготовки проектов законов, где подробно расписаны лингвистические требования, техника внесения изменений и дополнений в тексты законов и другие приемы, способы и средства юридической техники. Тем не менее в масштабах страны подобные акты носят несистематизированный, фрагментарный характер и всецело зависят от инициативы местного руководства. К сожалению, приходится констатировать, что хорошо продуманной, научно выверенной нормативной базы по вопросам юридической техники в стране не существует.

Вся совокупность правовых норм, образующих систему права, требует единства, согласованности и логической последовательности их изложения. Выполнение данного требования возможно только при наличии эффективно разработанного юридического механизма законотворческой техники, регламентирующей все стадии принятия нормативных правовых актов. По указанной причине представляется целесообразным принятие специального федерального закона о нормативных правовых актах, который определил бы единый порядок работы органов государственной власти и местного самоуправления в сфере подготовки нормативных правовых актов и закрепил важнейшие аспекты нормотворческой процедуры, связанные с подготовкой, рассмотрением, принятием и обнародованием нормативных правовых актов.

Библиографический список

1. Чигидин А.П. Юридическая техника российского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
2. Дмитрук В.Н. Правотворчество – единая система // Юрист. 2002. № 3 (10). С. 70–72.
3. О правовых актах Свердловской области: Закон Свердловской обл. от 10 марта 1999 г. № 4-ОЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О нормативных правовых актах Курганской области: Закон Курганской обл. от 8 окт. 2004 г. № 444 (ред. от 2 июля 2012 г.) // Новый мир. 2004. № 13.
5. О правовых актах Иркутской области и правотворческой деятельности в Иркутской области: Закон Иркутской обл. от 19 дек. 2009 г. № 17/9-СЗ // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. № 1-ОЗ.

G.V. Vershitskaya
Using a Test Buy of Drugs
for the Purpose of Investigation
and Evidence

The order of using a test buy for crime detection upon drug sale is studied. The special attention is paid to the analysis of typical mistakes at the registration of results of an investigative activity.

Key words and word-combinations: a test buy, drug trafficking, investigative activities.

Исследуется порядок использования проверочной закупки для целей раскрытия преступлений по факту сбыта наркотических средств. Особое внимание уделяется анализу типичных ошибок при оформлении результатов оперативно-розыскного мероприятия.

Ключевые слова и словосочетания: проверочная закупка, незаконный оборот наркотиков, оперативно-розыскная деятельность.

УДК 343.13
ББК 67.410.2

Г.В. Вершицкая

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ НАРКОТИКОВ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РОЗЫСКА И ДОКАЗЫВАНИЯ

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, высокий уровень наркотизации населения представляют серьезную угрозу человечеству. По степени общественной опасности такие негативные социальные явления, как наркомания и наркотизм, стоят в одном ряду с терроризмом, техногенными катастрофами и т.п. При раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков существенное значение имеет не только квалификация преступления, но и способы получения доказательств. Для целей розыска и доказывания широко используются оперативно-розыскные мероприятия, одним из которых является проверочная закупка.

Сформировавшаяся в настоящее время практика проведения, фиксации и уголовно-процессуальной реализации результатов проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ характеризуется рядом нарушений действующего законодательства, в том числе отсутствием в постановлении о проведении оперативно-розыскного мероприятия достаточных оснований для его проведения и оформлением результатов проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ в виде нескольких документов, не соответствующих требованиям закона. Подобные нарушения приводят к закрытию уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотиков на стадии предварительного следствия из-за отсутствия достоверных

доказательств или к изменению квалификации преступления при рассмотрении уголовных дел в суде.

В соответствии с ч. 7 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ № 144) проверочная закупка в отношении «...веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен ... проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность» [1].

Постановление о проведении проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ обязательно должно содержать обоснование необходимости ее проведения. Согласно п. 2 ст. 7 ФЗ № 144 основанием для проведения проверочной закупки являются сведения «о признаках ... противоправного деяния, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» [1]. Обоснованием проведения проверочной закупки в данном случае может быть решение одной из задач оперативно-розыскной деятельности, обозначенных в ст. 2 ФЗ № 144: «Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших» [1]. Часто проверочная закупка наркотиков проводится по два или более раз в отношении одного и того же сбытчика по постановлениям, содержащим одинаковое обоснование, что в соответствии со ст. 5 ФЗ № 144 можно расценить как «подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий» [1]. Это является прямым нарушением прав и свобод человека и гражданина и запрещается органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. При судебном разбирательстве уголовных дел с такими материалами суду приходится признавать повторные и последующие проверочные закупки у одного и того же сбытчика провокацией.

В соответствии со ст. 11 ФЗ № 144 результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить основанием для возбуждения уголовного дела и представляться в органы дознания, следователю или в суд, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств. Но ст. 12 ФЗ № 144 в целях защиты сведений об органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, не допускает predания гласности сведений об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий; о лицах, внедренных в организованные преступные группы; о штатных негласных сотрудниках оперативно-розыскных аппаратов; о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе. Это противоречит положению п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК Российской Федерации, требующему указывать источник осведомленности. Ссылки на оперативные источники в качестве доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде не берутся в расчет.

Другой распространенной ошибкой, требующей особого внимания и влекущей за собой ряд нарушений уголовно-процессуального законодательства, является разделение проверочной закупки на отдельные эпизоды с оформлением каждого из них соответствующим документом.

Перед началом оперативно-розыскного мероприятия в присутствии двух

«незаинтересованных граждан» (или понятых) проводится личный досмотр закупащика с целью установления отсутствия у него наркотических средств или психотропных веществ на момент начала закупки, что подтверждается протоколом личного досмотра. В перечне оперативно-розыскных мероприятий, содержащемся в ст. 6 ФЗ № 144, личный досмотр не упоминается, то есть ссылка на данную статью Федерального закона при проведении личного досмотра будет прямым нарушением действующего законодательства.

Оперативные сотрудники в данной ситуации нередко ссылаются на ст. 48 и 49 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – ФЗ № 3), что также является необоснованным. В ч. 3 ст. 48 данного Закона указано, что должностные лица органов внутренних дел «при осуществлении контроля за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров вправе производить досмотр граждан ... при наличии достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконные хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» [2]. Закупщик, осуществляющий проверочную закупку наркотических средств или психотропных веществ в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия, не относится к категории граждан, обозначенной в Федеральном законе.

В ст. 49 ФЗ № 3 указывается что «в целях предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, имеют право на проведение таких оперативно-розыскных мероприятий, как контролируемая поставка и проверочная закупка, но не личный досмотр лица, осуществляющего закупку [2].

Таким образом, личный досмотр закупащика, проводимый оперативными сотрудниками, не соответствует нормам действующего законодательства и, следовательно, является незаконным.

Возникает ряд вопросов и к таким действиям оперативных сотрудников перед началом проведения проверочной закупки, как выдача денежных средств закупащику и осмотр транспортного средства, используемого закупащиком.

Выдача денежных средств также оформляется протоколом, к которому прилагается лист с ксерокопиями купюр, переданных закупащику. Ни в ФЗ № 144 в перечне оперативно-розыскных мероприятий (ст. 6), ни в ФЗ № 3 выдача денежных средств закупащику как самостоятельное действие не упоминается. Именно поэтому протокол, фиксирующий процедуру выдачи денежных средств закупащику, не может использоваться в качестве доказательства при судебном рассмотрении уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотиков.

В случае использования транспортного средства при проведении проверочной закупки оперативные сотрудники подтверждают протоколом отсутствие в автомобиле наркотических средств или денежных купюр, безосновательно ссылаясь при этом на ст. 48 и 49 ФЗ № 3 и п. 8 ст. 6 ФЗ № 144. Но в последней норме в качестве оперативно-розыскного мероприятия указывается обследование транспортного средства, а не его осмотр или досмотр, и поэтому именно это оперативно-розыскное мероприятие должно оформляться протоколом.

По окончании оперативно-розыскного мероприятия добровольно выданные

закупщиком наркотические средства или психотропные вещества в присутствии понятых осматриваются оперативными сотрудниками, о чем составляется протокол. Данная процедура также содержит ряд нарушений уголовно-процессуального законодательства.

В ст. 6 ФЗ № 144 и ст. 48, 49 ФЗ № 3 ничего не говорится о добровольной выдаче наркотических средств и психотропных веществ или их осмотре как об оперативно-розыскном мероприятии. В соответствии со ст. 15 ФЗ № 144 при решении задач оперативно-розыскной деятельности органы, ее осуществляющие, имеют право «...производить при проведении оперативно-розыскных мероприятий изъятие документов, предметов, материалов и сообщений...» [1], о чем составляется протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Но в УПК РФ не указывается такое следственное действие, как добровольная выдача и осмотр. Более того, до возбуждения уголовного дела, согласно УПК, может быть проведен только один вид следственного осмотра – осмотр места происшествия. Таким образом, протокол добровольной выдачи и осмотра наркотических средств или психотропных веществ, составленный после проведения проверочной закупки, также будет незаконным.

Не выдерживает никакой критики наличие в материалах некоторых уголовных дел по факту сбыта наркотических средств так называемого протокола наблюдения. Он составляется оперативным сотрудником и содержит сведения о действиях закупщика в ходе проведения проверочной закупки. Как правило, это информация о том, что закупщик, выйдя из машины, зашел в дом по конкретному адресу, где находился в течение некоторого времени, и по возвращении к машине с оперативными сотрудниками и понятыми добровольно выдал приобретенные им наркотические средства. Ни в ФЗ № 3, ни в Уголовно-процессуальном кодексе РФ нет упоминания о подобном документе, поэтому составлять его и тем более использовать в процессе доказывания не имеет смысла.

Согласно ст. 6 ФЗ № 144 в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий допускается использование «...видео- и аудиозаписи, фотосъемки, а также других технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде» [1]. Фиксацию хода проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ целесообразно проводить посредством видеозаписи с использованием соответствующих технико-криминалистических средств. После получения такой видеозаписи с целью приобщения ее к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства на стадии предварительного следствия необходимо провести ряд следственных действий, оформленных в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Прежде всего это допрос лица, выполнившего видеозапись, с отражением в протоколе допроса оснований для ее выполнения; далее необходимо провести следственный осмотр видеозаписи с описанием ее содержания в протоколе следственного осмотра; и, наконец, вынесение следователем постановления о приобщении видеозаписи к материалам уголовного дела по факту сбыта наркотических средств в качестве вещественного доказательства. Только при соблюдении указанной процедуры видеозапись, полученная в ходе проведения проверочной закупки, станет доказательством при рассмотрении уголовного дела в суде.

Следующий документ, который составляется оперативными сотрудниками, – протокол личного досмотра лица, задержанного в ходе проверочной закупки. Данный протокол составляется аналогично протоколу досмотра лица, осуществляющего закупку, и также является незаконным.

В некоторых случаях задержание и личный обыск сбытчика оформляются актом о выявлении и пресечении преступления в результате оперативно-розыскных мероприятий. В данном документе указывается, что после добровольной выдачи наркотиков оперативные сотрудники, руководствуясь ст. 6 ФЗ № 144, проводят исследование его одежды и находящихся при нем предметов, а также обследование его транспортного средства с целью сбора образцов для сравнительного исследования. Фактически в данном случае производится личный обыск задержанного сбытчика, что не соответствует требованиям закона, поскольку личный обыск является следственным действием и предполагает определенную процессуальную подготовку к его проведению. Этот акт является незаконным еще и потому, что изъятие наркотических средств у сбытчика осуществляется оперативными сотрудниками со ссылкой на ч. 1 ст. 15 ФЗ № 144. В данной норме указывается, что в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Другими словами, изъятие должно производиться не на основании ФЗ № 144, а в соответствии с нормами УПК РФ.

Таким образом, единственным законным основанием к задержанию и проведению личного досмотра сбытчика может быть только совершение им административного правонарушения.

Проведение проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ осуществляется оперативными сотрудниками с целью получения доказательств факта сбыта. Но представляемые следователю для целей доказывания материалы лишь косвенно подтверждают вину сбытчика. Единственным прямым доказательством факта сбыта в данной ситуации выступают показания закупщика об обстоятельствах получения им наркотических средств или психотропных веществ. В случае отрицания сбытчиком своей вины о факте сбыта наркотиков и заявления о том, что закупщик уговорил или вынудил его сбыть ему часть наркотических средств, которые он хранил для себя, следствие получает два равнозначных взаимоисключающих доказательства. На основании этого суд вынужден будет признать факт провокации сбыта наркотиков оперативными сотрудниками.

Отсутствие у закупщика наркотических средств на момент начала проверочной закупки и последующее обнаружение у сбытчика меченых денежных купюр не доказывает факта сбыта. Личный досмотр закупщика гарантирует отсутствие у него наркотических средств, но не исключает возможности их появления после его окончания из какого-либо источника, одним из которых может быть сбытчик. Обнаружение у сбытчика меченых денежных купюр доказывает не факт сбыта наркотических средств, а факт передачи денег закупщиком сбытчику. Оба эти доказательства косвенно подтверждают показания закупщика, но не могут опровергнуть заявление сбытчика о его невиновности.

Показания понятых и оперативных сотрудников также являются косвенны-

ми доказательствами, поскольку они, как правило, не присутствуют лично при купле-продаже наркотиков.

Резюмируя, можно обозначить типичные ошибки, совершаемые оперативными сотрудниками при проведении проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ. Во-первых, постановление о проведении проверочной закупки часто утверждается ненадлежащим лицом. Во-вторых, в постановлении о проведении проверочной закупки не указываются основания для ее проведения. В-третьих, в материалах уголовного дела отсутствует постановление о представлении результатов оперативно-розыскного мероприятия следователю.

Согласно ч. 3 ст. 11 ФЗ № 144 «представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами» [1].

Таковым актом является Инструкция «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд», утвержденная совместным приказом МВД, ФСБ, ФСО, ФТС, СВР, ФСИН, ФСКН, МО от 17 апреля 2007 года № 368/185/164/481/32/184/97/147. В соответствии с п. 10 и 11 указанной Инструкции «представление результатов оперативно-розыскной деятельности для осуществления проверки и принятия процессуального решения в порядке статей 144 и 145 УПК РФ и для приобщения к материалам уголовного дела происходит на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность» [3].

Таким образом, для того чтобы результаты проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ могли использоваться в уголовном процессе в качестве доказательств, на наш взгляд, необходимо соблюдение следующих требований:

1. Фиксацию хода проверочной закупки проводить посредством видеозаписи с последующим приобщением ее к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.
2. Оформление проверочной закупки проводить единым протоколом с описанием результатов осмотра одежды закупщика, осмотра и пометки денежных купюр, осмотра и экспресс-тестирования наркотических средств или психотропных веществ.
3. Проведение проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ осуществлять с целью получения прямых доказательств, то есть с целью доказывания факта инициативного сбыта.

В заключение следует отметить, что правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и в области противодействия их незаконному обороту в целях охраны здоровья граждан, государственной и общественной безопасности устанавливает Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах». Согласно ст. 4 ФЗ № 3 государственная политика в сфере оборота наркотических средств

и психотропных веществ направлена на установление строгого контроля за их оборотом, а также на сокращение количества правонарушений в сфере их незаконного оборота [2]. Решение этих задач зависит от эффективности процесса раскрытия, расследования и судебного разбирательства уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Достоверность полученных доказательств по уголовным делам указанной категории во многом определяется не только уровнем профессиональной компетенции лиц, осуществляющих расследование, но и строгим соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства при оформлении результатов криминалистической деятельности по розыску и доказыванию.

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. от 29 нояб. 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федер. закон от 8 янв. 1998 г. №3-ФЗ (с изм. от 1 марта 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД, ФСБ, ФСО, ФТС, СВР, ФСИН, ФСКН, МО от 17 апр. 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

S.V. Sazonov
Legal Ways to Address the Illegal Dumping of Household Waste in the Individual Residential Sector

The problem of collection and disposal of household waste in municipalities of the Russian Federation in individual residential sectors is studied. Ways to solve the problem by legal means are proposed.

Key words and word-combinations: municipal solid waste, individual residential sector, local authorities, legal means.

Исследуется проблема сбора и вывоза бытовых отходов в муниципальных образованиях Российской Федерации в индивидуальном жилом секторе. Предложены пути решения проблемы юридическими способами.

Ключевые слова и словосочетания: бытовые отходы, индивидуальный жилой сектор, органы местного самоуправления, правовые пути.

УДК 342.55:351
ББК 67.400.7+67.401.11

С.В. Сазонов

ПРАВОВЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ СВАЛОК БЫТОВЫХ ОТХОДОВ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЖИЛОМ СЕКТОРЕ

Проблема сбора и вывоза отходов жизнедеятельности человека – как производственных, так и бытовых – стала особенно острой с развитием промышленности, доминированием культа потребительства в обществе. При этом с ростом благосостоя-

ния и повышением качества жизни людей увеличивается и объем бытовых отходов. Казалось бы, научные знания человечества, полученные в результате технического прогресса, должны способствовать решению экологических проблем, в том числе и вопроса с отходами производства и потребления. Но, к сожалению, этого не происходит.

В России во многом утрачен опыт регулярного сбора твердых бытовых отходов от частного сектора в городах и поселках городского типа, а во многих селах и деревнях сбор данных отходов вообще не организован. Проблема несанкционированных свалок мусора – твердых бытовых отходов (отходов потребления в значении Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления») – является лишь частью актуальной проблемы обращения с отходами деятельности человеческого общества.

Делать акцент только на сознательность гражданина в этом вопросе нельзя – невозможно добиться гражданской сознательности от всего населения. Необходимы экономические и юридические инструменты воздействия на граждан (в том числе посредством издания новых нормативных актов и внесением изменений в действующие нормы российского права) с целью принуждения собственников жилых домов (помещений) индивидуального жилого сектора к экологичному отношению к окружающей среде и соблюдению санитарного порядка. Воспитательная работа среди населения, призывы к разуму и совести сограждан тоже не будут лишними, но только как дополнительные и вспомогательные меры.

Жилищный кодекс РФ и соответствующие акты Правительства РФ практически решили проблему сбора и вывоза бытовых отходов в многоквартирных домах (в дальнейшем – МКД). Так, в соответствии со ст. 154 Жилищного кодекса РФ оплата коммунальных услуг включает в себя плату за горячее и холодное водоснабжение, водоотведение, электроснабжение, газоснабжение (в том числе поставки бытового газа в баллонах), отопление (теплоснабжение, в том числе поставки твердого топлива при наличии печного отопления) [1].

В примерный перечень работ по содержанию общего имущества в многоквартирном доме Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме входят в числе других сбор и вывоз твердых и жидких бытовых отходов [2]. Таким образом, услуги по сбору и вывозу твердых бытовых отходов (в дальнейшем ТБО) законодатель отнес к услугам по содержанию жилья, и они включаются управляющими организациями в перечень обязательных услуг по содержанию жилищного фонда в многоквартирных домах.

Постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» утверждены Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, согласно которым исполнитель услуги вправе ограничить или приостановить предоставление коммунальной услуги в случае неполной оплаты потребителем этой услуги. В соответствии с п. 117–118 дан-

ного постановления если потребитель частично оплачивает предоставляемые исполнителем коммунальные услуги и услуги по содержанию и ремонту жилого помещения, то исполнитель делит полученную от потребителя плату между всеми указанными в платежном документе видами коммунальных услуг и платой за содержание и ремонт жилого помещения пропорционально размеру каждой платы [3].

Таким образом, следуя логике указанных нормативных правовых актов и практике их применения, неоплата (частичная оплата) услуг по содержанию общего имущества в многоквартирном доме (в том числе, услуги по сбору и вывозу ТБО) реально может повлечь ограничение или приостановление коммунальной услуги (например, подачи электроэнергии или горячего водоснабжения) на основании законодательства. Просто и действенно.

Платежный документ для внесения платы жильцами МКД за коммунальные услуги и содержание мест общего пользования является единым, не разделяясь на отдельные квитанции за различные виды услуг, что также является гарантией наступления неблагоприятных последствий для неплательщика услуг по сбору и вывозу ТБО. Практически невозможно из этого документа выделить отдельно ту или иную услугу и оплатить именно ее.

Рассмотрим положение со сбором и вывозом ТБО. В этом вопросе для собственников индивидуальных жилых домов превалирует принцип свободы договора, которым прикрываются недобросовестные граждане, не желающие платить за услугу сбора и вывоза ТБО, загрязняя мусором ближайшие пустыри, овраги, леса (в худшем случае) или складирова свои отходы в контейнеры, оплачиваемые другими жильцами (в лучшем случае).

Частники обычно приводят довод, что заставить их заключить договор никто не вправе. В гражданском законодательстве этот принцип именуется свободой договора. Пункт 1 ст. 421 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда эта обязанность предусмотрена Гражданским кодексом РФ, законом или добровольно принятым обязательством [4]. Никто не вправе понуждать гражданина или юридическое лицо к заключению договора со специализированной организацией ЖКХ. Любые нормативные акты органов местного самоуправления в принципе противозаконны.

Следовательно, невыполнение субъектом рекомендации органов местного самоуправления заключить договор на вывоз мусора не расценивается как нарушение экологических, санитарных и иных требований природоохранного законодательства, и, соответственно, он (субъект) не подлежит привлечению к ответственности за отказ от заключения договора.

Таким образом, наблюдается фактическое неравноправие в соблюдении гражданско-правового принципа «свободы заключения договора» по отношению к гражданам, проживающим в МКД, и гражданам-собственникам жилых домов, несмотря на то что и те и другие являются источниками образования отходов потребления.

Полномочия органов местного самоуправления в сфере обращения с отходами определены в законодательстве как организация сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов в соответствии с Федеральным законом «Об отходах производства и потребления» [5].

Согласно ст. 8 данного Закона к полномочиям органов местного самоуправления поселений в области обращения с отходами относится организация сбора и вывоза бытовых отходов и мусора. К полномочиям органов местного самоуправления муниципальных районов в области обращения с отходами относится организация утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов. К полномочиям органов местного самоуправления городских округов в области обращения с отходами относится организация сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов.

Аналогичные полномочия (вопросы местного значения) прописаны в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6] и Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [7].

Статьи 5–6 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» устанавливают, что среди полномочий органов государственной власти, коррелирующих полномочия органов местного самоуправления в сфере обращения с отходами, следует выделить разработку и принятие федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области обращения с отходами, а также принятие в соответствии с законодательством Российской Федерации законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, контроль за их исполнением [5].

Анализируя нормы федеральных законов, устанавливающих полномочия муниципальной власти, можно отметить, что муниципальный район не осуществляет деятельность по сбору и вывозу отходов, однако занимается организацией утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов. Поселения организуют сбор и вывоз бытовых отходов и мусора. Городские округа организуют сбор, вывоз, утилизацию и переработку бытовых и промышленных отходов.

Ни в одном из указанных законов не определены понятия «мусор» и «промышленные отходы», что свидетельствует о терминологической неопределенности и понятийных проблемах действующего законодательства в сфере обращения с отходами.

В других нормативных актах даются определения аналогичных терминов. Согласно п. 3.11, 3.47 Межгосударственного стандарта ГОСТ 30772-2001 «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения» «мусор» – это мелкие неоднородные сухие или влажные отходы, а «отходы производства» – остатки сырья, материалов, веществ, изделий, предметов, образовавшиеся в процессе производства продукции, выполнения работ (услуг) и утратившие полностью или частично исходные потребительские свойства [8]. Представляется, что применение таких терминов в толковании федеральных законов будет не вполне оправданно и корректно.

Необходимо отметить, что на органы местного самоуправления поселений действующее законодательство возлагает только обязанность по организации сбора и вывоза бытовых отходов и мусора. Рациональность такого «разделения труда» сомнительна ввиду отсутствия, как правило, соответствующей финансовой и производственной обеспеченности поселений.

Утилизацией и переработкой бытовых и промышленных отходов и мусора должны заниматься органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов, а на сбор, вывоз промышленных отходов компетенция органов местного самоуправления поселений и вовсе не распространяется. В то же время именно в поселениях могут находиться промышленные производства, являющиеся источниками образования промышленных отходов. Однако ни у поселений, ни у муниципального района, в отличие от городских округов, нет полномочий по сбору и вывозу промышленных отходов.

Можно предположить, что сбором и вывозом промышленных отходов должны заниматься сами предприятия без участия местной власти. Тогда возникает вопрос: почему подобная обязанность вменяется городским округам?

Итак, взаимодействие органов власти всех уровней в сфере обращения с отходами производства и потребления нуждается в дополнительном правовом регулировании.

В качестве возможных альтернативных путей решения проблемы сбора и вывоза ТБО из индивидуального жилого сектора, основываясь на практике муниципальной службы, нами предлагаются следующие варианты.

Во-первых, можно внести изменение в статью 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а именно дополнить ее частью 4 следующего содержания: «Юридические лица, индивидуальные предприниматели, в процессе деятельности которых на территории муниципального образования образуются отходы производства и (или) потребления, при отсутствии у них лицензии на сбор, использование, обезвреживание, транспортирование, размещение отходов, а также физические лица обязаны заключить договоры на услуги по вывозу и захоронению отходов производства и потребления».

В статье 1 Гражданского кодекса РФ говорится, что «граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора».

Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [4].

В настоящее время ст. 8.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях уже предусмотрена ответственность юридических и физических лиц за несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при сборе, накоплении, использовании, обезвреживании, транспортировании, размещении и ином обращении с отходами производства и потребления или иными опасными веществами [9].

Предлагаемая новелла в законодательстве в корреспонденции со ст. 42 Конституции РФ (право граждан на благоприятную окружающую среду), ст. 1 Гражданского кодекса РФ и ст. 8.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях будет способствовать защите здоровья, прав и законных интересов других лиц от незаконного размещения отходов (несанкционированных свалок ТБО).

Во-вторых, следует внести изменения в часть 4 статьи 154 Жилищного кодекса РФ и в соответствующие постановления Правительства РФ, включив в состав коммунальных услуг услуги вывоза твердых бытовых отходов. Представляется, что данное изменение будет способствовать формированию более ответственного подхода со стороны жителей индивидуального жилого сектора к вопросам сбора и вывоза отходов. Кроме того, устранился различие в обязательной оплате данной услуги между жителями многоквартирных домов и жителями сектора индивидуальной жилой застройки, что, в свою очередь, поможет обеспечению благоприятной экологической обстановки.

В-третьих, необходимо внести изменения в перечень вопросов местного значения органов местного самоуправления, утвержденный Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6] в части отнесения к полномочиям местной власти определения порядка сбора и вывоза ТБО и обязательного заключения договоров в рамках утверждения правил благоустройства территории. Это позволит органам местного самоуправления принимать муниципальные нормативные правовые акты, в которых будет прямо предписано юридическим и физическим лицам заключать договоры на вывоз отходов со специализированными организациями.

Следует отметить, что де-факто такие муниципальные правовые акты уже действуют в Свердловской, Челябинской областях и других регионах.

Кроме того, можно применить аналогию права. Следует вспомнить, что до недавнего времени принятие самих правил благоустройства территорий находилось в компетенции субъектов РФ, а теперь относится к вопросам местного значения.

В результате применения всего комплекса мер юридического стимулирования со стороны государства и органов местного самоуправления граждан, независимо от вида жилищного фонда, в котором он проживает, будет обязан оплачивать услугу сбора и вывоза отходов наряду с такими услугами, как электроснабжение, водоснабжение и теплоснабжение.

Такая финансовая поддержка со стороны граждан в области обращения с отходами приведет к обеспечению санитарного и экологического порядка на территориях муниципалитетов. Кроме того, у граждан появится возможность контролировать исполнителей данной услуги и требовать ее качественного и своевременного исполнения.

Библиографический список

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 28 июля 2012 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14; Рос. газ. 2005. 12 янв., № 1.

2. Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и Правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность: постановление Правительства РФ от 13 авг. 2006 г. № 491 (в ред. от 6 мая 2011 г.) // СЗ РФ. 2006. № 34. Ст. 3680; Рос. газ. 2006. 22 авг., № 184.

3. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов: постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 (в ред. от 27 августа 2012 г.) // СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3168; Рос. газ. 2011. 1 июня, № 116.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2012 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Рос. газ. 1994. 8 дек., № 238-239.

5. Об отходах производства и потребления: Федер. закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (в ред. от 28 июля 2012 г.) // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009; Рос. газ. 1998. 30 июня, № 121.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40.

7. Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2.

8. Межгосударственный стандарт ГОСТ 30772-2001. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения: введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 28 дек. 2001 г. № 607-ст. М., 2003.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 3 дек. 2012 г.) // Рос. газ. 2001. 31 дек., № 256.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**P.A. Chashkin, R.A. Kalugin
Information Culture
and Innovation Development
of a Military Institute Cadet's
Personality**

The social significance of the information culture of society and its impact on the information culture of military institute cadets are considered. The positive correlation between information and innovation culture is revealed.

Key words and word-combinations: information culture, innovative culture, cadet, military institute.

Рассматривается социальная значимость информационной культуры общества и ее влияние на культуру курсантов военного института. Выявлена положительная корреляция между информационной и инновационной культурой.

Ключевые слова и словосочетания: информационная культура, инновационная культура, курсант, военный институт.

УДК 004:002:316.37
ББК 73+60.53

П.А. Чашкин, Р.А. Калугин

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТА ВОЕННОГО ВУЗА

Под влиянием широкого использования информации сегодня во всем мире происходят значительные социальные сдвиги. Информация начинает занимать ведущее место в объективной реальности, и к настоящему времени становится очевидным, что информационная культура человека возникает как производная от информационных процессов. Будучи составной частью жизни современного общества, она приобретает важное общественно-политическое значение, так как оказывает воздействие практически на всю жизнедеятельность человека, на международную обстановку, на все мировое общество.

Процессы информатизации, идущие внутри российского общества, все более влияют на культурный потенциал государства и его составной части – Вооруженные силы РФ. Информационная культура армии тесно объединена с информационной культурой общества, поскольку существует прямая за-

висимость информационной культуры военнослужащего от степени развития информационной культуры российского общества.

Возникновение нового информационного порядка, основанного на знаниях и видах деятельности внутри информационного общества, радикальные преобразования в обществе во многом по-новому интерпретировали основные вопросы в военно-профессиональной подготовке офицерских кадров. Меняющиеся информационные параметры функционирования Вооруженных сил РФ на современном этапе общественного развития предписывают наиболее пристальное внимание в профессиональной подготовке офицеров уделять повышению уровня их информационной культуры. Нарастающий поток информации в условиях современной действительности требует выхода на более высокую степень военного образования, характеризующуюся не объемом знаний, а способностью добывать нужную информацию; уровнем вовлеченности курсантов в информационную деятельность; владением умениями и навыками дифференциации и управления информацией.

В настоящее время общепринятого толкования понятия информационной культуры не существует, однако имеется широкий спектр определений, от самых общих до более или менее конкретных. Это объясняется тем, что Россия сегодня находится в начальной фазе информатизации и, по прогнозам некоторых ученых, достигнет высокого уровня этого процесса в 30–40-е годы XXI в., поэтому для начального этапа характерны размытость формулировок, нечеткость используемых терминов, отсутствие единого подхода к оценке сущности и содержания исследуемого явления [1].

На наш взгляд, следует понимать информационную культуру как базу информационного мировоззрения и системы знаний, умений и навыков, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по наилучшему удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием новых информационных технологий. Это понятие характеризует сложный, многоуровневый и многоаспектный феномен взаимодействия человека и информации. В составе информационной культуры выделяется много компонентов: от умения вести поиск информации, анализировать и критически оценивать найденные источники информации, до их творческого использования в целях решения многообразных задач, возникающих в учебной, профессиональной, досуговой или иной видах человеческой деятельности [2, с. 236–237].

Инновации, связанные с освоением информационной культуры, представляются наиболее важными в процессах модернизации всех структур и институтов российского общества, включая и армию. Таким образом, информационная культура личности курсанта военного вуза рассматривается как подсистема личности, обеспечивающая надлежащий характер процессов ее жизнедеятельности, а именно:

- целеустремленное формирование у курсанта четкой, адекватной и динамичной картины мира;
- результативный обмен информацией, обеспечиваемый наличием у курсанта информационных умений и навыков: оценки значимости, пользы и дос-

товерности получаемой информации, поиска и отбора важной и необходимой информации, восприятия и передачи информации (коммуникативных и языковых умений), информационно-психологической защиты и самозащиты.

– постоянно высокий уровень потребности в получении информации, способность творческого ее восприятия и переработки;

– формирование и совершенствование индивидуальных эффективных способов усвоения и сохранения информации;

– усвоение морально-нравственных принципов в информационной сфере: вопросы доступа к чужой информации; применение информации для меркантильных целей или в качестве инструмента давления на личность, ограничение доступа других пользователей к полезной информации и т.д.

Изучение специальных источников по проблемам феномена информационной культуры позволяет сделать выводы, что в научной литературе до сих пор не рассмотрены вопросы подготовки высококвалифицированных специалистов в области информационной культуры; не изучены механизмы объединения социально-информационных, естественно-информационных и собственно информационных знаний в единую личностную информационную подсистему; не раскрыты основополагающие проблемы концепции информационной культуры офицерских кадров Вооруженных сил; не исследован и ряд других вопросов, в том числе и более общего порядка [3].

В настоящее время недостаточная научная разработанность проблемы информационной культуры офицера настоятельно требует осмысления сущности, содержания, специфики и структуры информационной культуры, а также основных направлений ее формирования и развития у курсантов военного вуза. Актуальность этой задачи вызвана тем, что сегодня наметилось реальное противоречие между насущной потребностью в военных кадрах, обладающих высоким уровнем информационной культуры, подготовленных к различным видам деятельности в области сбора, обработки, хранения и защиты профессионально значимой информации на уровне современных требований, и их реальным числом

Лавинообразный поток информации в условиях современного информационного общества в полной мере распространяется и на военную сферу государства, что обусловило потребность Вооруженных сил РФ в инициативных, грамотных военных специалистах, способных быстро реагировать на изменяющиеся социальные условия, перерабатывать и использовать информацию в различных форматах ее представления. Однако сегодня система высшего военного образования не ориентирована на формирование новой информационной культуры личности будущего офицера, адекватной той информационной реальности, которая окружает каждого человека, изменяет весь его образ жизни и привычные стереотипы поведения. Так, информационная культура в военном вузе не преподается. Представление об информационной культуре курсантов в военной литературе встречается очень редко и не рассматривается в ее абсолютном значении. Такое положение является достаточно опасным ввиду того, что для эффективного использования информационного пространства необходима соответствующая информацион-

ная культура будущего офицера, стимулирующая самостоятельный поиск, оценку и отбор информации, необходимой для профессионализации и инновационного развития будущего офицера.

Модернизация Вооруженных сил РФ и придание им нового облика на современном этапе развития общества предписывают уделять наиболее пристальное внимание в профессиональной подготовке будущих офицеров повышению уровня их информационной культуры. Это обусловлено тем, что в процессе происходящего сегодня военного строительства наряду с материально-техническим оснащением войск, их комплектованием, формированием военной политики, ориентацией на качественные параметры развития Вооруженных сил РФ особое значение приобретают проблемы, связанные со сбором, хранением, потреблением и своевременной передачей соответствующей военно-социальной информации [4].

Современная доктрина военного образования констатирует необходимость поиска эффективных средств овладения информацией, которые создадут оптимальные условия для удовлетворения потребностей обучающихся. Сегодня в информационной среде самостоятельное оперирование информационными объектами в целях профессионального обучения и саморазвития требует высокого уровня культуры взаимодействия с информацией, умения обучающегося самостоятельно контролировать и оценивать результаты своей информационной деятельности. Осознание недостаточной информированности становится движущей силой творческого саморазвития курсанта в преодолении противоречий между желанием повысить профессиональный статус, общую культуру и уровнем имеющихся у него знаний [5].

Потребность формирования информационной культуры курсантов в ходе обучения в военном институте диктуется необходимостью разработки практического инструментария оценки инновационного потенциала развития современных форм информационной культуры в практиках силовых структур. Способность системы профессионального военного образования к инновационному развитию в данном случае определяется, на наш взгляд, уровнем инновационного потенциала военного вуза, то есть системой факторов и условий, необходимых для осуществления инновационного процесса [6].

Таким образом, инновационный потенциал военного вуза является результатом взаимодействия институциональных, социальных и организационных факторов развития. Оптимальное сочетание многообразия этих факторов создает условия для эффективного становления информационной культуры курсантов, что характеризует способность военного вуза к изменению, улучшению, устойчивому развитию и достижению нового качественного состояния.

Информационные системы, чтобы существовать и развиваться, должны взаимодействовать и изменяться. Прогресс в развитии информационной системы проявляется в образовании и накоплении образов и отображений объектов других информационных систем во всякой конкретной информационной системе. Информационные системы, существующие в изоляции, не могут взаимодействовать с другими информационными системами, так как не обладают возможностью накопления образов объектов других информационных систем в

своем информационном пространстве в связи с отсутствием у них материала для отображения. Следовательно, возникает потребность в создании единого информационного пространства в системе военного образования, так как информация в современных условиях является основанием, обеспечивающим оперативность и эффективность управленческих решений, способствующих модернизации системы военного образования. Отсутствие информации о жизнедеятельности военных образовательных учреждений может привести к возникновению информационного вакуума и нарушению открытости и целостности системы высшей военной школы.

Информационно-образовательная среда (ИОС) военного вуза в идеале должна перевести на новый технологический уровень все информационные процессы, проходящие в образовательном учреждении. Правильно организованная ИОС военного вуза позволяет на новом уровне осуществить дифференциацию обучения, повысить мотивацию курсантов к развитию, обеспечить наглядность представления практически любой информации, обучить современным способам самостоятельного получения знаний, что, безусловно, станет условием достижения нового качества образования.

Таким образом, информационно-образовательную среду военного образовательного учреждения следует воспринимать не только как единое информационное пространство военного вуза, но и как эффективную образовательную систему. Но, чтобы эта модель работала, необходимы кардинальные изменения в информационной культуре участников образовательного процесса – командования военного вуза, преподавателей и курсантов. В системе военного образования накоплен необходимый опыт инновационной деятельности в содержании, методах обучения и воспитания. Опираясь на него как на базу, можно ставить задачу по формированию у курсантов инновационной толерантности и восприимчивости.

Основной целью инновационной деятельности в сфере военного образования является развитие творческих способностей и профессионализма курсантов, поэтому существенным фактором совершенствования образовательного процесса следует считать создание образовательных программ на основе запросов обучаемых [7, с. 277–295]. При этом важно не столько понимание запросов обучаемых и плановое составление на их основе образовательных программ, сколько оперативное и гибкое реагирование на их изменение в процессе обучения. Становление информационной культуры курсантов военного вуза как профессионально-личностного качества будущего офицера должно происходить непрерывно, с первого курса по пятый, в ходе специально организованного обучения, с использованием методики формирования компонентов информационной культуры.

Повседневное применение современных средств информатизации в образовательном процессе военного института становится существенным фактором технического прогресса, важнейшим элементом формирования информационной культуры и в конечном итоге реализации творческого потенциала будущих офицеров, поскольку позволяет накопить и сделать доступными для них огромные объемы профессионально важной информации. В связи с этим способ-

ность ориентироваться в информационных потоках, умение работать с информационными технологиями и адаптироваться в быстро меняющихся условиях становятся определяющими в профессиональной деятельности военнослужащего. Все эти качества личности курсанта должны формироваться в процессе получения военного образования, которое на современном этапе проведения военной реформы приобретает качественно новую роль, становится движущей силой развития личности будущего офицера.

В заключение необходимо отметить, что информационная культура личности курсанта военного вуза – одна из общечеловеческих ценностей, база информационного мировоззрения и культуры знаний, обеспечивающих целеустремленную самостоятельную образовательную деятельность по наилучшему удовлетворению своих информационных потребностей. Существует положительная корреляция между информационной культурой и инновационным развитием личности, что обеспечивает восприимчивость курсантов военных вузов к современным идеям, их стремление поддерживать и реализовывать нововведения во всех сферах реформирования армейской жизни.

Инновационное развитие курсанта, с нашей точки зрения, отражает целостную ориентацию его личности, закрепленную в потребностях, мотивах, знаниях, умениях, а также в образцах поведения. Формирование информационной культуры – суть инновационного развития личности курсанта, что сопряжено прежде всего с развитием интеллекта на основе творческих способностей и материализацией креативного потенциала самого курсанта – ее субъекта. В настоящее время в силовых структурах от военного специалиста требуется умение думать, а не просто придерживаться установившихся шаблонов. Способность к инновациям и разумной инициативе все чаще становится критерием оценки военного профессионализма.

Библиографический список

1. Соколова И.В. Социальная информатика и социология: проблемы и перспективы взаимосвязи. М., 2003.
2. Даутов В.В., Чашкин П.А. Информационная культура военных кадров в условиях информационного общества // Вестник ПАГС. 2012. № 1 (30). С. 236–237.
3. Водопьянова Н.А. Информационная культура как отражение процессов в социокультурной и образовательной сферах // Фундаментальные исследования. 2006. № 7. С. 69–71.
4. Грибакина Н.А. Формирование социального института военного образования в России // Социология образования. 2008. № 4. С. 22–33.
5. О Военной доктрине Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 февр. 2010 г. № 146 // Рос. газ. 2010. 10 февр., № 5106.
6. Нечетуренко М.Н. Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием предприятия на основе инновационной активности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.
7. Управление высшим учебным заведением: учебник / под. ред. д-ра экон. наук, проф. С.Д. Резника и д-ра физ.-мат. наук В.М. Филиппова. 2-е изд., перераб. М., 2010.

A.I. Tepaeva
Life Quality Characteristics
of Overweight and Obese People:
Correcting Possibilities

The article presents the results of the sociological survey that help to determine the key problems of patients' life quality and create practical recommendations and affective corrective measures for the formation of a proper patients' behavior.

Key words and word-combinations: life quality, overweight, way of life, health, behavior.

Представлены результаты социологического исследования, позволяющие выделить ключевые проблемы, связанные с обеспечением качества жизни больных, и выработать практические рекомендации, направленные на формирование культуры поведения пациентов.

Ключевые слова и словосочетания: качество жизни, избыток массы тела, образ жизни, здоровье, поведение.

УДК 316:61
ББК 60.561.6

А.И. Тепаева

**ПАРАМЕТРЫ КАЧЕСТВА
ЖИЗНИ БОЛЬНЫХ,
СТРАДАЮЩИХ
ИЗБЫТОЧНОЙ МАССОЙ
ТЕЛА И ОЖИРЕНИЕМ:
ВОЗМОЖНОСТИ
КОРРЕКТИРУЮЩЕГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Проблема качества жизни пациентов, страдающих избыточным весом и ожирением, в современном обществе является достаточно актуальной, массовой и социально значимой. Социальные и техногенные факторы общества способствуют в последние десятилетия росту распространения избыточного веса. Но необходимо отметить, что данная проблема является не только и не столько медицинской, сколько социальной – как по генезису и факторам своего развития, так и в силу охвата значительной части населения и вследствие специфики социального положения лиц, имеющих чрезмерный вес. В связи с этим важным представляется исследование параметров качества жизни больных, страдающих избыточной массой тела и ожирением, с целью определения возможностей корректирующего воздействия.

Понятие «качество жизни» широко используется различными общественными науками в исследовании экономических, политических, социальных, культурных, экологических и других условий жизни людей и характеризует ее качественную сторону. Учитывая теоретико-мировоззренческие, социально-экономические содержание и направленность различных концептуальных интерпретаций качества жизни, их можно разделить на две

большие группы – с объективистским и субъективистским подходами. Если объективистский подход базируется на концепции «экономического человека» с его стремлением к удовлетворению базовых материальных потребностей, то для субъективистского подхода характерны такие категории, как ощущение счастья, удовлетворенность и самоактуализация личности [1, с. 3–6].

Системность качества жизни определяется единством его компонентов – самого человека как существа биологического и духовного, его жизнедеятельности и условий, в которых она протекает. Следовательно, номенклатура показателей качества жизни должна включать как объективные характеристики самого человека (или регионального социума), его жизнедеятельности и условий жизни, так и субъективные оценочные характеристики, отражающие отношение субъекта к реалиям его жизни [2, с. 6].

В настоящее время исследование качества жизни становится одним из распространенных и общепризнанных методов изучения течения заболеваний, прежде всего хронических. По определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), качество жизни – это «восприятие индивидуумами своего положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей той среды, в которой они живут, в неразрывной связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами» [3, с. 7–11]. Та же организация определяет здоровье как «полное физическое, психологическое и социальное благополучие человека, а не просто отсутствие заболевания».

Всемирной организацией здравоохранения устанавливаются ключевые критерии качества жизни. К физическим параметрам отнесены жизненная активность, энергия, усталость, боль, дискомфорт, сон, отдых. Среди психологических критериев в первую очередь выделяются положительные и отрицательные эмоции, познавательные функции, самооценка. Кроме того, акцентируется внимание на оценке уровня независимости, то есть работоспособности, повседневной активности. Критерий «общественная жизнь» раскрывается посредством исследования личных взаимоотношений, общественной ценности субъекта. Не менее важными представляются критерии качества жизни, связанные с окружающей средой, к числу которых отнесены быт, безопасность, благополучие, доступность и качество медицинской и социальной помощи, обеспеченность, экология информации, целый ряд критериев, характеризующих духовную сферу – религия, личные убеждения [4, с. 209–216].

Связанное со здоровьем, качество жизни выступает как интегральная характеристика физического, психического и социального функционирования здорового и больного человека, основанная на его субъективном восприятии [2, с. 125–129]. Оценка качества жизни пациентов позволяет решить такие задачи, как определение эффективности известных методов лечения; стратификация пациентов на группы и определение дифференцированной тактики лечения и диагностики; поиск новых методов лечения и реабилитации, направленных на улучшение течения заболевания [4, с. 10; 5, с. 35].

На наш взгляд, важно акцентировать внимание на взаимосвязи и взаимозависимости качества жизни и здоровья. В последнее время данная проблематика становится объектом специальных исследований; предпринимаются попытки

выделить существенные компоненты качества жизни, находящиеся под влиянием состояния здоровья, болезни и лечения, с исключением тех аспектов, которые зависят от социокультурных, политических, религиозных и других внешних причин.

Интерес к проблеме качества жизни в медицине объясняется определенными причинами. Во-первых, прогресс медицинской науки, совершенствование медицинских технологий в последние десятилетия XX в. привели к тому, что нередко в клинической практике наблюдаются ситуации, когда пациент является биологически живым и одновременно «мертвым» в социальном отношении.

Во-вторых, все в большей степени основополагающим принципом медицины становится уважение личности и прав пациента. Гарантии прав пациента на сознательный выбор между лечением и нелечением, на утешение и т.д. связаны с «оптимальным качеством жизни больного».

В-третьих, структура заболеваемости кардинально меняется. Все больше становится хронических больных, которые не могут быть излечены, несмотря на прогресс медицины. В отношении таких больных терапия направлена на улучшение их качества жизни [6].

В настоящее время актуальность и социальная значимость исследований качества жизни пациентов с ожирением постоянно повышаются в силу растущей распространенности ожирения и его влияния на продолжительность жизни, риск развития других хронических заболеваний и состояний. В ряде исследований была показана J-образная зависимость качества жизни и индекса массы тела (ИМТ) с наилучшими показателями в группе с нормальным весом [7, с. 113].

Нами проведено социологическое исследование качества жизни больных с ожирением в социально-экономических условиях крупного промышленного региона в сравнении с контрольной группой. Инструментарий опроса включал систему индикаторов, которые условно можно объединить в следующие содержательные блоки: самооценка качества жизни и социально-экономического положения; факторы, влияющие на социальное самочувствие и состояние здоровья, социальное самочувствие; ценностные ориентации и поведенческие стереотипы в отношении здоровья и ориентация на культуру самосохранительного поведения. Всего было опрошено 674 человека; респонденты распределены по двум группам – контрольная (150 – с нормальным ИМТ до 25 кг/м²) и основная группа (524 – ИМТ более 25 кг/м²).

Качество жизни как комплексная оценка жизнедеятельности людей представляет собой систему показателей, характеризующих уровень реализации потребностей человека, степень его удовлетворенности осуществлением своих жизненных планов. В обследованной группе пациентов наблюдалась широкая вариабельность суммарных показателей качества жизни при различных значениях индекса массы тела.

Здоровье индивида детерминировано множеством факторов. На наш взгляд, важным в рамках анализа социальных параметров здоровья представляется исследование поведенческих факторов, непосредственно связанных с оценкой индивидом состояния здоровья и самочувствия. Степень соответствия образа жизни здоровому респонденты основной группы оценили достаточно высоко:

39,7% респондентов выбрали самую высокую оценку. Вместе с тем необходимо обратить внимание на соотношение соответствия здоровому образу жизни в зависимости от степени ожирения. Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о самом высоком уровне стремления вести здоровый образ жизни в третьей стадии ожирения.

Уровень самодетерминации поведения неразрывно связан с формированием активного ответственного отношения к сохранению и поддержанию своего здоровья. Результаты исследования свидетельствуют о серьезных расхождениях между восприятием здоровья как ценности и повседневными практиками. Анализ ответов респондентов позволяет сделать вывод о том, что на уровне самооценки доминирует скорее непосредственные поведенческие реакции на переживаемые ситуационные факты жизни без стратегической ориентации, вне связи с жизненными перспективами. Вместе с тем здоровье представляет собой важнейший человеческий ресурс, использование и развитие которого неразрывно связано с восприятием здоровья как базовой ценности, предопределяющей возможности самореализации жизненной стратегии.

Результаты исследования свидетельствуют, что наряду с достаточно высоким уровнем неудовлетворенности имеющимся потенциалом здоровья как жизненного ресурса наблюдается несформированность самосохранительной культуры поведения, ориентированной на сознательное отношение к собственному здоровью и здоровый образ жизни. 79,9% опрошенных респондентов в основной группе обеспокоены состоянием своего здоровья, причем подавляющее большинство отметили, что их смущает лишний вес (71,7%). Только 44,1% больных при наличии избытка массы тела отметили, что наблюдаются у эндокринолога; примерно такова же доля больных в первой и второй степени ожирения; и только среди больных с третьей степенью ожирения почти 70% отметили, что постоянно наблюдаются у эндокринолога. Интересен и тот факт, что в группе больных в третьей степени ожирения большинство опрошенных отмечают позитивные изменения состояния здоровья.

Достаточно весомая часть респондентов отмечают влияние лишнего веса на психоэмоциональное состояние: 34,6% выделяют потерю интереса к обычно приятной деятельности, 48% – чувство подавленности по утрам; 27,7% отмечают, что будущее вообще им кажется мрачным и они не ждут от него ничего хорошего; 36,6% акцентируют внимание на том, что лишний вес препятствует в определенной степени профессиональной реализации, так как требуются дополнительные усилия, чтобы приступить к работе (36,6%).

По нашему мнению, важно отметить, что среди женщин велика доля тех, кто связывает лишний вес с формированием заниженной самооценки, испытывая чувство неуверенности и боязни быть отвергнутой (74%). 35,8% мужчин согласились с утверждением, что их самооценка занижена. 44% женщин испытывают чувство неуверенности в себе из-за лишнего веса, у мужчин этот показатель значительно ниже – 23,2%. Более половины женщин согласны с тем, что не нравятся себе именно по причине лишнего веса.

Таким образом, оценка качества жизни у пациентов с ожирением отличается от оценки респондентов контрольной группы. При этом происходит заме-

щение неудовлетворенности своим физическим обликом лиц, страдающих излишней массой тела, дополнительными возможностями социальных достижений. По этим причинам в рамках индивидуальных программ целесообразно формировать у таких пациентов «уверенный оптимизм», создавая тем самым мощные предпосылки для снижения избыточного веса.

Проблематика качества жизни неразрывно связана с необходимостью формирования в общественном мнении восприятия ожирения как болезни, а соответственно, и потребностью создания специальной системы социальной поддержки полных людей.

Пациенты с чрезмерным весом представляют собой особую социальную группу со специфичными потребностями, объединенную единством своего образа и стиля жизни, жизненных шансов, входящих в группу риска. Возможности социальной реализации членов данной группы значительно ограничены. По-прежнему проблематика ожирения характеризуется высокой латентностью, что связано во многом с непризнанием – как со стороны общества, так и государства – феномена ожирения, фактов депривации указанных пациентов. В связи с этим изменение социальных стереотипов наряду с организацией системной превенции избыточного веса необходимо рассматривать как основу целостной программы развития культуры самосохранительного поведения и здорового образа жизни в российском социуме.

Библиографический список

1. *Нагимова А.М.* Теоретические подходы к исследованию проблемы качества жизни // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10, вып. 4. Сер.: Социология. Политология.
2. *Васильев В.П.* Качество и уровень жизни населения Российской Федерации. М., 2007.
3. *Schutz Y.* Macronutrients and energy balance in obesity // *Metabolism*. 1995. Sep. Vol. 44, № 9.
4. *Obesity and Quality of Life: Mediating Effects of Pain and Comorbidities / H. Moonseong [et al.] // Obesity Research*. 2003. № 11.
5. Качество жизни как критерий успешной терапии больных с хронической сердечной недостаточностью / Ф.Т. Агеев [и др.] // РМЖ. 1999. № 2.
6. *Ediund M., Tancredi L.* Quality of life: an ideological critique // *Erspectives in biology and medicine*. 1985. № 85.
7. *Lean M.E.* Clinical handbook of weight management. Martin Dunitz, 1998.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

A.A. Dyakonov
Methodical Instruments
of Municipality Development
Strategy Elaboration

The complex of methodical provisions on the municipality development strategy elaboration on the basis of strategic matrix application is presented. A detailed algorithm for determining target values of strategic indicators is considered.

Key words and word-combinations: municipality development strategy, strategic matrix, the mission, structural and functional approach.

Представлен комплекс методических положений по разработке стратегии развития муниципального образования на основе применения стратегической матрицы. Рассматривается подробный алгоритм определения плановых значений стратегических индикаторов.

Ключевые слова и словосочетания: стратегия развития муниципального образования, стратегическая матрица, миссия, структурно-функциональный подход.

УДК 338.24:338.26/.27
ББК 65.050+65.054.1

А.А. Дьяконов

МЕТОДИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях трехуровневой системы управления территориальным развитием государства благосостояние населения России во многом зависит от социально-экономического положения муниципальных образований. При этом важнейшим инструментом управления устойчивым развитием муниципального образования (МО) является стратегическое планирование, поскольку именно стратегический план задает основные цели, направления деятельности и программу действий органов местного самоуправления по качественному улучшению уровня жизни населения соответствующей территории.

Стратегический план выполняет функцию противодействия отрицательным факторам и усиления положительных факторов внешней и внутренней среды для обеспечения стабильного и прогрессивного развития муниципального образования. Отсутствие или неправиль-

ное использование функции стратегического планирования в муниципальном управлении приводит к неопределенности состояния муниципальной социально-экономической системы даже в ближайшей перспективе.

Для достижения позитивного эффекта в развитии территории большую роль играет правильная и научно обоснованная методика разработки и управления реализацией стратегического плана МО. Сегодня в науке еще не сложилось единого понимания процедуры и структуры процесса разработки муниципальных стратегических планов. Существует проблема неопределенности в части выбора и использования методического инструментария на различных этапах стратегического планирования.

Таким образом, в настоящее время одним из самых актуальных направлений муниципального управления выступает разработка эффективной системы методического сопровождения формирования процесса стратегического планирования развития МО.

Основными компонентами муниципального стратегического плана являются результаты комплексной оценки (стратегического анализа) муниципального образования; стратегия развития территории; комплекс долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных планов и программ по реализации стратегии; механизмы контроля, мониторинга и корректировки стратегического планирования. При этом ключевым элементом стратегического плана считается муниципальная стратегия, которая концентрирует в себе основополагающие цели, задачи и показатели, определяющие курс социально-экономического развития муниципального образования.

Рассмотрим процесс формирования муниципальной стратегии на основе предложенного автором методического инструментария.

1. Определение базового стратегического направления и миссии развития муниципального образования

Разработка стратегии развития муниципального образования начинается с определения базового стратегического направления и миссии развития муниципального образования с помощью стратегической матрицы «Конкурентный статус – стратегический потенциал». Актуальность и целесообразность использования данной матрицы обосновывается тем, что конкурентный статус и стратегический потенциал являются основополагающими системными факторами долгосрочного социально-экономического развития муниципального образования.

Конкурентный статус характеризует состояние внутренней среды муниципальной социально-экономической системы и показывает оценку уровня ее развития относительно других муниципальных образований в пределах определенной видовой категории (по численности, структуре экономики, административно-территориальным признакам и др.) и территориальной группы (регион, федеральный округ, страна и т.д.). Конкурентный статус включает в себя количественные и качественные параметры, характеризующие уровень жизни местного населения, состояние экономики, социальной сферы, жилищно-коммунальной, транспортной инфраструктуры и т.д. МО. При этом основным компонентом конкурентного статуса территории выступает относительный уровень жизни местного населения.

Стратегический потенциал – это совокупность активных и пассивных стратегических ресурсов (материальных, трудовых, финансовых, природных и т.д.), используемых в целях долгосрочного социально-экономического развития муниципального образования. Очевидно, что без наличия достаточного стратегического потенциала прогрессивное развитие муниципальной социально-экономической системы затруднительно либо невозможно. Исключение могут составлять ситуации, при которых слабые муниципальные образования по тем или иным причинам в значительной мере на безвозмездной основе финансируются из федерального и регионального бюджета.

Процесс определения базового стратегического направления и миссии развития МО с помощью указанной стратегической матрицы включает в себя несколько этапов.

Во-первых, задается предельная точка роста конкурентного статуса, то есть та конкурентная позиция, которая должна быть достигнута через определенный период времени (по завершению действия стратегии). Во-вторых, определяется ожидаемый уровень роста стратегического потенциала. В-третьих, устанавливается ожидаемый стратегический уровень, характеризующий состояние конкурентного статуса и стратегического потенциала в итоге реализации стратегии. В-четвертых, определяется стратегическая траектория развития МО.

Выбор стратегической траектории зависит от степени развития и использования стратегического потенциала для достижения определенной конкурентной позиции МО. В ситуации, когда стратегией предусмотрен рост конкурентных позиций без увеличения стратегического потенциала, имеется вертикальная стратегическая траектория (прямой стратегический рост). Если разработчиками стратегии устанавливается стратегический уровень, предполагающий повышение конкурентного статуса и стратегического потенциала, траектория будет иметь вид сначала горизонтальной, а затем вертикальной прямой линии (рис. 1).

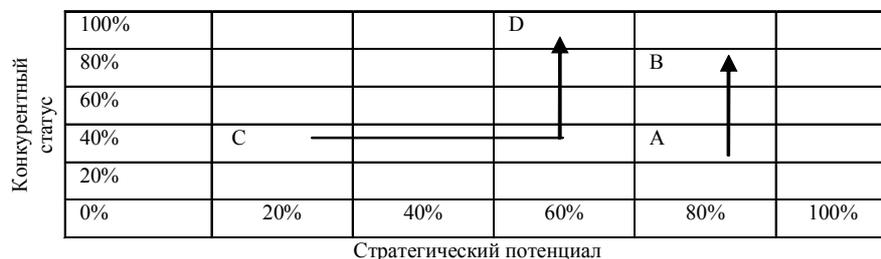

Рис 1. Стратегическая матрица «Конкурентный статус – стратегический потенциал»

В зависимости от установленного стратегического уровня и стратегической траектории формируется базовое (рамочное) стратегическое направление. На наш взгляд, следует выделить два основных варианта базового (рамочного) стратегического направления развития МО.

Варианты базового (рамочного) стратегического направления

Базовое (рамочное) стратегическое направление	Характеристика
Укрепление конкурентного статуса путем интенсификации стратегического потенциала (линия АВ)	Этот вид стратегического развития целесообразно применять в отношении МО с большим количеством стратегических ресурсов. Имеющийся стратегический потенциал используется для повышения уровня жизни населения и улучшения состояния других факторов, образующих конкурентный статус территории
Укрепление конкурентного статуса путем наращивания и интенсификации использования стратегического потенциала (линия CD)	При выборе данной стратегической альтернативы предусматривается двунаправленный процесс развития. Первое направление предполагает принятие мер по привлечению на территорию МО трудовых, материальных, интеллектуальных и других ресурсов, составляющих стратегический потенциал. Второе направление – использование стратегического потенциала с целью усиления конкурентных позиций МО

В завершение происходит определение миссии МО на основе базового (рамочного) стратегического направления.

Формулировка миссии в конкретном МО зависит от специфических характеристик муниципальной социально-экономической системы, состояния развития отраслей ее экономики и социальной сферы. Например, при выборе для МО «Город N» базового (рамочного) стратегического направления «Наращивание стратегического потенциала – повышение конкурентного статуса» возможны несколько вариантов формулировки миссии. Таким образом, миссия МО – это стратегический курс развития к определенному стратегическому уровню, отражающему состояние стратегического потенциала и конкурентного статуса данной территории.

2. Определение стратегических целей и задач развития муниципального образования

Для обеспечения качественного выполнения миссии выстраиваются стратегические цели и задачи развития, при определении которых используется *структурно-функциональный подход*. Это означает, что главные цели и задачи развития территории должны соотноситься со структурой и функциональными связями внутри муниципальной социально-экономической системы (МСЭС), которая, по нашему мнению, состоит из определенных сфер и составляющих их функциональных зон (см. рис. 2). Стратегические цели устанавливаются в пределах сфер МСЭС по результатам экспертных оценок. Формулируются различные вариации стратегических целей, однако в результате статистической обработки экспертных мнений для каждой сферы выбирается одна наиболее актуальная и значимая цель. На следующем уровне иерархии целеполагания разрабатываются стратегические задачи, которые, по сути, являются производными от стратегических целей. Следовательно, каждая стратегическая цель содержит несколько задач, соотносимых с функциональными зонами, из которых состоят сферы МСЭС.

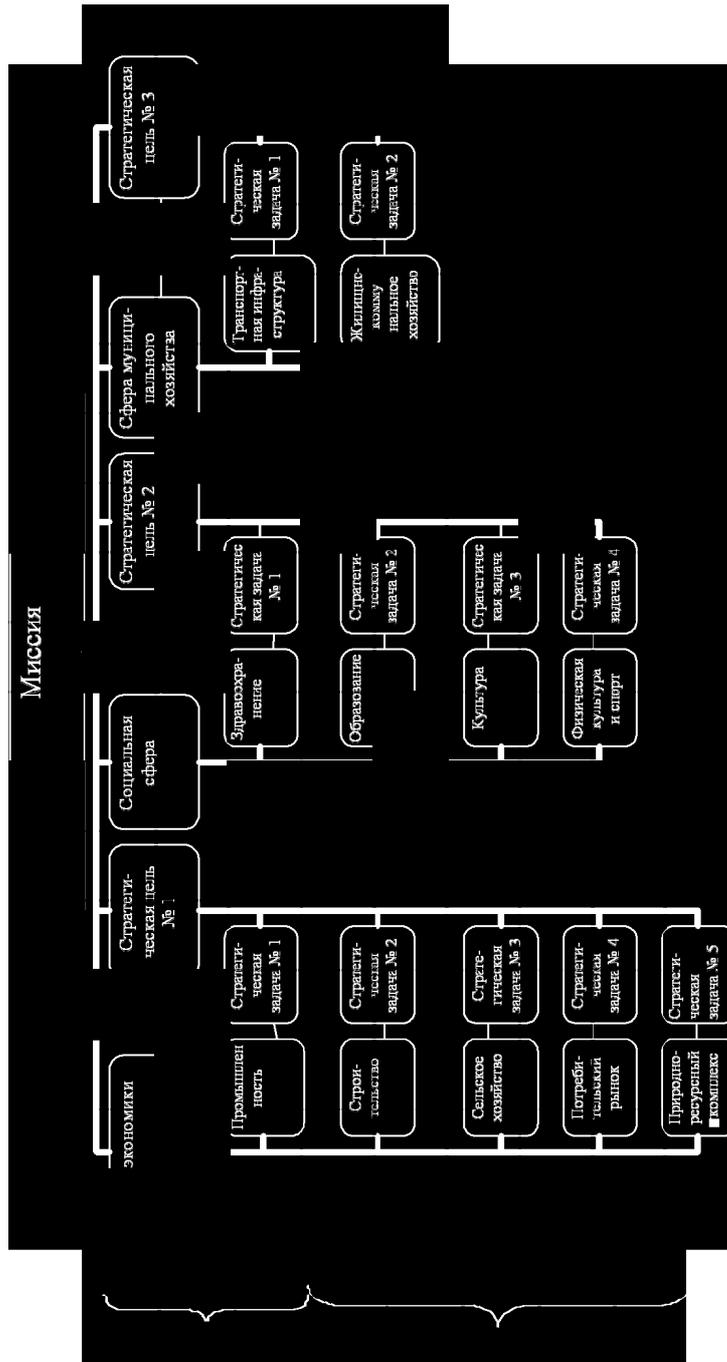

Рис. 2. Структурно-функциональный подход к процессу целеполагания

3. Определение стратегических индикаторов развития муниципального образования

Каждая стратегическая задача конкретизируется через определенные стратегические индикаторы, то есть укрупненные показатели выполнения стратегических задач. Непременное условие эффективного стратегического планирования – правильное объективное обоснование плановых значений стратегических индикаторов.

Плановые значения стратегических индикаторов предлагается рассчитывать на основе установленного конкурентного уровня, к которому ведет базовое стратегическое направление развития МО.

Рассмотрим подробнее алгоритм определения плановых значений стратегических индикаторов.

А. Определение базового значения стратегического индикатора на период начала действия стратегического плана. Как правило, это значение очевидное и устанавливается на основе статистических, отчетных и других данных.

Б. Установление эталонного значения стратегического индикатора на период начала действия стратегического плана. В данном случае под эталонным значением стратегического индикатора (далее – ЭЗСИ) понимается средняя величина значений соответствующего индикатора по двум и более муниципальных образований, отнесенным к определенному конкурентному уровню.

Например, в территориальной группе городов – центров субъектов Приволжского федерального округа состоит 14 муниципальных образований. По результатам сравнительного социально-экономического анализа в соответствующей территориальной группе установлено семь конкурентных уровней, каждый из которых включает по два муниципальных образования. Конкурентный уровень № 1 характеризует города с самым низким уровнем развития; конкурентный уровень № 7 включает города с наилучшим результатом рейтинговой оценки.

При разработке стратегии г. Кирова принято решение ориентироваться на конкурентный уровень № 5 (г. Самара и Нижний Новгород). В этом случае для конкретного стратегического индикатора, учитываемого в стратегии развития Кирова (к примеру, оборот розничной торговли на душу населения), эталонным значением будет средняя величина значений соответствующего параметра в муниципальных образованиях Самаре и Нижнем Новгороде. Значит, если в Самаре оборот розничной торговли на душу населения в 2010 г. составил 157,52 тыс. руб. и в Нижнем Новгороде – 168,50 тыс. руб., то эталонное значение для МО «Город Киров» составит 163,01 тыс. руб. $(157,52 \text{ тыс. руб.} + 168,50 \text{ тыс. руб.})/2$.

Таблица 2

Выбор эталонного значения стратегического индикатора с учетом результатов конкурентного анализа территорий (пример)

Конкурентный уровень, установленный по результатам конкурентного анализа (КУ)	Города – центры субъектов ПФО	Значение параметра «Оборот розничной торговли на душу населения», тыс. руб.	
		Для каждого города	Среднее значение параметров городов, включенных в конкурентный уровень
КУ № 7	Пермь Уфа	213,79 269,69	241,74
КУ № 6	Казань Оренбург	198,55 169,19	183,87
КУ № 5	Самара Нижний Новгород	157,52 168,50	163,01 (ЭЗСИ)
КУ № 4	Саратов Ижевск	89,38 89,75	89,57
КУ № 3	Саранск Киров	86,45 78,55	82,50
КУ № 2	Ульяновск Чебоксары	33,18 72,47	52,83
КУ № 1	Пенза Йошкар-Ола	113,63 92,87	103,25

В. *Определение величины (прироста), на которую изменится ЭЗСИ за весь период действия стратегии.* Автор предлагает три варианта определения прироста ЭЗСИ. Первый вариант: путем ретроспективного анализа данных определяется среднее значение ЭЗСИ и среднее значение базового значения стратегического индикатора в динамике за последние 5–10 лет. Далее разницу этих двух значений умножают на количество лет периода действия стратегического плана. Второй вариант: на основании федеральных и региональных стратегий территориального и ведомственного значения, устанавливающих индекс физического объема по аналогичному параметру на срок, совпадающий с периодом действия стратегического плана развития МО. Третий вариант: на основе метода экспертных оценок. С помощью экспертных оценок устанавливается возможный прирост ЭЗСИ на каждый год действия стратегии.

Г. *Расчет планового значения стратегического индикатора по формуле:*

$$L_i = W_i + \Delta W_i,$$

где L_i – плановое значение стратегического индикатора, W_i – эталонное значение стратегического индикатора, ΔW_i – прирост эталонного значения стратегического индикатора в стоимостном или натуральном выражении за период действия стратегии.

Расчет стратегических индикаторов завершает процесс разработки стратегии развития МО.

Стратегию развития муниципального образования, с нашей точки зрения, формируют следующие элементы: базовое (рамочное) стратегическое направление, миссия муниципального образования, стратегические цели, стратегические задачи и стратегические индикаторы. Таким образом, авторская методика разработки стратегии развития муниципального образования включает в себя применение стратегической матрицы «Конкурентный статус – стратегический потенциал» для установления базового стратегического направления и миссии развития МО, структурно-функциональный подход к процессу целеполагания и конкурентный подход к определению плановых значений стратегических индикаторов.

Использование указанной матрицы при разработке стратегии формирует качественную и количественную определенность при выборе главного стратегического ориентира долгосрочного развития МО, повышает объективность и точность установления миссии МО. Применение структурно-функционального подхода в ходе разработки стратегии обеспечивает системность процесса целеполагания, создает условия для гармоничного комплексного и взаимосвязанного стратегического развития различных отраслей муниципальной среды в рамках стратегических целей и задач, установленных в соответствии со структурными и функциональными связями муниципальной социально-экономической системы.

Конкурентный подход при определении плановых значений стратегических индикаторов предполагает выбор четкого, количественно определенного стратегического ориентира на более высокий уровень развития социально-экономических систем, что способствует формированию объективных и обоснованных плановых значений стратегических индикаторов.

Ya.Yu. Maslova
Classification of Approaches to Personnel Assessment by Kinds and Types

The problem of the lack of a uniform classification of approaches to personnel assessment in scientific literature is actualized. The author's approach to the above mentioned typology is proposed.

Key words and word-combinations: personnel assessment, system approach, classification of approaches to personnel assessment.

Актуализируется проблема отсутствия единой классификации подходов к оценке персонала в научной литературе. Предложен авторский подход к указанной типологизации.

Ключевые слова и словосочетания: оценка персонала, системный подход, классификация подходов к оценке персонала.

УДК 331.108
ББК 60.823.3

Я.Ю. Маслова

ВИДО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ПЕРСОНАЛА

Формирование теоретических понятий и положений оценки персонала, оценочных технологий и процедур осуществляется всегда с позиции определенных подходов, или концепций [1, с. 724]. В области оценки персонала подход задает предмет исследова-

ния, подтверждает основополагающий взгляд на сущность и содержание оценки персонала, а также обуславливает направленность и характер методов изучения и разработки оценки персонала. Таким образом, подходы осуществляют функции обоснования содержания и принципов изучения оценки персонала, обеспечения непротиворечивости, смысловой целостности, единообразия, а также полноты трактовки определенных положений. Следовательно, высококачественный уровень исследований по оценке персонала как теоретических, так и практических, зависит от выбора, разработанности и систематизации подходов к этой оценке.

В настоящее время в науке разработан целый комплекс подходов к оценке персонала (системный, исторический, поведенческий и др.), продемонстрировавших свои достоинства и прошедших проверку на практике. Однако анализ специальной литературы по оценке персонала свидетельствует о том, что сегодня в науке нет единой классификации подходов к оценке персонала, вследствие чего, по нашему мнению, назрела острая необходимость разработки классификации подходов к оценке персонала.

Автором проведен анализ исследований в области оценки персонала с позиции сущностных черт конкретных подходов, для чего выбраны определенные подходы, которые, на наш взгляд, используются или должны использоваться в целях оценки персонала; произведена их группировка.

Анализ научной литературы по проблемам оценки персонала позволяет сделать вывод о том, что подходы к оценке персонала делятся на три группы.

Первая группа – общенаучные подходы. Они существуют в науке, имеют универсальный характер, применяются в различных областях научных знаний в отношении разнообразных объектов и процессов. Последние были основаны в области теории науки, применяются или могут быть применены в теории и практике оценки персонала.

Состав общенаучных подходов к оценке персонала включает в себя две классификации.

Первая классификация: в зависимости от уровня научного исследования и целевой направленности выделяют теоретический (академический), эмпирический (прикладной) подходы. Данная классификация стала традиционной и активно используется различными науками в ходе исследования явлений, объектов и процессов. Применительно же к оценке персонала подобные подходы в чистом виде не используются и не упоминаются. Однако можно проследить четкую грань в разработках по оценке персонала в зависимости от академического и прикладного характера их ориентации. Следовательно, назрела потребность введения такой классификационной группы подходов к оценке персонала.

Сегодня можно выделить группу ученых, формирующих в своих исследованиях элементы академической теории оценки: это Т.Ю. Базаров, И.В. Бизюкова, Е.А. Борисова, А.П. Волгин, А.Я. Кибанов и ряд других. Теоретические положения, подготовленные ими, являются базисом прикладных разработок. В рамках академического подхода формируются и систематизируются знания об оценке персонала. Главная цель данного подхода – обогащение и приращение знаний, а также научный вклад в основы науки оценки персонала.

В совокупности с теоретическим направлением существует множество приклад-

ных исследований в области оценки персонала, посвященных практической реализации различных методов, процедур, технологий оценки. В рамках данного подхода представлены созданные под заказ организациям различные системы моделей оценки персонала, определены актуальные задачи конкретных организаций и предприятий. Все эти разработки имеют уклон в практическую плоскость.

Целью прикладного подхода являются разработка и внедрение модели оценки персонала, которая бы способствовала оптимизации, а также эффективности управления персоналом организации.

Вторая классификация: в зависимости от методологии формирования и развития объекта выделяют такие подходы к оценке персонала, как исторический, функциональный, структурный, системный, поведенческий и ситуационный.

Указанные подходы носят общенаучный характер, так как применяются в различных науках по отношению к различным объектам. Наиболее разработанным подходом в области оценки персонала выступает системный подход, элементами которого являются структурный и функциональный подходы. Много внимания системному подходу уделяется в исследованиях Ю.Г. Одегова, Л.В. Карташовой, П.Б. Мидлера, Г.Г. Руденко, П.В. Журавлева, В.С. Половинко и других. Однако исследований такого рода крайне мало, а исторический и поведенческий подходы вообще не упоминаются в литературе по оценке персонала. К сожалению, целенаправленная разработка методологических подходов к оценке персонала встречается крайне редко, публикаций такого рода практически нет. Однако данные подходы рассматриваются учеными во взаимосвязи друг с другом, а также отражается их роль в развитии различных направлений системы знаний об оценке персонала.

Совершенно справедливо мнение автора монографии «Оценка персонала: Эволюция подходов и технологии их использования» о том, что каждый из методологических подходов способен привнести новизну в теорию и практику системы знаний по оценке персонала, раскрыть ранее неизвестные или малоизученные направления и грани оценки персонала организации [2, с. 193–194]. Исходя из этого, с нашей точки зрения, возникла необходимость включить указанные подходы в классификацию.

Представляется необходимым кратко охарактеризовать сущность методологических подходов к оценке персонала.

Исторический подход к оценке персонала – анализ оценки персонала в качестве динамичного процесса и объекта, раскрытие и описание ее эволюции в исторической ретроспективе. Функциональный подход к оценке персонала – описание роли оценки персонала, функций системы оценки, а также ее элементов. При структурном подходе оценка персонала может быть представлена в виде множества формирующих ее элементов, связанных между собой и входящих в общую структуру. В рамках системного подхода оценка персонала рассматривается как совокупность структурированных и взаимосвязанных ее компонентов, сформированных для четко определенной цели, а также представляющих собой подсистему для систем высшего порядка и обладающих единством с внешней средой. Поведенческий подход к оценке персонала – анализ оценки персонала, основывающийся на поведенческих особенностях ее

элементов согласно неповторимости «человеческого фактора». Ситуационный подход к оценке персонала – выборочное применение положений теории оценки на основе многогранного и взвешенного анализа сложившейся реальной ситуации в конкретный промежуток времени.

Вторая группа – общие подходы отраслевых направлений. Они созданы в рамках определенных наук и отраслей научных исследований – экономики труда и управления персоналом. В состав данной группы подходов входят психологический, экономический, социологический, правовой, управленческий подходы, выделяемые в зависимости от научно-дисциплинарной сферы.

В настоящее время оценка персонала традиционно продолжает совершенствоваться психологами, юристами, экономистами, социологами. Подходы к оценке персонала данными учеными обладают некоторыми специфическими чертами. Психология, разработки которой сконцентрированы на изучении личности и ее структуры, а также психологических процессов и свойств, привнесла в данное направление сведения о психологических характеристиках объекта оценки и методах психологической диагностики в ходе оценки персонала. В контексте правового подхода к оценке персонала рассматриваются вопросы нормативно-правовой обеспеченности и законности разнообразных процедур оценки, а также направлений применения результатов оценки. В поле зрения экономического подхода фигурируют вопросы оценки результатов труда персонала, а для социологического подхода характерна нацеленность на социальные результаты, свойства трудового поведения и социальные характеристики объекта оценки. В контексте управленческого подхода оценка персонала имеет статус стержневого, базисного элемента системы управления персоналом.

Третья группа – частные подходы. Они, будучи элементами общих подходов, вычленены в рамках отдельных отраслевых направлений. Они являются. Данные подходы имеют две классификации, образовавшиеся в рамках управленческого подхода (управления персоналом): в зависимости от сущности, места и роли оценки в управлении персоналом – оценка как функция, оценка как процесс, оценка как результат; в зависимости от базовой концепции управления персоналом – технократический и гуманистический подходы.

Рассмотрим указанные подходы.

В соответствии с первым подходом оценка персонала рассматривается как функция управления персоналом. Наряду с этим последняя исследуется в качестве стержневого направления менеджмента персонала, «определяющего эффективность реализации других элементов управления персоналом и организацией в целом, придающего целостность всей системе и выступающего в качестве информационного и процессуального обеспечения» [3, с. 392]. В процессуальном подходе оценка персонала предприятия представлена как четкая этапная последовательность реализации оценочных процедур и технологий. Основное внимание сосредоточено на планировании, организации и осуществлении «сравнения нормативных характеристик с фактическим уровнем развития предмета и показателей оценки» [4, с. 175].

Содержательный подход к оценке персонала обращает все свое внимание не на процесс реализации оценки, в отличие от процессуального подхода, а на

его результат. Оценка – это «мнение (суждение) о степени развитости, практической выраженности какого-либо качества (группы качеств) работника (контингента работников) о результатах его (их) трудовой деятельности, выражаемое в описательной форме (качественная оценка) или числовой (количественная оценка)» [5, с. 199]. С точки зрения данного подхода оценка представляет собой финальный результат оценочного процесса в виде характеристики объекта оценки, описания его свойств, а также соответствия эталону.

В настоящее время, в научной литературе превалирует тенденция противопоставления технократической и гуманистической концепций управления персоналом. В рамках технократической концепции управление персоналом подчиняется экономическим целям и интересам производства – максимизации прибыли, выпуску продукции, выполнению плана и т. п. Работник рассматривается в виде определенного ресурса производства, стремящегося избежать непосредственного участия в процессе труда, ответственности за полученные результаты. Его необходимо тщательно контролировать при помощи разнообразных наказаний. Следовательно, содержание управления персоналом сводится к подбору кадров, необходимых для технологического процесса, грамотному распределению их с учетом задаваемого последним ритма производства и выполняемых ими операций, а также внутривыпускной кооперации труда.

Для технократической концепции управления персоналом характерен свой оригинальный взгляд на оценку персонала: она представляет собой инструмент, способный повлиять на рост экономических показателей. Данная цель достигается путем реализации таких функций, как тщательный контроль результатов труда и выявление отклонений от установленных норм, скрупулезный подбор работников по их психофизиологическим и квалификационным показателям в соответствии с требованиями, устанавливаемыми технологическими процессами. Так, при помощи отбора при найме и посредством контроля за процессом труда реализуется цель максимизации прибыли и повышения эффективности деятельности. Указанные функции представляют интерес в основном для работодателя, нежели для самого оцениваемого работника. По этой причине часто наблюдается сопротивление персонала внедрению и реализации оценочных технологий. К оценке работников привлекается крайне ограниченный круг, как правило, специально обученных сотрудников отделов кадров, труда и заработной платы.

Рассмотренные тенденции характерны для технократической концепции управления персоналом, в отличие от которой гуманистическая концепция «подразумевает создание таких условий труда и производства, которые бы как можно больше соответствовали потребностям и интересам работников, что позволяло бы снизить отчуждение работника от трудовой деятельности. Персонал выступает в качестве активного соучастника производственно-трудовых отношений, которому органически присущи высокая ответственность, инициативность, желание качественно выполнять поставленные задачи» [6, с. 154]. В связи с этим оценка последнего представляет собой инструмент согласования интересов работодателя и работника, а также выступает средством развития персонала. Преобладающей целью оценки является выявление, максимально возможное развитие и наилучшее использование потенциала имеющихся ра-

ботников, в результате чего персонал работает предельно эффективно, что способствует росту прибыли предприятия.

В рамках данной концепции оценке персонала присущ более широкий набор функций: помимо контролирующей, еще и мотивационная, информационная, установление «обратной связи» и т.д. В качестве показателей выступают не только свойства личности, существующие и проявляющиеся в настоящее время, но и весь широкий спектр трудового потенциала работника, в том числе и его резервные возможности. Круг субъектов, привлекаемых к оценке работников, также существенно увеличивается, поскольку включает в себя самого оцениваемого сотрудника, его коллег, а также руководителей разного уровня [2, с. 181–183].

Таким образом, по нашему мнению, видо-типологическая классификация подходов к оценке персонала может быть представлена в виде схемы.

Видо-типологическая классификация подходов к оценке персонала

Становится очевидным, что в вопросе оценки персонала предметная область задается различными взглядами на последнюю: они обосновывают сущность и содержание оценки, а также определяют направление и характер методов освоения и разработки оценки персонала. Таким образом, данные взгляды реализуют функции обоснования содержания и принципов анализа оценки персонала, а также обеспечения непротиворечивости, единообразия, смысловой целостности и трактовки высказываемых положений. Следовательно, уровень как теоретических, так и прикладных исследований в области оценки персонала обусловлен выбором и разработанностью различных подходов и концепций.

Библиографический список

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999.
2. Апенько С.Н. Оценка персонала: Эволюция подходов и технологии их использования. М., 2004.
3. Половинко В.С. Управление персоналом: системный подход и его реализация. М., 2002.
4. Половинко В.С. Концепции и периодизация менеджмента персонала // Проблемы экономического развития России: сб. науч. трудов / под ред. А.Е. Миллера. Омск, 1996. С. 152–161.
5. Шкатулла В.И. Настольная книга менеджера по кадрам. 2-е изд., изм. и доп. М., 2000.
6. Методологические проблемы оценки персонала / А.Е. Махметова, В.И. Долгий, М.А. Еремеев [и др.]. Саратов, 2010.

D.D. Logvin
Segmentation and Evaluation
of the Domestic Market
of Nanoproducts

Segmentation lines of the domestic market of nanoproducts are defined and its evaluation is given. Basic elements of the strategy to promote nanoproducts are analyzed.

Key words and word-combinations: market, nanoproducts, segmentation, development strategy.

Определяются направления сегментации и дается оценка отечественного рынка нанопродуктов. Анализируются основные элементы стратегии продвижения нанопродуктов.

Ключевые слова и словосочетания: рынок, нанопродукты, сегментация, стратегия развития.

УДК 338(470+571):001.8
ББК 65.9(2Рос)+14

Д.Д. Логвин

СЕГМЕНТАЦИЯ И ОЦЕНКА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЫНКА
НАНОПРОДУКТОВ

В настоящее время отрасль нанопродуктов стала одной из наиболее динамично развивающихся как на мировом, так и на национальном рынке. Первыми рынок нанотехнологий начали осваивать США, Западная Европа, Япония; важную роль в развитии рынка nanoиндустрии играют Китай и Индия. Россия также имеет определенные конкурентные преимущества в освоении рынка нанопродукции, однако достойным конкурентом она может стать только при поддержке общества, бизнеса и государства.

На современном этапе мировая экономика развивается по пути замещения пятого технологического уклада шестым. Многие ученые и аналитики главную роль в таком переходе связывают с развитием nanoиндустрии. Считается, что нанотехнологии изменяют свойства материалов и строят новый фунда-

мент для развития всех отраслей экономики. Первые попытки описания механизмов создания наноиндустрии и генерирования прибыли от наноинноваций были сделаны отечественными учеными-экономистами Г.Л. Азоевым, В.Я. Афанасьевым, Г.Н. Белицкой, М.В. Ковальчук, Т.В. Краминым, В.Г. Тимирясовым, С.И. Шкаровским и другими.

На мировом рынке нанопродуктов представлены наноматериалы, наноинструменты, наноприборы. Крупнейшим аналитическим центром США в области освоения нанотехнологий и производства продуктов с их использованием является компания BCC Research. По ее оценкам, мировой рынок нанотехники в 2007 г. составил 11,6 млрд долларов. В 2008 г. этот показатель величина достиг 12,7 млрд долларов, в 2013 должен составить 27,0 млрд долларов при среднегодовом приросте в 16,3% [1, с. 32–35].

Современный мировой рынок может представить более 800 продуктов потребительского назначения, в производстве которых использованы нанотехнологии: это такие сегменты, как электроника, одежда, косметика, продукты питания, фармпрепараты, бытовая техника и другие [2].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что сегодня развитие рынка нанопродуктов в экономике России во многом еще находится в стадии поиска и осознания возможных путей реализации и достижения потенциально значимых практических результатов. Анализ и оценка отечественного рынка нанопродуктов, а также его сегментация позволят представить научно обоснованную стратегию коммерциализации разработок и координации инновационной деятельности в сфере наноиндустрии.

Отсутствие полных и точных экономико-статистических данных о развитии наноиндустрии определило широкое использование библиометрических и наукометрических методов, отчетов ведущих мировых консалтинговых фирм – Lux Research Inc., Scientifica, BCC Research и других, дающих возможность получить информацию о развитии отечественного рынка нанопродуктов, провести сегментирование и дать оценку с целью разработки практико-ориентированной стратегии продвижения отечественных нанопродуктов.

Представляется целесообразным определить направления сегментации и дать оценку отечественного рынка нанопродуктов на основе классификации, разработанной американской независимой исследовательской компанией – Lux Research. Разрабатывалась эта классификация для расчета фондового индекса наноиндустрии The Lux Nanotech Index в процессе исследования проблем, связанных с коммерциализацией нанотехнологий. Данная классификация отражает критерии положения нанопродукта в нанотехнологической цепи ценности и объединяет четыре группы нанопродуктов [1, с. 28]:

первая группа – наноматериалы (наночастицы, нанотрубки, квантовые точки, фуллерены, дендримеры, нанопористые материалы);

вторая группа – наноинтермедиаты – нанопосредники, или нанокомпоненты (покрытия, ткани, чипы памяти и обработки информации, контрастные носители, оптические компоненты, ортопедические материалы, суперпроводящие волокна);

третья группа – продукты, содержащие нанокомпоненты, то есть наноин-

термедиаты (автомобили, одежда, авиалайнеры, потребительская электроника, фармпрепараты, произведенные продукты питания, пластиковые контейнеры, домашние приборы);

четвертая группа – наноинструменты (атомно-силовые микроскопы, оборудование для литографической печати, программное обеспечение для молекулярного моделирования).

В России в целях содействия реализации государственной политики в сфере нанотехнологий была создана государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий» (РОСНАНО). Основными задачами корпорации являются обеспечение коммерциализации разработок и координация инновационной деятельности в сфере наноиндустрии. Корпорация регистрирует следующие сегменты рынка нанотехнологий: аэрокосмическая промышленность; автомобильная промышленность; строительство; электроника; энергетика и защита окружающей среды; производство; медицина и фармацевтика; нефте- и газопереработка [3].

В настоящее время можно говорить о глобализации рынков, и в частности о глобализации рынка нанотехнологий и нанопродуктов. Аналитические группы и специализированные организации разных стран мира оценивают этот рынок в мировом масштабе как по объему и динамике, так и по сегментам: по типам продуктов, по сферам применения и регионам.

Нанотехнологии сегодня рассматриваются в зеркале междисциплинарного контекста (применение нанотехнологий в различных отраслях народного хозяйства): глобальная энергетика, энергосбережение и нанотехнологии, нанотехнологии в аэрокосмической отрасли, нанобиотехнологии, наномедицина, нанотехнологии и защита окружающей среды, стройиндустрия, сельское хозяйство, производство пищевых продуктов и потребительских товаров в свете развития нанотехнологий, военные приложения нанотехнологий, оборона, национальная безопасность.

Рынок нанопродуктов и нанотехнологий сегментируется по срокам вывода нанопродуктов на массовый рынок. Быстрее на рынок выходят наноматериалы; длительные сроки вывода на рынок имеют сложные нанотехнологические системы – квантовые компьютеры, молекулярные процессоры, технологии биомедицины.

Ключевое значение в последние годы приобретает создание в Российской Федерации современной инфраструктуры национальной нанотехнологической сети для развития и реализации потенциала отечественной наноиндустрии [4, с. 130].

Проведем анализ участников российского рынка нанотехнологий. Инфраструктурная база российского сектора наноиндустрии, как заявлено в Программе развития наноиндустрии в Российской Федерации до 2015 года, создается в виде национальной нанотехнологической сети, в которую входят головная научная организация – Российский научный центр «Курчатовский институт»; головные организации отраслей из числа крупных отраслевых специализированных научно-технологических комплексов; вузы; научные, образовательные, проектные и промышленные центры; лаборатории; технопарки; центры трансфера технологий; организации, осуществляющие разработку и выпуск продук-

ции наноиндустрии; инвестиционные и венчурные компании; региональные центры; особые экономические зоны; СМИ.

В числе наиболее известных российских компаний на мировом рынке – ОАО «ГМК “Норильский никель”», ОАО «Северсталь», ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат», ОАО «Фармстандарт», ОАО «НИИМЭ и Микрон», ОАО «Нижнекамскшина», ОАО «Ярославский шинный завод», ОАО «ГАЗ».

Следует констатировать, что российские компании мало известны на мировом рынке. Доля Российской Федерации на мировом рынке нанопродукции составляет 0,07%, однако поставлена цель довести ее к 2015 г. до 3%.

Мировое развитие рынка нанотехнологий охватывает практически все отрасли производства – обрабатывающие отрасли, энергетику, электронику, авиакосмическую, автомобилестроение, фарминдустрию, здравоохранение, потому некоторые оценки его относятся и к производству продуктов с нанокomпонентами.

Российский рынок нанотехнологий представлен в виде трех основных групп продуктов: наноматериалы, наноинструменты, наноустройства. Высокую долю сегодня занимают наноматериалы (84,7%), но наибольший темп роста прогнозируется для наноприборов, доля которых сейчас минимальна (0,2%).

Освоение и развитие нанопродуктовых рынков в России основывается на производственных и управленческих инновациях, поэтому в развитии рынка нанопродуктов особую актуальность приобретает инновационный аспект.

Для оценки состояния, тенденций и разработки стратегии развития наноиндустрии необходимо провести SWOT-анализ этой сферы в сравнении с наноиндустриями развитых стран (см. табл.).

SWOT-анализ отечественного рынка нанотехнологий и нанопродуктов

Сильные стороны	Слабые стороны
<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокий уровень государственного финансирования начиная с 2008 г., сопоставимый с США. 2. Высокий уровень разработок на отдельных приоритетных направлениях. 3. Наличие проектов, готовых к внедрению. 4. Наличие опытных образцов. 5. Наличие квалифицированных кадров по отдельным направлениям (образование, наука). 6. Перспективный производственный потенциал российских предприятий. 7. Положительная динамика наноиндустрии в России. По количеству организаций и работников, занятых исследованиями в нанообласти, Россия не уступает ведущим нанотехнологическим странам мира. 8. Рост коммерческого интереса со стороны производственных компаний. 9. Уникальные предложения нанопродуктов (нет аналогов за рубежом). 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отставание в сроках начала реализации национальной программы развития наноиндустрии на семь лет от США и Западной Европы. 2. Малые масштабы отрасли (670 млн долл. – РФ и 700 млрд долл. – мировой рынок). 3. Недостаток частных инвестиций, основное финансирование – государственные средства. 4. Высокие риски для потенциальных инвесторов; практически отсутствует механизм венчурного финансирования. 4. Сравнительно невысокий уровень общей инновационной активности. 5. Низкая известность российских нанопродуктов на мировом рынке. 6. Высокие риски операторов рынка. 6. Рейтинг мировых отраслей – потребителей нанопродуктов более обширный. 7. Структура индустрии в большей степени остается научно-образовательной (27% – производство).

Возможности	Угрозы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Россия – большой рынок для нанопродуктов (142 млн населения). 2. Перетекание ресурсов из стагнирующих отраслей в сферу нанотехнологий. 3. Развитие международных ресурсов (информационных, технологических и др.) в области нанотехнологий и продвижения нанопродуктов. 4. Установление монополии на уникальные нанопродукты. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Угроза захвата российского рынка нанопродуктов иностранными компаниями (в частности, китайскими). 2. Снижение государственного финансирования в условиях секвестра госбюджета. 3. Сокращение приоритетных направлений государственной поддержки в ситуации ожидания быстрых дивидендов от развития некоторых отраслей в результате внедрения нанотехнологий. 4. Непредсказуемость последствий нанореволюции.

На основе проведенного SWOT-анализа российской nanoиндустрии возможна разработка стратегии развития отечественного рынка нанопродуктов. Она, на наш взгляд, должна включать, во-первых, развитие НИОКР, создание условий для растущего производства нанопродукции в отраслях электроники, обрабатывающих, энергетики, здравоохранения; во-вторых, создание условий интеграции в мировые инновационные и производственные нанотехнологические цепи.

Продвижение нанопродуктов – значимая составляющая стратегии развития рынка нанопродуктов и nanoиндустрии, поэтому на повестке дня – стратегия продвижения отечественных нанопродуктов и разработка рекомендаций по ее реализации [5].

Стратегия продвижения отечественных нанопродуктов на основе проведенного SWOT-анализа, по нашему мнению, должна осуществляться путем расширения масштабов отрасли, совершенствования нормативно-методического обеспечения и правовой базы; формирования системы коммерциализации технологий; создания механизма венчурного финансирования; снижения рисков агентов рынка nanoиндустрии; выхода на мировые рынки.

Наноконцепции должны быть введены в образовательные программы всех уровней и направлений, чтобы обеспечить фундаментальность и интегральность последующих научных исследований и практических разработок. Значительное число действующих сегодня экономистов и работников социальной сферы должны пройти предподготовку, чтобы квалифицированно реагировать на новые обстоятельства.

Кроме этого, необходимо разработать методы объективной оценки изменений в экономике, промышленности, образовании, социальной сфере, приносимых развитием нанотехнологий. Правительственные агентства, частные фонды и промышленные предприятия должны поддерживать крупномасштабные социально-экономические исследования перспектив и результатов внедрения нанотехнологий, для чего должна быть создана соответствующая инфраструктура.

В настоящее время необходимо использовать различные формы участия со-

циальных институтов в обсуждении приоритетов и планов развития нанотехнологий, которые учитывали бы все мнения, существующие в обществе.

В результате указанных действий правительство и промышленный сектор экономики смогут выстроить политику и планы развития отрасли таким образом, чтобы она гибко реагировала на все социальные, этические, юридические и экономические проблемы, возникающие по мере совершенствования нанотехнологий.

Библиографический список

1. Рынок нано: от нанотехнологий к нанопродуктам / Г.Л. Азоев [и др.]; под ред. Г.Л. Азоева. М., 2011.
2. Market Research Reports from BCC cover the following categories [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bccresearch.com/>
3. Нанотехнологии: сферы применения и перспективные направления исследований // Наука за рубежом. 2011. № 6.
4. Джилберт Л., Кригер М. Механизмы передачи и использования результатов академических исследований в области нанотехнологий // Л. Фостер. Нанотехнологии. Наука, инновации и возможности. М., 2008. С. 128–144.
5. В СНГ будет работать информационная инфраструктура инновационной деятельности. URL: <http://www.nanotechnology.ru/node/28>.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

E.B. Khoroltseva, A.V. Fedorova
Management Systems Research:
Methodological Aspect

Features of contemporary management systems are analyzed. The special attention is paid to the risks connected with functioning and research of management systems. Measures to increase the efficiency of contemporary management systems research are proposed.

Key words and word-combinations: of management systems research, managerial risk, risk matrix, efficiency.

Анализируются особенности современных систем управления. Особое внимание уделяется рискам, связанным с функционированием и исследованием систем управления. Предлагаются меры по повышению эффективности исследований современных систем управления.

Ключевые слова и словосочетания: исследование систем управления, управленческий риск, матрицы рисков, эффективность.

УДК 65.01
ББК 60.80

Е.Б. Хорольцева, А.В. Федорова

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Особенности современной социально-управленческой ситуации во многом связаны с повышением конфликтности взаимодействий субъектов и объектов управления, исполнителей и проводников процесса управления, которое усугубляется слабо сформированным коммуникационным пространством для диалога между различными исследовательскими позициями и мнениями. Мало внимания уделяется анализу социальных рисков и рассмотрению их в качестве возможности для дальнейшего перспективного развития современных систем управления.

Специфика ситуации сегодня заключается в том, что современные системы управления отличаются сложностью, нелинейностью, непропорциональностью, относительной закрытостью, забюрократизированностью, высокими уровнем и степенью рисков и в целом малой эффективностью [1]. Вместе с тем исследователь может эффективно изучать современные системы управления только при условии, что они будут относительно простыми для исследований, детерминированными,

линейными, в меру демократичными, селективными, но пропускающими исследователя.

Становится актуальным анализ современных исследований систем управления в методологической плоскости (плоскости исследователя) и совершенствование исследовательских процедур, функционирования и развития систем управления в целом (как объектов, на которых направлено внимание исследователя).

Обращает на себя внимание «трехслойность» предмета методологической рефлексии: первый слой – исследования; второй – системы; третий – управление. Методологическая плоскость создает единый контекст их функционирования.

Исследования включают в себя позиции субъектов – исследователей, основные принципы, на которые опираются исследования, технологии, методы, приемы, методики, позволяющие получить объективные знания о современных системах управления, закономерностях их развития (классическая методология), а также субъективные интерпретации, их конфликт, консенсусные процедуры, позволяющие «снять» субъективность обсуждаемых мнений (неклассическая методология). Выбор определенной методологии – это серия субъективных выборов, обусловленных позицией, которую занимает исследователь, и задачами, которые он ставит перед собой. Решающую роль в выборе методологий играет ресурсное обеспечение процесса исследований и готовность исследователя сделать тот или иной выбор и реализовывать его.

При этом исследовательский выбор обусловлен требованиями стандартов к процессу обучения, содержанию учебных дисциплин и курсов. В рамках классической методологии необходимо использовать методы анализа и синтеза и их модификации, формализованные и статистические методы, детерминированные методы (инфлюентный анализ, методы оптимизации, градиентные методы, метод многокритериальной оптимизации, методы линейного программирования и др.) В рамках неклассической методологии применяются эвристические, социологические, психологические и проектные методы. Проектный метод выступает в роли «ядерной технологии». Он обеспечивает праксичность курса, «погружая» наблюдателя-теоретика в практику, а управленца-практика – в актуальные управленческие проблемы на теоретическом уровне.

Исследования современных систем управления носят междисциплинарный характер. Они взаимодействуют с различными дисциплинами на основе сетевого партнерства. В этом поле особую актуальность приобретает выстраивание эффективных междисциплинарных коммуникаций. Важно, чтобы коммуникационные каналы оставались «чистыми», готовыми к работе. «Точками сборки» служат проблемы, проблемные ситуации (структурированные и неструктурированные). По мере решения той или иной управленческой проблемы или реализации задачи дисциплины обмениваются концепциями, методами, техниками, подходами, приемами. Например, такая распространенная патология системы управления, как доминирование структуры над функцией, может привлечь знание теории организации и организационной систематики, менеджмента и экономики организации, социологические и психологические методы, методы нелинейной динамики и проектирования.

Второй слой – системы, обладающие традиционными свойствами – целос-

тности, ингерентности, синергизма, когерентности, эмерджентности, аддитивности, обособленности границ, совместимости элементов, информационности и адаптивности. В этом случае систему можно определить как совокупность элементов, наделенных традиционными системными свойствами. Современные системы управления на порядок сложнее не только технических и эргатических систем управления, но и своих предшественников. Исследователи современных систем управления сталкиваются с такими свойствами, как открытость, нелинейность, неравновесность, непропорциональность затрат и получаемых результатов [1].

Открытость современных систем управления предполагает постоянный (систематический) мониторинг изменений и грамотное управление ими во внешней и внутренней среде управления. Нелинейность предусматривает отсутствие линейной зависимости между причинами, действиями и последствиями в современных системах управления. Окружающая среда современных систем управления настолько многомерна с точки зрения разнообразия факторов, условий, организаций и взаимоотношений между ними, что в большинстве случаев невозможно определить конкретные причины, повлекшие действия и последствия. Трудно отрефлексировать сами действия и последствия. Чаще всего исследователь имеет дело с целым «веером» причин, действий и последствий, и действовать приходится на основе «информированной интуиции» в ситуации с высокой степенью неопределенности и риска.

Неравновесность проявляет себя в системной нестабильности, в ситуациях неустойчивости, в постоянных изменениях и инновациях. Кроме того, динамика системы – возникновение, функционирование, развитие, достижение «вершинного» состояния и гибель – приводит к тому, что система отклоняется от состояния равновесия. Под воздействием закона гомеостаза, помня о состоянии равновесия, система стремится вернуться в это состояние. Но флуктуации в деятельности современных систем присутствуют всегда, что также увеличивает неопределенность и повышает уровень и степень системных рисков.

Непропорциональность затрат и получаемых результатов также способствуют повышению рисков функционирования системы управления. Колоссальные затраты могут не привести к значительным результатам, и наоборот, малое воздействие, но в нужное время может стать причиной высоких результатов. Следовательно, современные системы должны быть чувствительными к чувствительным периодам в своей деятельности и иметь в своем распоряжении специальные технологии аудита и диагностики этих периодов.

Важную роль в становлении и развитии систем управления играют процессы самоорганизации, когда без доминирующего воздействия внешних факторов система достигает новых качественных состояний. Акцент в исследованиях систем управления смещается на анализ и синтез внутренних факторов, условий и ситуаций. Процессы самоорганизации предполагают «выращивание» инновационных изменений и исследовательских процедур, поддержку трендов, важных и необходимых для будущего систем управления. Процессы самоорганизации таят свои опасности. Главная из них заключается в том, что они слабо контролируются по процессу. Контроль возможен только по результатам,

которые мы получаем. Но управленцам и системе управления в целом придется мириться с потерями во времени и рисками целенедостижения. Результат до последнего момента остается неопределенным, а само управление приобретает черты менеджмента, реагирующего на изменение ситуации.

Рассмотрим несколько подходов к определению систем управления с точки зрения не ее традиционных и современных свойств, а с позиции ее элементного состава. Первый подход рассматривает систему управления как совокупность подсистем организации, которые взаимодействуют между собой. Традиционно к ним относят общий менеджмент, систему менеджмента качества, финансовый менеджмент, кадровый менеджмент, систему управления окружающей средой, менеджмент рисков, менеджмент организационных коммуникаций, PR-менеджмент, менеджмент организационной культуры, стратегический менеджмент, тактический менеджмент, оперативный менеджмент, операциональный менеджмент, тайм-менеджмент и т.д.

Второй подход связан с выделением базовых характеристик социального управления в организации, релевантных организационным структурам и процессам. Профессор Т.П. Фокина предлагает выделить четыре основных блока системы управления. С нашей точки зрения, следует выделить также четыре блока системы управления, но с несколько иными содержательными характеристиками.

Первый блок системы управления содержит «... указание на проблему, для решения которой создана организация, миссию, которую организация на себя берет, цели, которых она собирается достичь, стратегию, которая для этого будет избрана, задачи, которые она будет решать, принципы и технологии управления, которые будут использованы, ресурсы, которыми организация располагает, обязательства, которые она берет на себя перед своими членами. Данные положения составляют содержание очень важного документа – так называемой “Политики”. Таковы сейчас неукоснительные требования TQM» [2, с. 23–25].

Второй блок системы управления включает в себя схему разработки и принятия управленческих решений, схему властных потоков, схему лидерских потоков и схему информационных потоков.

Третий блок позволяет исследовать структуру управления. Он состоит из организационной структуры и ее типа, достоинств и недостатков организационной структуры (уникальные характеристики для конкретной организации), стиля управления, специфики формальных и неформальных отношений (могут быть представлены в форме схем).

Четвертый блок включает элементы, которые относятся не только к исследовательским процедурам, но и в большей степени к процессу проектирования: это инновационная идея, представленная в общем виде, план-график мероприятий по реализации инновационной идеи, PR-сопровождение инновационной идеи, график Г. Ганта, матрица рисков по проекту, оценка эффективности проектных предложений.

Проектирование современных систем управления – одна из эффективных технологий изменения и развития. Под проектом понимается документ, содержащий паспорт проекта, результаты аудита, диагностики, описание инновационной идеи в общем виде и документы, подтверждающие ее реализацию. Не-

обходимым PR-сопровождением проекта является подготовленная презентация, отражающая базовые характеристики проекта. С точки зрения требований к проекту-документу, он должен быть уникальным, носить разовый характер; в нем закрепляются ресурсы, определяется время разработки и реализации проекта, описываются конкретные результаты / эффекты [3, с. 13].

Одновременно проект – это совокупность событий по разработке и реализации инновационной идеи. В этом случае акцент делается на инноватику, а оформление производится согласно требованиям заказчика. Третий подход более комплексный. Он отражает содержание проекта как процесса по непрерывному улучшению системы управления. Проект-процесс включает в себя этапы сбора, анализа и систематизации информации о той или иной системе управления. Выбор той системы управления, которая будет инновироваться на основе двух критериев – полноты информации о системе управления и возможности «выхода в поле». Включенное наблюдение, анкетирование, структурированный и неструктурированный опрос позволяют провести более детальный и соответственно более качественный аудит системы управления. Качество аудита определяет качество выявленных проблем на этапе диагностики системы управления.

На данном этапе осуществляется выявление и типологизация патологий. Важно различать организационные и управленческие патологии. Под организационными патологиями понимают противоречия, давно существующие и не решаемые доступными способами и методами. Эти противоречия локализованы в теле организации и мешают ее работе [2, с. 37]. Аналогичным образом можно определить и патологии системы управления как частного случая организационных патологий: это препятствия, давно существующие в управленческом контуре, мешающие нормальному функционированию систем управления и не решаемые привычными, рутинными способами и методами. Под управленческим контуром следует понимать специфические взаимодействия субъекта управления и объекта управления, результатом которых становятся изменения объекта управления. Важными элементами управленческого контура являются обратная связь; проблемная ситуация; цели субъекта управления; управленческие решения, которые он принимает; исполнители, если процесс управления опосредованный; внешние и внутренние значимые условия, влияющие на субъект и объект управления, на исполнителей [4].

Основная сложность этого этапа заключается в том, что легче всего выявляются симптомы, указывающие на патологии системы управления. Часто они обозначаются проблемами, стоящими перед системой управления. Различия симптомов / проблем и патологий состоит в том, что последние – это результат систематически проявляющихся симптомов / проблем внутри управленческого контура. В качестве примеров симптомов / проблем можно привести появление нового конкурента или нового партнера, срыв денежных выплат банком, требования правительства и т.д.

Выявленные патологии современных систем управления помогают исследователям разработать и внедрить своевременные инновации. На начальном этапе инновационная идея формируется и формулируется в общем виде как заявка

на инноватику системы управления. Далее следует реализация предложенной инновации, которая начинается с выстраивания плана-графика мероприятий. В нем подробно фиксируются шаги по реализации инновационной идеи, ответственные лица и время реализации каждого действия. На этапе планирования инноваций проводится анализ рисков проектных предложений: это матрица, состоящая из нескольких столбцов. В первом столбце – элементы риска (причины, условия, факторы, виды, субъекты, объекты, уровень и степень). В других столбцах – этапы проекта (сбор и анализ информации, аудит, выявление проблем, разработка инновационной идеи и ее реализация).

Существуют методологические особенности по составлению этой матрицы. *Риск – причины* носят более общий характер: например, закрытость системы управления, наличие единственного источника информации, пассивность членов проектной команды. *Риск – условиями* могут быть нежелание распространять информацию об организации, нелегальная деятельность или уход от налогов, наличие «привратников», излишняя бюрократизированность деятельности субъекта управления. Очевидно, что *риск – условия* конкретизируют, раскрывают *риск – причины*. *Риск – причины* и *риск – условия* прямо пропорционально зависят друг от друга: рост числа причин приводит к увеличению условий. *Риск – условия* и *риск – факторы* связаны друг с другом подобным же образом. Именно поэтому начинать нужно либо с *риск – причин* и идти далее к анализу и синтезу *риск – факторов* (дедукция) или рассматривать *риск – факторы* и двигаться к наиболее общим *риск – причинам* (индукция). Траектория движения во многом обусловлена позицией исследователя, его привычными исследовательскими стратегиями [5].

Проектные группы иногда после анализа факторов риска сразу выходят на типологизацию видов риска. Если проектным группам сложно перейти к выявлению видов риска, то можно рассмотреть все оставшиеся элементы риска (субъекты, объекты, уровень и степень), после чего вернуться к видам риска, оттолкнувшись от субъектов и объектов риска. Например, в качестве субъектов риска довольно часто рассматриваются члены проектной группы. Следовательно, видами риска, сопутствующими деятельности членов проектной группы выступают профессиональная компетентность, навыки консалтинговой деятельности, методологическое обеспечение, позиция исследователей (включенное / невключенное наблюдение) по отношению к системе управления. Субъекты риска – это люди, принимающие ответственность на себя, располагающие разнообразными ресурсами, для того чтобы справиться с разнообразием ситуаций, изменяя состояние *риск – объекта*. Уровень риска – это вероятность наступления благоприятных / неблагоприятных ситуаций. Редко ее можно оценить количественно. Если такая возможность появляется, то ею обязательно следует воспользоваться. Обычно уровень риска оценивается как высокий, средний или низкий. Аналогичным образом производится оценка и степени риска, под которой понимают меру выигрыша или успеха.

Матрица риска представляет собой комплексный подход к исследованиям риска – это одна из технологий систематики современных рисков систем управления. Ее заполнение не вызывает трудностей, так как работа осуществля-

ется в консультативном режиме. От исследователей требуются вдумчивый подход и методичность в заполнении каждой ячейки матрицы. Часть работы по заполнению матрицы риска можно предоставить членам проектной группы, которые заполняют ее на свое усмотрение в индивидуальном или коллективном порядке.

На последнем этапе проектных работ необходимо оценить эффективность проектных разработок. Этот процесс включает в себя три этапа: оценку эффективности на этапе планирования, оценку эффективности на этапе реализации и оценку эффективности на этапе получения результатов / эффектов по проекту. Особенности этапа оценки эффективности зависят от компетенций членов проектной группы. Так, экономисты оценивают ее чаще всего с использованием количественных показателей, а политологи и конфликтологи – качественных показателей.

Процесс проектирования современных систем управления всегда вызывает сопротивление участников проектных групп и предполагает наличие как латентных, так и явных конфликтных ситуаций, которые необходимо им преодолеть. Рассмотрим типичные конфликтные ситуации.

Конфликтные ситуации, возникающие в процессе проблематизации, относятся к первому типу. На этом этапе происходит выбор той системы управления, которую в дальнейшем предполагается исследовать. Здесь возникает конфликт интерпретаций систем управления, связанный с формулировкой проблем, постановкой целей и задач, выбором методов для исследований, определением конкретной задачи, на решение которой направлен проект, построением гипотез. Побеждает та интерпретация, которая отвечает требованиям достижимости, то есть члены проектной группы готовы затрачивать время, интеллектуальные, физические, духовные, финансовые, материальные и информационные ресурсы на ее реализацию. На этапе проблематизации определяются роли для членов проектной группы. Конфликтность ситуации снижается только тогда, когда все роли распределены и присвоены.

На этапе аудита современных систем управления возникают «торги» по поводу текущего процесса аудита (несогласие / нежелание скрупулезно выполнить все этапы) и по его итогам (качество результатов не одобряет часть проектной группы; группу результаты устраивают, но они получают низкую оценку у внешних экспертов).

Этап диагностики сложен тем, что выявленные симптомы проблем в случае необходимости следует исследовать дополнительно, пока не будут сформулированы проблемы системы управления. Ситуация становится конфликтной, когда выдвигаются требования до-исследования ситуации. Проектная группа не хочет затрачивать дополнительные усилия на определение патологий (противоречий, долго существующих, не решаемых доступными методами и способами, локализованных в системе управления).

На этапе разработки инновационной идеи конфликтной является ситуация, связанная с разработкой корректной формулировки инновационной идеи, с определением критериев выбора той инновационной идеи, которая будет действительно реализована, отсеиванием симулякров.

Этап реализации влечет за собой конфликты, связанные с тем, что проектная группа должна «отработать» предложенный план-график по шагам. Выясняется, что не все члены проектной группы готовы проявить ответственность и уложиться в запланированные сроки. До данного этапа многие проектные команды не доходят, так как проект, например, был подготовлен для соответствия формальным критериям (просили / сделали; количественно все шаги расписаны, а качество оставляет желать лучшего). Часто именно на этом этапе выясняется, что проектировались изменения в системе управления, где раньше работали члены проектной группы, то есть апробация результатов становится невозможной. Однако методологическую ценность имеют и такого рода исследования: они позволяют аккумулировать опыт членов проектной группы и с помощью процесса проектирования стремительно развивать его. Совершенствуется и практическая составляющая курса «Исследование систем управления». В условиях быстро меняющегося мира управление напоминает «бурлящую воду», у исследователей нет времени для специального освоения теорий и их проверки на практике. Мы подвергаем проверке теории в ситуации обучения при помощи опыта и знаний участников проектных групп.

Особую значимость приобретает повышение эффективности исследований систем управления как ресурсно обеспеченный процесс, направленный на достижение поставленных исследователем целей.

Таким образом, в качестве средств для повышения эффективности исследований современных систем управления были рассмотрены меры по использованию проектного подхода; меры по снижению конфликтности проектных процедур; меры, связанные с управлением исследовательскими рисками; меры по совершенствованию преподавания курса «Исследование систем управления». Важным условием совершенствования исследовательских процедур современных систем управления является соблюдение принципов неклассической методологии, опирающейся на проектирование в качестве базовой технологии.

В заключение необходимо отметить, что требуется более скрупулезный мониторинг ситуации постпроектирования, когда анализируются результаты / эффекты предложенных инноваций на основе положительной или отрицательной обратной связи. Качественно выстроенная обратная связь требует того, чтобы члены проектной группы, осуществляющие реализацию инновационных идей, были мотивированы на пролонгированное консалтинговое консультирование после завершения основного процесса по проектированию современных систем управления.

Библиографический список

1. *Коротков Э.М.* Исследование систем управления. URL: //rudocs.exdat.com/docs/index-62150.h...
2. *Фокина Т.П.* Теория организации. Саратов, 2007.
3. *Бэджоли Ф.* Управление проектом. М., 2002.
4. *Гербуз В.И., Слонов Н.Н., Федоров В.Г.* То, что я сейчас делаю, пойдет по всему миру // Саратовская система бездефектного изготовления продукции – национальное достояние: сб. статей. М., 2005. С. 38–47.
5. Риски в коммуникативном пространстве социума / С.Ю. Наумов [и др.]. Саратов, 2004.

S.M. Frolova
The Institutional Approach
in Daily Life Research

Daily life is considered from the viewpoint of the institutional approach. The reasons for the formation of institutional attitudes in the society and the influence of daily life on their development are analyzed.

Key words and word-combinations: daily life, institutionalization, daily being, institutionality of the society.

Повседневность рассматривается с позиции институционального подхода. Проанализированы причины формирования институциональных установок в обществе и влияние повседневности на их развитие.

Ключевые слова и словосочетания: повседневность, институционализация, повседневное бытие, институциональность общества.

УДК 60.02
ББК 1:316

С.М. Фролова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Институциональный подход сегодня широко применяется в различных областях гуманитарного знания, поскольку при исследовании он помогает «выявить устойчивые микро- и макроструктуры социальных взаимодействий – от социальных практик до базовых институтов» [1]. В рамках повседневности он применим к «микроуровневному» исследованию с опорой на локальные установки общества. Ведь повседневная деятельность индивида никогда не обличена в форму проектов и программ социального преобразования; она, опираясь на мелкие детали быта и тонкости образа жизни, просто включена в жизненный мир субъекта и обусловлена необходимым набором норм, регулирующих его обыденную деятельность, поэтому сосредоточение внимания на повседневном нормировании поступков малых групп поможет в исследовании процессов институционализации общества в целом.

Институциональный подход позволяет рассматривать институты в контексте повседневного бытия как регулирующие и развивающиеся благодаря каждодневной деятельности человека, так как они образуют «не жесткий каркас, а гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия» [2, с. 113]. Это определяет возникновение новых институциональных форм, способствует упорядочиванию взаимоотношений в социуме и даже объясняет предсказуемость поведения индивидов. Формирование институционального

устройства социума, на наш взгляд, снижает неопределенность в повседневных взаимоотношениях между людьми посредством стабильной нормированности их действий. Иными словами, повседневность отражает не просто потребности человека, она вырабатывает определенный порядок совместного существования, впоследствии закрепляющийся в институтах, которые, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, являются «взаимной типизацией опривыченных действий» [3, с. 92] и ограничивают выбор поведенческих действий человека посредством внутренних «глубинных» регуляторов – норм, правил, стандартов, обычаев и привычек. Эти установки не имеют возможности выйти за границы «исторической обусловленности» формирования общества и крайне необходимы для взаимодействия индивидов в рамках повседневной деятельности. Именно поэтому немаловажной составляющей в изучении повседневности выступает процесс развития формальных норм через модернизацию неформальных, которые не только упорядочивают и нормируют взаимоотношения людей, но и облегчают понимание дальнейшего пути исторического развития.

Изменение института, регулирующего повседневную жизнедеятельность, невозможно без обращения к предшествующему сценарию как «исторической обусловленности» его развития, поскольку человеческий опыт (по Гуссерлю) состоит из осевших в схемах восприятий результатов прошлой деятельности сознания, образующих открытый горизонт будущего «опыта в возможности». Очевидно, что изменение повседневной деятельности человека непрерывно; оно зависит от исторического развития социума и «предшествующих траекторий» его генезиса, но «при всех исторических трансформациях повседневность все равно остается повседневностью – эмпирическим миром с повторяющимися отношениями» [4, с. 9]. Такие отношения можно отнести к типовым; они обусловлены каждодневными потребностями человека и неотделимы от его рутинной повседневной практики, поэтому выход за рамки установленных правил взаимоотношений часто не находит понимания и оценивается как девиация.

На наш взгляд, правила и нормы, выработанные в процессе повседневной жизнедеятельности, дают индивиду ощущение «онтологической безопасности» (Э. Гидденс), так как стандартизация и нормирование действий окружающих людей позволяют предопределять их поступки. Особенно это проявляется в современном мире, когда стираются этнические, культурные, национальные границы и поведение людей в глобализирующем мире (исключая терроризм) во многом становится все более предсказуемым. Значит, повседневность оказывает влияние на формирование устойчивых образцов социального взаимодействия индивидов, усиливая таким образом понимание собственной значимости и необходимости, убеждая в важности изучения ее институциональных сегментов.

Преобразования в социальном строе и возникновение норм исходят из необходимости антропологического бытия и потребности индивидов, создающих определенную «программу» своей деятельности, рутинизирующей (кодирующей) образ жизни целых поколений, обрастающей социально-правовыми смыслами. Следовательно, повседневность обретает значимость благодаря социальному опыту, а ее «сущностными признаками является прежде всего наличие

стабильных форм деятельности и образцов достижения стандартизированных целей в виде традиций, привычек, правил, которые не подвергаются сомнению» [5] в процессе каждодневной рутинности.

Еще в классической рациональности было определено, что чистое бытие – ничто и только через установку норм, регулирующих отношения между людьми, это бытие институализируется, обретает социальный характер, общие цели, и даже определяет образ жизни определенного сообщества. Вот почему бытие личности имеет «различное смысловое содержание в зависимости от теоретического обобщения освоенных индивидами видов социальных практик, социального опыта, установившихся норм коммуникативного общения» [6]. Так, образ жизни городского человека отличен от образа жизни сельского жителя, живущего в деревне миллиардера – от небогатого человека. Следовательно, *повседневная жизнедеятельность определена через бытие норм, а нормы уславливаются благодаря повседневной рутинности и повторяемости или «бытийственности» событий и действий* [7, с. 113–120].

Нормативный уровень бытия индивида раскрывается через систему правил и социальных норм в повседневной жизнедеятельности человека, при этом не обязательна их письменная фиксация; главное – общее признание и понимание этих правил, определяющих повседневность, формирующих «трафарет», отпечаток каждодневного социального действия, определяющих впоследствии основное направление нормативности бытия. Установленный таким образом порядок воспринимается как неоспоримая данность, как социально одобренный опытом образец каждодневного поведения, которому субъекты вынуждены подчиняться, обеспечивая тем самым общий порядок повседневного существования. Этот порядок, как правило, обусловлен географическими, климатическими, демографическими условиями бытия человека, которые Ф. Бродель назвал неизменяющимися «структурами повседневности», поскольку именно они определяют, стабилизируют и стандартизируют обыденную деятельность людей, а также способствуют «медленному накоплению» навыков, способов мышления, ведущих к структурному нормированию и преобразованию в отношениях между людьми, рынком, государством. При этом общим механизмом, побуждающим к выполнению определенных действий, служит осознание того, что по-другому быть не может. Следовательно, выживание человека основывается на подчинении установленному порядку, и прежде всего на понимании необходимости принятия норм, подразумевающих однообразие и предсказуемость поведения окружающих людей.

В этом контексте рассматривал проблему понимания В. Дильтей. Он считал, что понимание вырабатывается в процессе практической жизни и повседневного общения, а также порождено многообразием проявления жизни человека и внутренней связью, лежащей в основе этого многообразия. Понимание – это обнаружение жизненной связи [8, с. 135–152], причем, с нашей точки зрения связи единичного и целого, что отражает принцип всеединства, установленный русскими философами и определяющий целое как «множественность, сведенную к единству» (В. Соловьев). В данном случае этот принцип утверждает, что через соблюдение нормы одним лицом обеспечивается общий порядок.

Таким образом, *институционализация и повседневность – это взаимозависимые составляющие, где нормативные установки определяют и регулируют каждодневное поведение субъектов; повседневное бытие, в свою очередь, способствует выработке институциональных норм, основанных на прагматизме и всеобщем понимании их необходимости.* Следовательно, институциональная сторона повседневности структурирована человеческими интересами, отражает систему действий индивидов в реализации каждодневных потребностей, дает четкое понимание возможности их воплощения в стандартных ситуациях, минимизирует усилия по усвоению реальности и обеспечивает безопасность каждодневного бытия.

При возникновении непредвиденных ситуаций человек все равно тяготеет к установленным образцам деятельности, поскольку даже в хорошо обустроенном сообществе, согласно А. Шюцу, «отклонения от повседневности» управляются типичными способами улаживания экстраординарных ситуаций (например, тушение пожаров, защита от наводнений), что свидетельствует о рутинизации способов «оповседневливания» инноваций [9, с. 550–556], несмотря на неопределенность и непредвиденность обстоятельств. Следовательно, человек в любых ситуациях не отходит от знаний, опыта, нормированности действий, усвоенных в процессе повседневной жизни, и потому структурирует свое поведение согласно полученным прежде познаниям и нормам, которые в большей части стереотипны, автоматичны, машинальны, а главное – социально одобрены и смыслоконституируемы.

Если исходить из того, что институты (по Д. Нортю) определяют систему побудительных мотивов человеческого взаимодействия, то не может вызывать сомнений, что смысловая направленность действий человека изначально была направлена на выживание в условиях суровой реальности, для чего люди вынуждены были объединяться в общины. Община как первичная форма социальной организации утверждала правила поведения ее членов в повседневной жизни, регулировала земледельческие работы, становясь таким образом на путь нормированного (институционального) упорядочивания жизнедеятельности людей, позволяющего выделить, согласно замечанию Гамильтона, «преобладающий и постоянный способ мышления или действия...», определивший привычные «формы и границы человеческой деятельности» [10, с. 84], в дальнейшем превратившиеся в обычаи.

Обычай как одна из ранних форм нормирования деятельности общества упрощал бытие человека и сохранял «порядок общественной жизни» через следование принятых в прошлом образцам стереотипного поведения. Обычай является «неофициально “узаконенной” властью массовой привычки» [11] нормой поведения, несущей в себе характерные особенности повседневной жизни определенного общества, которыми индивид (не всегда осознанно) руководствуется при совершении поступков, поскольку фундаментальной основой такого действия выступает уже сложившийся опыт, объединивший социально важные значения с общественной реальностью и поведенческими предпочтениями индивида в повседневном бытии. Изначально эти предпочтения имели добровольную основу, а затем были санкционированы властвующими структу-

рами и включены в систему правовых и нравственных норм. Следовательно, обычай следует рассматривать как массовый и долговременный творческий путь формирования норм повседневного бытия, поэтому, руководствуясь такими нормативными установками, как традиции и обряды, можно конструировать социальную реальность и «реальность повседневной жизни» (Бергер и Лукман) любого общества.

Несомненно, обычай как «механизм воспроизводства социальных институтов и норм» (Ю.А. Левада) ограничивает свободу действия, но одновременно он освобождает человека от постоянного выбора в решении каждодневных ситуаций, упрощает его бытие: ведь основная функция обычая заключена в обобщении социального опыта, стандартизации механизмов поведения. В современном обществе эта функция нарушается и проблемой становится не отсутствие свободы действия, основанного на необходимости следования нормам, предписываемых обычаями и традициями, а уход от стереотипов поведения в связи со стремительным видоизменением институциональных норм. Сегодня особенно ценным в поведении человека становится внутреннее субъективное обоснование и нормирование своих поступков, способность к принятию решений, не нарушающих всеобщий порядок, что обуславливает действие индивида в соответствии с «индивидуально ответственным Я» (Р. Коллинз). Этот процесс особенно хорошо прослеживается на примере института семьи.

На протяжении длительного времени семья создавалась согласно существующим установкам, по которым практически не учитывалось желание индивида по выбору спутника жизни; традиция и обычай строго предопределяли подчинение нормам общины или патриархальной семьи, где решающее слово оставалось за родителями. Но, даже вступив в брак, дети не обретали самостоятельности и целиком зависели от родительской власти. Семья (муж и жена) была неспособна самостоятельно определять или нормировать свою деятельность в рамках общины, поскольку «человек существовал для семьи, а не семья для человека» (И.П. Киреевский). Вероятно, был прав Э. Дюркгейм, использующий для характеристики традиционного общества метафору толпы.

Член патриархальной семьи даже мысли не мог допустить о собственной выгоде, так как «цельность семьи есть одна общая цель» [12, с. 284], сосредоточенная на выполнении обязанностей и норм, обусловленных экономическими и демографическими причинами выживания. Все это подразумевало безграничную ответственность перед родителями и беспрекословное подчинение установленным общиной нормам, регулирующим каждодневную деятельность индивидов. Даже с изменением отношения общества к семье самое трудное заключалось в преодолении социальной зависимости от прошлого, не допускающего в сознание индивида альтернативы существования нуклеарной семьи с заботой только о своей жене и своих детях, поскольку иерархические устои авторитарной семьи, установившие определенный «стиль жизни», руководствовались исключительно экономическими приоритетами и не могли этого допустить.

В современном обществе наблюдается, согласно точному замечанию П. и Б. Бергеров, «массированное смещение общей социальной позиции семьи...», где «барьеры между микромиром семьи и макромиром общества обозначены

резко и отчетливо». У семьи появились собственные поведенческие и деятельностные установки или «личная жизнь», в рамках которой «дети могли вырастать в атмосфере, обособленной от... напряженного мира работы» [13, с. 109–111]. Это, вероятно, обусловило позитивные преобразования в нормировании каждодневной жизнедеятельности индивидов, основанной не на коллективных нормах, нивелирующих повседневное бытие, а на преобладании внутренних, субъективных предпочтений, не выходящих за рамки формальных установок общества и социальных практик. При этом важно подчеркнуть, что *нормативная среда была и остается принудительной, властной силой, интенсивно воздействующей на сознание индивида и определяющей его бытие*, поэтому модернизация институциональных установок, как правило, ведет к изменению повседневной жизни человека и, наоборот, повседневность может быть осознана только через институциональный порядок повседневного бытия.

Принудительная властная сила, возведенная в ранг закона, не может избежать насильственного внедрения механизмов регуляции, поскольку насилие оправдано необходимостью нормативной структуризации общества, организующей выполнение норм регламентирующих, то есть не выходящих за установленные, поведение людей. В связи с этим утверждение М. Вебера о том, что внедрение институтов происходит насильственно и, как правило, этот процесс не может управляться одним индивидом, не лишено определенной значимости. Однако необходимо отметить, что благодаря навязанным ценностям и нормам была выработана система институциональных координат, направляющих общество по приемлемому и безопасному для него пути развития, предотвращающему отклонения в поведении субъекта. Последнее не всегда удается реализовать, так как основной причиной девиантного поведения выступает протест против институционального давления на личность и установления жестких поведенческих правил, регулирующих действия индивидов в процессе повседневной жизни.

Общество (государство), оберегая собственную безопасность и упорядоченность структур, вынуждено реагировать на такие девиации, или поведенческие вызовы, что оправдывает введение различных санкций, вплоть до изоляции от общества, за несовпадение действий граждан с общепринятыми нормами, тем самым четко определяя границу между нормой и аномалией человеческого поведения. Согласно Э. Дюркгейму, социальная патология, или девиация, крайне необходима людям, поскольку всеобщее осуждение поведения субъекта, выходящего за рамки общей моральной идентичности, способствует сплочению общества и установлению института наказания, посредством чего еще раз подтверждается его «моральный авторитет» [14]. Кроме того, по Мертону, девиацию можно рассматривать с точки зрения социальной структуры. Р. Мертон, не отходя от понимания девиации как формы «отрицания институциональной практики», делает вывод о том, что отклонения в поведении обусловлены стремлением к инновациям, а также желанием при помощи институционально запрещенных средств достичь «культурно-ценной цели». Мертон отмечает, что девиация не всегда приводит к «дисфункциональности» общепринятых ценностей и часто не связана с отступлением от установленного правопорядка. Чаше

она проявляется в выходе за рамки морально и социально одобряемых действий и в дальнейшем «может иметь своим результатом как формирование новых институционализированных образцов поведения» [15, с. 306, 308], которые впоследствии общество примет за образец, так и привести к дисфункции и снижению устойчивости социальной структуры.

Таким образом, не все принятые нормы, институализирующие поведение индивида в повседневной жизни, являются приемлемыми для исполнения и могут выражать протест в форме девиации, имеющей двойное значение: она может подвергнуть трансформации существующие нормы и одновременно способствует введению, развитию и апробации новых форм поведения (но только в том случае, если они отражают общее содержание интересов), что значительно расширяет нормативные границы повседневного бытия. По нашему мнению, повседневность в данном случае необходимо воспринимать как сложную самоинституализирующуюся и саморегулирующуюся систему, обладающую особыми внутренними установками, «правилами игры» (Норт), которые оказывают позитивное воздействие как на повседневную деятельность человека, так и на формальные установки общества. В связи с этим можно предположить, что *повседневные практики оказывают на развитие институциональности общества и изменение сущности институтов большее влияние, нежели воздействие со стороны власти*. Для создания результативно действующего института недостаточно одного нормативного акта – его эффективность подкрепляют (кроме повседневной практики) мотивационные предпосылки, заинтересованность субъектов в каждодневном поддержании норм, а также смысловой контекст сферы интеракций, типов взаимодействий субъектов.

Итак, можно резюмировать, что роль повседневности (несмотря на скептическое отношение к ней) в институализации социума велика: она выступает связующим институциональным звеном, присущим любому обществу, объединяет отдельные элементы человеческого бытия в одно целое и отражает любые, даже незначительные изменения в ее нормировании. В связи с этим повседневность обнаруживает себя при любых условиях существования человека и независимо от исторической эпохи способствует формированию норм поведения, установок общественного бытия, не просто обеспечивающих каждодневное существование человека, но и регулирующих межличностные и социально-культурные отношения.

Библиографический список

1. *Кирдина С.Г.* Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: // http://www.kgau.ru/distance/resources/alex/bib/2002_7-12/Kirdina.doc
2. *Радаев В.В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV, № 3.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. URL: // <http://biblioteka.kau.com.ua/index.php?option=com>
4. *Давидович В.Е., Золотухина-Аболлина Е.В.* Повседневность и идеология // Философские науки. 2004. № 3.
5. *Дроздова А.В.* Трансформация повседневных практик человека: от текста к визуальному образу. URL: // <http://www.teoria-practica.ru/-10-2012/culture/drozdova.pdf>

6. Рыбалка Е.А. Пространственное бытие личности: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2010. URL: // <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a209.php>
7. Фролова С.М. Институциональные основы повседневности // Вестник ПАГС. 2012. № 4 (33). С. 113–120.
8. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1998. № 4.
9. Шюц А. Возвращающийся домой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
10. Hamilton W. Institution // Encyclopedia of Social Sciences. New York, 1932. Vol. VIII.
11. Философская энциклопедия. URL: // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy
12. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // И.В. Киреевский. Критика и эстетика. М., 1979.
13. Бергер П., Бергер Б. Личностно-ориентированная социология. М., 2004.
14. Durchein E. The Division of Labor in Society. New York, 1947.
15. Мертон Э. Связи теории социальной структуры и аномии // Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

T.I. Bugrova
The Transformation
of the Principle of Determinism
in Philosophy and Science

The principle of determinism in the philosophical and scientific knowledge, its development and transformation are considered. The comprehension of causality within the frameworks of postnonclassical paradigm is analyzed.

Key words and word-combinations: determinism, cause and effect, the system.

Рассматривается принцип детерминизма в философском и научном знании, его развитие и трансформация. Анализируется понимание каузальности в рамках постнеклассической парадигмы.

Ключевые слова и словосочетания: детерминизм, причина и следствие, система.

УДК 11/12
ББК 87.21

Т.И. Бугрова

ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПРИНЦИПА
ДЕТЕРМИНИЗМА
В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Принцип детерминизма в философском и научном знании всегда занимал одну из определяющих позиций. В его основе лежит утверждение, согласно которому весь мир является упорядоченным целым, обладающим четкими связями, устойчивостью и единством. Бытие неизменно обусловлено причинно-следственными зависимостями, которые и позволяют, собственно, говорить о нем и делать определенные выводы. Причина всегда порождает следствие, и, соответственно, зная последнее, можно обнаружить и его истоки.

В современной науке само понимание детерминизма претерпело существенную трансформацию, что определяет необходи-

мость переосмысления данного принципа с позиции философии и обнаружения нового смыслового содержания категории детерминизма.

Основание классического понимания детерминизма можно обнаружить уже у Демокрита, который утверждает, что ничего не происходит без соответствующей тому причины. Это дает начало рационалистическому детерминизму в противовес детерминизму мифологическому, обладающему некой сакральной универсальностью и связью всего со всем, и, соответственно, не предполагающему даже самой возможности истинного понимания причин всего происходящего.

Философский и научный детерминизм рассматривает явление как результат действия каких-либо причин, выступающих непосредственным источником его возникновения, а само явление может одновременно расцениваться и как причина других явлений. При этом, в зависимости от воззрений на мировое устройство, занимаются различные философские позиции (одни ученые склоняются к «естественным» причинам существования мира, другие сводят его к Богу, Абсолюту, Мировому Разуму и т.д.). Однако, даже несмотря на то что Бог трансцендентен миру и, соответственно, находится вне детерминистических принципов, созданный им мир все же с необходимостью подчиняется законам причинно-следственных зависимостей.

Более того, причинно-следственная зависимость обуславливает саму возможность мышления, что, с точки зрения тождества мышления и бытия, которую разделяет, к примеру, Парменид [1], означает также и глобальное, бытийственное значение детерминистических законов: они определяют саму возможность бытия. В религиозном мировоззрении, однако, имеется понятие чуда, на первый взгляд не подчиняющееся привычным представлениям о причине и следствии. Но даже ему человек отказывает в отсутствии детерминизма: чудо происходит по вполне определенным причинам и с вполне определенной целью, просто это недоступно человеческому пониманию.

Совершенно абстрагироваться от детерминистического видения мира невозможно. Даже, казалось бы, оппозиционная детерминизму концепция индетерминизма полностью его не отвергает. Индетерминизм, как правило, подвергает критике какую-либо составляющую детерминистического представления о мире: например, отрицает всеобщность детерминизма. Чаше индетерминизм отрицает объективный характер связей и причинности применительно к общественным процессам и проблеме свободы выбора. Такую позицию можно наблюдать, например, у Канта: у него природа – сфера деятельности жестких связей, а поведение человека – свободы выбора.

Так или иначе индетерминистическая позиция проявляется в вопросах свободы человека – свободы выбора, свободы волеизъявления. В качестве примера можно привести экзистенциализм Ж.-П. Сартра и К. Ясперса, а также идею об Ungrund – темной бездне бытия – источнике свободы человека – у Н.А. Бердяева.

Причинно-следственные зависимости являются необходимым основанием непрерывности мышления, развития, бытия. Они определяют цепь событий, происходящих с каждым конкретным человеком в частности и в мире в целом, обуславливая одновременно преемственность и изменения. Развитие в принци-

пе невозможно в отсутствие причинно-следственных зависимостей, как невозможно и движение.

В отличие от индетерминистических концепций, не характеризующихся крайностями, детерминизм в процессе развития классической науки и философии имел тенденцию к расширению и ужесточению своих позиций, что привело к утверждению крайней формы детерминизма – так называемому «лапласовскому детерминизму», названному по имени его наиболее известного и авторитетного сторонника П.-С. Лапласа.

Детерминизм Лапласа предполагает бытие, подчиняющееся общим законам причинно-следственных зависимостей, что фактически означает принципиальную определенность как прошлого, так и будущего. Каждый отрезок времени является материалом для конструирования прошлой и будущей реальности. Это означает, что, если допустить возможность исчерпывающего знания о состоянии мира в данный момент («демон Лапласа»), то можно определить его состояние и в любой последующий [2].

Детерминизм Лапласа, по сути, стал отражением господствующей в науке в тот период механики Ньютона, и его основные характеристики основываются на конкретных, актуальных времени его появления воззрениях и потребностях.

Для лапласовского детерминизма характерны следующие черты:

- абсолютизация причинно-следственных связей: бытие во всем его многообразии с необходимостью подчиняется причинно-следственным зависимостям;
- монокаузальность: следствие порождается только одной причиной;
- отрицание случайности;
- понимание свободы как познанной необходимости.

Следует отметить, что отрицание случайности не означает неправомочности употребления данного термина, а свидетельствует лишь об изменении его толкования: случайность, с позиции лапласовского детерминизма, следует понимать лишь как следствие, причины которого на данный момент неизвестны. Понятие свободы воли в таком рассмотрении детерминизма полностью нивелируется: поступки человека, проявления его психики заранее предопределены и однозначно обусловлены предшествующим моментом.

Детерминизм Лапласа – замкнутый круг, пресекающий не только попытки своего преодоления, но и даже помыслы об этом. Неизбежным следствием из подобного рассмотрения бытия является крайний фатализм. Это же определило его полное опровержение, что в случае философских систем событие довольно редкое.

В классической науке преобладал строго детерминистический стиль мышления. Науке было присуще стремление все происходящее подчинить точным и определенным, не допускающим никаких сомнений законам. При этом многие моменты, вносящие некоторую неоднозначность, старательно избегались. «Эта жестко детерминистическая картина мира – так называемый лапласовский детерминизм – осознается с современной точки зрения как чрезмерно упрощенная теоретическая схема, в которой из рассмотрения исключается ряд важных параметров, и в первую очередь время и случайность» [3, с. 29].

Неверное понимание таких феноменов, как хаос, случайность, неустойчи-

вость и т.п., вследствие все еще не преодоленного влияния классической науки, приводит к осознанию их как крайне отрицательных явлений: с точки зрения классического мышления они есть «нечто негативное, разрушительное, сбивающее с пути, с правильной траектории» [3, с. 30].

Все происходящее в мире, согласно классической науке, по сути обратимо во времени, прогнозируемо, благодаря жестким причинно-следственным связям, на бесконечно долгий промежуток времени в будущее. Существует четкая временная зависимость, опять-таки вследствие жестких причинно-следственных связей, когда данный момент (настоящее) целиком и полностью определяется уже произошедшим, а то, что еще должно произойти, определяется прошлым и настоящим в совокупности.

Однако возрастающий интерес к понятию вероятности предопределил переход к новому, неклассическому типу мышления, который можно обозначить как вероятностный. Наконец с появлением квантовой механики произошел окончательный переход к совершенно новой концепции на устройство мира, во многом противоположной прежней, но не менее категоричной.

Категория случайности стала признанным научным фактом. Однако отвержение старого, как это часто и происходит, привело науку к очередной крайности: статистика стала приобретать решающее значение. Очевидно, что развитие новых областей знания, возникновение иных научных направлений привело и к новому повороту в науке. «Интенсивное развитие системных исследований и кибернетики, происходившее в последние десятилетия, ведет к очередному изменению в стиле научного мышления. Новый системный стиль мышления не отменяет вероятностное видение мира, но дополняет его такими важнейшими элементами, как сложность, системность, целенаправленность» [3, с. 30].

Согласно позициям классического детерминизма предстает вполне четкая и определенная картина. Причина порождает следствие, которое, в свою очередь, становясь новой причиной, порождает следующее следствие. Понятие случайности отодвигается на задний план как несущественное. Случайность не является объяснимой, закономерной, а значит, не стоит уделять ей много внимания. Однако в реальности такая ровная цепь событий скорее исключение, а не правило. Одна причина может породить как минимум несколько следствий.

Теоретически можно определить состояние системы в любой момент, если знать ее начальное состояние, однако практически это невозможно сделать с абсолютной точностью. Состояние системы в какой-либо промежуток времени до конца всегда остается загадкой. Когда речь идет о нелинейности, нельзя ничего утверждать с абсолютной точностью. Самая минимальная погрешность в предположениях о начальном состоянии означает фактически весьма существенные расхождения с прогнозом уже через довольно малый промежуток времени. Эта чувствительная зависимость нелинейных систем от начальных условий (мультистабильность) является одним из основных факторов, характеризующих поведение системы. Система обладает некоторым числом возможных вариантов дальнейшего продолжения своей жизни, и, какой из них актуализируется, предсказать невозможно. Более того, эти возможности множатся с каждым предполагаемым решением, поэтому теоретически их число приближается к бесконечности.

Таким образом, можно сделать вывод, что нелинейные системы в синергетике не обладают четким и понятным путем развития; здесь уместнее говорить о как минимум нескольких возможных вариантах дальнейшего продолжения развития систем и даже о поливариантности. Непредсказуемость поведения системы делает поливариантность не просто возможной, а закономерной.

Принцип детерминизма в рамках синергетического мировидения предлагает новые возможности научного познания. В частности, особенности системного подхода определяют его гибкое применение, в отличие от классического. Причинно-следственная зависимость в условиях нелинейных систем оказывается тесно связанной с категорией случайности. Чем сложнее система, тем более вероятно проявление случайного ее поведения и перехода к хаотическому режиму. В качестве примера можно привести социальные системы, являющиеся максимально сложными фрактальными структурами, что определяет и максимальную сложность прогнозирования их поведения. В условиях развивающегося информационного общества и нарастающей тенденции к глобализации необходимо понимать, что социальные системы становятся все более масштабными, виртуализуются и фрактализуются.

Понимание общества в сравнении с еще совсем недавним прошлым претерпело существенные изменения. Следует учитывать тот факт, что пути развития современного общества, в силу его масштабности и пространственной сложности, представляют собой не просто веер возможностей, а вероятностное поле, состояние которого можно охарактеризовать как очень неустойчивое и сложнопрогнозируемое. Причинно-следственная зависимость, являющаяся в рамках нелинейности фрактальной структурой, в случае социальных образований представляет собой бесконечно сложную подвижную сеть, постоянно меняющую свою структуру. Исследование такого рода систем сталкивается с проблемой несоответствия части лишь одному целому, что ставит под сомнение саму методологию изучения. Даже минимально допустимый объект социального исследования – человек – представляет собой комплекс различных характеристик, социальных ролей и т.д., что практически превращает любое статистическое исследование в условное.

Выборка для социологического исследования даже по большому числу признаков не может учесть все возможные характеристики, влияющие на поведение индивида в частности и общества в целом. Любая социальная группа пересекается со множеством других социальных групп, что не позволяет изучить некое замкнутое целое и получить максимально верные данные о нем. Открытость нелинейной системы, в том числе и социальной, определяет ее постоянное движение, видоизменение, трансформацию, что свидетельствует о необходимости изучения процесса, а не феномена.

Информация, превращаясь в основной ресурс, определяет постоянное и неуклонное изменение основного базового элемента общественной жизни – индивидуального мышления. Общественное сознание, несмотря на свою упрощенность в сравнении с сознанием индивидуальным, складывается из переменных величин, что определяет и его изменения в целом. Мультистабильность

нелинейных систем, их балансирующее состояние, сложность изучения, предопределяют необходимость разработки новой методологии изучения. Более того, изучение общества и его поведения представляется возможно максимально эффективным именно посредством выведения его из состояния стабильности. Разработка факторов, способных привести к дестабилизации общественного сознания, как минимум провокации общественного интереса к определенной информации и налаживание механизма управления, позволит в будущем определить и сами принципы развития, и поведение таких сложных нелинейных систем, как социальные.

В современной научной парадигме принцип детерминизма фактически трансформирован если не в противоположность самому себе, то в парадоксальное единство хаоса и порядка. Первоначально «линейный» смысл данного принципа в нелинейной Вселенной превратился лишь в некую «форму закономерности», выраженную в феномене детерминированного хаоса. Тесная взаимосвязь детерминизма в рамках нелинейности с феноменами фрактальности и виртуальности позволяет охарактеризовать причинно-следственные связи как условные, непредсказуемые, нестабильные зависимости, определяемые порой чрезвычайно малыми флуктуациями и в совокупности представляющие собой сложное вероятностное поле, существующее и развивающееся по законам виртуальности и фрактальной геометрии.

Библиографический список

1. Парменид. О природе // Эллинские поэты VIII—III вв. до н.э. М., 1999.
2. Лаплас П.-С. Опыт философии теории вероятностей // Вероятность и математическая статистика: энциклопедия / гл. ред. Ю.В. Прохоров. М., 1999.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М., 2005.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

O.Yu. Abakumov
The Spring Scientific Session
of the Student Scientific
Community and the Young
Scientists and Specialists
Council of Stolypin Volga Region
Institute of Administration

УДК 378
ББК 74.58

О.Ю. Абакумов

**ВЕСЕННЯЯ НАУЧНАЯ
СЕССИЯ
СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО
ОБЩЕСТВА И СОВЕТА
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
И СПЕЦИАЛИСТОВ
ПОВОЛЖСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА**

Для студентов, магистрантов, аспирантов Поволжского института управления весна традиционно становится временем подведения промежуточных итогов осваиваемых образовательных программ и презентации результатов научного поиска, тесно связанного с учебным процессом.

В 2013 г. научный сезон открылся 18 апреля. В этот день состоялась XI международная конференция студентов и аспирантов «Коммуникативные вызовы XXI века». В конференции приняли участие более ста докладчиков, в числе которых были студенты, магистранты, молодые преподаватели не только из Саратова, но и из Москвы, Словакии и Ирландии. Особенность конференции заключалась в том, что рабочими языками стали английский и немецкий, а поэто-

му для успешного выступления важно не просто хорошее владение языком, но и профессиональная компетентность, знание специальной лексики и умение вести дискуссию. Программа пленарного заседания включала в себя доклад доцента кафедры английского языка, заместителя председателя совета молодых ученых и специалистов института В. Уфаевой об особенностях переговорного процесса как в политической, так и в общесоциальной сфере. О специфике выстраивания коммуникативного пространства в учебном процессе рассказала преподаватель экономического университета г. Братиславы Беата Биликера. Способам структурирования коммуникативного пространства для осмысления и решения политических и экономических вызовов современности был посвящен доклад Лонга Мервина, построенный на примерах кризисного дискурса Ирландии.

Программа конференции предусматривала работу секций по следующим направлениям: политология, массовые коммуникации, кросс-культурная коммуникация, межкультурная коммуникация в бизнесе, лингвистика. Инициатор и главный организатор конференции, кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка Е.Ю. Стриганкова, подводя итоги конференции, отметила, что можно говорить уже о создании целой научной школы в рамках нашего вуза, основной целью которой является изучение проблем коммуникации в том социальном и политическом пространстве, которое сейчас доминирует не только локально, но и глобально, на уровне европейского и общемирового пространства.

25–26 апреля 2013 г. в институте состоялась международная научно-практическая конференция студентов, магистрантов и аспирантов «Наука XXI века: молодежное измерение».

В работе конференции приняли участие представители Университета имени Блеза Паскаля (г. Клермон-Ферран, Франция), Международного независимого университета Молдовы (г. Кишинев), Национального университета государственной службы (Венгрия, г. Будапешт), Экономического университета (г. Братислава), Московского государственного областного университета (МГОУ), Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, Уральского государственного педагогического университета, Тувинского государственного университета, Северо-Кавказского института – филиала РАНХиГС (г. Пятигорск), Южно-Российского института – филиала РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону), а также представители вузов Саратова.

Оргкомитет конференции сформировал программу таким образом, чтобы на пленарном заседании прозвучали разноплановые доклады, отражающие многопрофильность образовательного процесса института.

Студент-политолог А.И. Талмач акцентировал внимание на особенности евразийской интеграции на постсоветском пространстве. Анализируя отличительные черты институциональной структуры ЕврАзЭС, докладчик отметил, что отсутствие единой правовой и институциональной базы ставит под сомнение успешность интеграционных процессов; последовательность интеграционных

шагов в ЕврАзЭС не соответствует классической схеме экономической интеграции: зона свободной торговли (ЗСТ), Таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз; особенностью институциональной структуры ЕврАзЭС является ее слабость, что выражается в принятии решений на основе консенсуса и исключительно на высшем уровне, в отсутствии органа, способного выражать общие интересы сообщества. Исходя из данных проблем, докладчик предложил практические рекомендации по совершенствованию институционального механизма сообщества.

Студентка пятого курса специальности «Государственное и муниципальное управление» А.М. Абелькариева свой доклад посвятила современной практике государственного регулирования предпринимательской деятельности в России и США. Обе страны ведут работу по созданию благоприятных условий для развития предпринимательства, в том числе посредством налаживания партнерства государства и бизнеса, в котором обе стороны проявляют готовность к конструктивному диалогу для повышения эффективности вводимых регулятивных решений. Докладчик отметила, что механизмом, обеспечивающим этот процесс, должна стать оценка регулирующего воздействия, направленная на обнаружение отрицательных последствий вводимых регулятивных актов на экономику государства (в том числе на состояние бизнес-среды). Проанализировав практику применения оценки регулирующего воздействия в США, А.М. Абелькариева отметила, что Россия пока еще не готова к полномасштабному ее использованию, поскольку институт ОРВ уверенно закрепился только на федеральном уровне, на региональном – частично, на местном – отсутствует вовсе.

Студентка третьего курса направления подготовки «Конфликтология» С.С. Мальха представила на обсуждение участников конференции доклад «Образование как фактор развития духовной сферы современного российского общества», в котором рассматриваются проблемы оценки и рефлексии россиян по поводу советского и постсоветского образования, его структуры, качества. С большим интересом был заслушан доклад магистранта Университета имени Блеза Паскаля (г. Клермон-Ферран, Франция) Жульена Дюмонтъе «Восприятие России во Франции». Докладчик показал механизм формирования негативного образа России в ряде французских средств массовой информации, ориентированных на поддержку политики США. Студенты М.Е. Шестаков и Я.А. Ерошенко обратились к изучению представлений современных студентов о деятельности М.М. Сперанского и А.А. Аракчеева, отметив многочисленные стереотипы, мифы и аберрации, искажающие реальный вклад этих выдающихся государственных деятелей в российскую историю.

После окончания пленарного заседания работа конференции продолжилась в 23 секциях: «Современные тенденции развития государственного и муниципального управления», «Совершенствование социально-психологической компетенции будущего государственного служащего», «Молодые ученые о современных тенденциях управления персоналом», «Социальное государство: современные научные представления», «Роль молодежи в становлении социального и правового государства», «Идентичность молодежи XXI века: полити-

ческое измерение», «Патриотизм и национальное самосознание молодежи в условиях меняющегося мира», «Тенденции развития современного законодательства в России: проблемы и перспективы», «Правовые основы противодействия коррупции на государственной службе», «Правовой нигилизм: мировоззренческие основания и пути преодоления», «Частное право в XXI веке: проблемы и перспективы развития», «Резервы устойчивого экономического роста», «Приоритеты развития финансово-налоговой системы России: взгляд молодых ученых», «Бухгалтерский учет XXI века: состояние, проблемы и перспективы», «Развитие предприятий (организаций) в условиях глобальной трансформации экономических систем», «Маркетинговое обеспечение конкурентоспособности: предприятие, регион, страна», «Тенденции развития стратегического и операционного менеджмента в современных организациях», «Первые шаги в науку», «Здоровый образ жизни – выбор современных студентов», «Власть, общество, личность (к 400-летию воцарения династии Романовых)», «Образ России в поликультурном мире», «Управление документацией как форма профессиональной деятельности», «Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении и в сфере бизнеса». Была организована работа круглых столов «Современный взгляд молодежи на практические аспекты бухгалтерского учета», «Организационно-правовые основы социального обеспечения в Российской Федерации: современное состояние, перспективы развития», «Современные направления развития земельно-имущественных отношений в России».

Одновременно проходили конкурс проектов «PR и реклама в поле социального взаимодействия», деловая игра «Рынок», мастер-классы «Инструменты власти и стиля управления в работе менеджера организации» и «Город в медийном пространстве», заседание дискуссионного клуба «Идентичность современной научной молодежи». Всего на конференции было заслушано 560 докладов.

По итогам конференции авторы лучших докладов награждены почетными грамотами и благодарственными письмами директора института; за активное участие в научно-исследовательской работе ценные подарки (электронные книги) получили М.Е. Шестаков, К.И. Ильина, А.И. Талмач.

15 мая 2013 г. в Поволжском институте управления была проведена научно-практическая конференция студентов, магистрантов и аспирантов «Молодежь как субъект межнациональных отношений в российском обществе».

Пленарное заседание открылось в конгресс-холле. В нем приняли участие директор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина профессор, доктор исторических наук Д.Ф. Аяцков; начальник ГУ МВД России по Саратовской области, генерал-лейтенант полиции С.П. Аренин; министр – председатель комитета общественных связей и национальной политики Саратовской области Б.Л. Шинчук; начальник отдела по противодействию экстремизму в молодежной среде, экстремистским организациям и объединениям Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Саратовской области подполковник полиции С.В. Скородумов; заместитель директора По-

волжского института управления имени П.А. Столыпина, заведующий кафедрой политических наук доктор политических наук, профессор Т.Н. Митрохина; председатель совета молодых ученых и специалистов Поволжского института управления имени П.А. Столыпина С.А. Лавриненков; представители Саратовского регионального отделения Союза студенческих землячеств, Азербайджанского общества «Ватан», Узбекского культурного центра «Согдиана», Армянской общины «Крунк», Саратовского областного еврейского благотворительного центра «Хасдеи Ерушалаим», областной общественной азербайджанской организации «АРЗУ», Национального культурного центра закавказских народов «Кавказ», Саратовской областной общественной организации «Региональная татарская национально-культурной автономия Саратовской области», Саратовской областной общественной организации «Кореас», Саратовского областного центра казахской культуры «Казахстан», Туркменского национального культурного центра «Дияр», Курдской национально-культурной автономии Саратовской области, Курдского культурного центра «Загрос».

Вузы Саратова были представлены участниками конференции из Саратовской государственной юридической академии, Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. О своем участии в конференции в виде присланных работ заявили также докладчики из Университета Гедиз (г. Измир, Турция), Амурского государственного университета, Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, Балашовского института – филиала РАНХиГС.

Открылось пленарное заседание докладом начальника ГУ МВД России по Саратовской области Сергея Петровича Аренина о способах предотвращения межнациональных конфликтов в Саратовской области. Министр – председатель комитета общественных связей и национальной политики Саратовской области Борис Леонидович Шинчук выступил с докладом «Государственная национальная стратегия и вызовы единству российской нации», в котором подчеркнул актуальность укрепления единства российской нации.

Оживленную дискуссию вызвал совместный доклад доктора исторических наук, профессора Поволжского института управления имени П.А. Столыпина О.А. Лиценбергер и студента М.Е. Шестакова «Межнациональная ситуация в Саратовской области в восприятии молодежи». Молодежь привлекла внимание исследователей, потому что в этом возрасте не только активно складывается этническое самосознание, но и происходит формирование этнических стереотипов, обобщенных устойчивых образов этнических групп, регулирующих восприятие их представителей. Результаты социологических исследований авторов доклада зафиксировали наличие «конфликтного потенциала» в сознании молодежи, требующего осуществления практических шагов по преодолению межэтнической разобщенности и этнофобий.

В заседании круглого стола «Укрепление единства и духовной общности многонационального народа Российской Федерации» приняли участие министр – председатель комитета общественных связей и национальной по-

литики Саратовской области Б.Л. Шинчук, начальник отдела по противодействию экстремизму в молодежной среде, экстремистским организациям и объединениям Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Саратовской области подполковник полиции С.В. Скородумов, преподаватели Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, лидеры национальных организаций, студенты. Модератором круглого стола выступила Т.Н. Митрохина.

Участники круглого стола «Мы разные, мы вместе?!», модератором которого стал доктор политических наук, профессор Э.В. Чекмарев, обсудили вопросы формирования толерантности и взаимоуважения в межнациональной среде, общих ценностей молодежи, национальной идентичности.

Участники фокус-группы «Роль СМИ в формировании межэтнической толерантности молодежи в поликультурном регионе» обсуждали социальные последствия миграции и освещение СМИ проблем мигрантов. Повышенный интерес участников вызвало обсуждение проблем формирования межэтнической толерантности. Модератором группы выступила доктор философских наук, профессор Н.Б. Зазаева.

На секции «Межнациональные отношения: ключевые проблемы и управленческие решения» обсуждались вопросы межнационального конфликта, профессиональной терпимости молодежи, вопросы толерантности и мультикультурализма в современной России. Председателем секции был кандидат исторических наук, профессор А.В. Амбарян.

В рамках секции «Проблемы формирования политической идентичности современной российской молодежи» участники обсудили важные молодежные проблемы современной России, национальную политику государства, демографическую политику, механизмы формирования идентичности. Вел работу секции кандидат политических наук, доцент В.В. Семенов.

В рамках дискуссионного клуба «Трибуна» участники обсудили вопросы формирования гражданской идентичности современной молодежи, роли патриотического воспитания как условия формирования гражданской идентичности. Руководил работой клуба студент третьего курса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина А.И. Талмач.

Всего на конференции вниманию участников было представлено более сорока докладов.

Подробнее с выступлениями участников конференции можно ознакомиться в сборниках научных статей, которые в ближайшее время будут изданы.

T.N. Mitrokhina
Book Review:
Ayatskov D.F., Gerasimova V.V.,
Titaev V.N. Rural Areas
Sustainable Development
Management: Tutorial. – Saratov:
Stolypin Volga Region Institute
of Administration, 2013. –
Part I. – 156pp.

УДК 352/353
ББК 66.3(0),123

Т.Н. Митрохина

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Аяцков Д.Ф., Герасимова В.В.,
Титаев В.Н. Управление
устойчивым развитием
сельских территорий:
учеб. пособие. – Саратов:
Поволжский институт
управления
им. П.А. Столыпина, 2013. –
Ч. 1. – 156 с.**

Коллектив авторов издания хорошо известен в научном мире своими исследованиями в сфере различных аспектов управленческой деятельности, а также в области изучения проблем развития сельских территорий и управления этим процессом.

Проблемы, рассмотренные авторами, как никогда актуальны для современной России. По самым оптимистическим прогнозам, численность населения российской деревни в ближайшие годы будет снижаться в силу различных причин – вполне объективного процесса урбанизации, менее объективных процессов ухудшения качества жизни на селе по сравнению с городскими условиями. Процессы оттока жителей сельской местности из мест проживания продолжаются и по причинам экономического кризиса, не позволяющего развиваться и конкурировать фермерским хозяйствам, размещенным в сельской местности, и по причине отсутствия достойной государственной поддержки отечественного сельскохозяйственного производителя.

Причин множество, однако проблема на протяжении длительного времени остается нерешенной. При этом сельские территории

в любом государстве выполняют важнейшую функцию производства продуктов питания, удовлетворяют потребности городов и промышленных центров в пополнении трудового ресурса, создают условия для занятости городского населения посредством привлечения к переработке и реализации продуктов питания, способствуют сохранению и улучшению потенциала живой природы, обеспечивают социально-экономический контроль над обширными малозаселенными территориями России.

Учеными предложено собственное видение решения проблем сельских территорий посредством включения управленческих механизмов местного самоуправления и эффективного использования его управленческого потенциала. Авторский подход привлекает внимание и с точки зрения подхода к управлению устойчивым развитием сельскими территориями. Само понятие «устойчивого развития» чего бы то ни было является дискуссионным и трактуется весьма разнообразно. Однако авторами систематизированы многообразные подходы к определению данного понятия, и дана собственная трактовка его как «совокупности положительных тенденций развития социально-экономических, демографических процессов, происходящих в сельской местности при сохранении природно-ресурсного потенциала».

Вызывает интерес методология общественного воспроизводства, на основе которой авторы анализируют проблемы в органической связи и взаимообусловленности различных факторов – от глобальных (динамично меняющаяся система мирового хозяйства, международное разделение труда, вхождение страны в интеграционные группировки, международные союзы, ассоциации, торговые организации) до внутренних (преобразование плановой экономики в рыночную). И те и другие проблемы в комплексе усложнили развитие сельских территорий в России настолько, что к 2000 г. выпуск продукции, например в отрасли сельскохозяйственного машиностроения, сократился в 13 раз, а по машинам и оборудованию для животноводства и кормопроизводства – в 38 раз. Авторами приводятся и другие, не менее тревожные, статистические характеристики. В наибольшей степени пострадали высокотехнологичные отрасли. В целом воспроизводственный процесс авторами характеризуется как разбалансированный по фазам и противоречивый непосредственно внутри фаз. Устойчивость развития сельских территорий неизбежно связана со спецификой природно-климатических условий.

Авторы уделяют должное внимание советскому опыту управления развитием сельских территорий, давая сравнительную характеристику территориально-отраслевому и программно-целевому методам управления социально-экономическими процессами.

Заслуживает внимания и обращение авторов к историческому опыту – задачам, которые ставились при реализации Столыпинской аграрной реформы. Реформатор делал ставку на формирование крепкого хозяйства как основы устойчивого развития сельских территорий. С позицией П.А. Столыпина удивительным образом перекликаются установки В.В. Путина, считающего, что необходимо сделать все возможное, чтобы земли сельскохозяйственного значения использовались исключительно для ведения сельхозработ, а не в целях перепродажи.

С сожалением авторы констатируют, что начатая в 1990-х годах аграрная реформа все еще далека от своего завершения по причинам отсутствия концептуального оформления реформы, доминирования политических мотивов изменения собственности на землю над социальными и экономическими, отсутствия механизмов использования основного средства производства в сельском хозяйстве – земли.

Определившись с базовыми понятиями, категориями и тенденциями в сфере развития сельских территорий, авторы осуществляют переход к анализу экономической ситуации в муниципалитетах страны и Саратовской области. В состав Саратовской области входят 355 сельских поселений; 660 тысяч человек по данным на 2010 г., проживают в сельской местности. При этом численность населения сельских территорий имеет постоянную тенденцию к снижению на фоне сложной демографической ситуации в Саратовской области в целом. Более того, стихийно сокращается количество населенных пунктов сельской местности, возрастает число деревень с численностью населения менее 10–20 человек.

Федеральной и региональной властью предприняты меры по улучшению ситуации в сельских территориях, однако остается нерешенными главные вопросы – обеспечение сельского населения постоянной работой, преобладание отдельных видов социальных гарантий сельским жителям, подменяющих комплексный подход к решению проблем сельских территорий. В целом авторы оценивают ситуацию в сельских территориях с помощью таких терминов, как «угроза социальной безопасности» и «отсутствие социальной устойчивости сельских территорий».

Характеризуя классификационные признаки муниципальных образований, предусмотренные Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также классификации, используемые в официальной статистике, авторы считают, что наиболее точной представляется классификация муниципальных образований по функциональному принципу, дополненная классификацией по территориально-отраслевому принципу. Такой подход позволил им распределить на типы муниципальные образования Саратовской области следующим образом: промышленные, агропромышленные, аграрные, сервисные. Данная типология позволяет, по мнению авторов, приблизить решение проблем устойчивости развития муниципальных образований с учетом специфики производственно-хозяйственной деятельности и их экономического потенциала.

Объединение урбанизированных и аграрных территорий может быть решением противоречий между размещением природных ресурсов и размещением производства, расселением населения и размещением рабочих мест, специализацией территории и ее комплексным развитием, интересами текущего развития и интересами будущих поколений. Формирование и становление муниципалитетов на базе агропромышленной интеграции протекает под влиянием совокупности внешних и внутренних факторов – экономических, факторов условий хозяйствования, финансовых, организационно-правовых, а также степени зрелости федеративных отношений и инновационной активности региона.

Авторы выявляют и анализируют общие и специфические противоречия

процесса создания муниципальных образований на основе агропромышленной интеграции. К общим противоречиям ими отнесены внутренние, присущие муниципальным образованиям; к специфическим – противоречия, возникшие в экономической системе конкретного исторического периода развития.

Муниципальное образование ученые анализируют как экономическую систему, характеризующуюся как общесистемными, так и специфическими свойствами, причем на ее устойчивое развитие оказывают влияние факторы объективной и субъективной природы. К объективным факторам они относят улучшение экономической базы муниципальных образований, конкурентные преимущества, инвестиционную привлекательность, а также эффективность и качество предоставляемых населению услуг. Субъективными факторами устойчивого развития муниципальных образований авторы считают базовую территориальную структуру управления муниципальным образованием: квалифицированный персонал, сформированность и стабильность местной элиты, рациональное распределение полномочий, обеспеченных финансовыми средствами, а также выбор алгоритма взаимодействия районных и поселенческих структур.

Несомненной практической значимостью обладает предложенная авторами методика определения социальной устойчивости и уровня экономического развития сельской территории. В основу методики заложены как социальные, так и политические показатели: уровень убытия населения сельской территории, характеризующего привлекательность этой территории для проживания, доля населения сельской территории с уровнем денежного дохода ниже прожиточного минимума, уровень общей безработицы населения сельской территории, доля населения сельского поселения, имеющего среднее образование, в возрастной группе от 18 до 60 лет, доля избирателей сельского поселения, проголосовавших на выборах за президента (кандидата от правящей партии), правящую партию от числа всех избирателей. Далее предложен комплекс экономических показателей устойчивого развития сельских территорий.

Авторская позиция заключается в том, что управление устойчивым развитием сельских территорий возможно лишь при условии эффективного функционирования органов местного самоуправления сельскими территориями, а также подкрепленности их функций и объема полномочий материальными, финансовыми, правовыми, кадровыми и иными ресурсами. В связи с этим исследование деятельности местного самоуправления требует самого пристального внимания, комплексного подхода к анализу содержания данной деятельности и объектов управления.

Таким образом, рецензируемая работа является коллективным трудом, имеющем высокую актуальность и безусловную теоретическую значимость. Однако особо стоит подчеркнуть и практическую направленность проведенного исследования. Результаты научного творчества коллектива авторов могут быть востребованы практикующими политиками, в чьих руках и находится судьба российского села.

В заключение авторы предполагают продолжить исследование по таким направлениям, как разработка стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на сельской территории, формиро-

вание системы управления на муниципальном уровне на базе сочетания стратегического, оперативного и тактического управления с использованием современных методов прогнозирования и моделирования. Решение этих безусловно актуальных вопросов будет рассматриваться во второй части учебного пособия «Управление устойчивым развитием сельских территорий».

We present the Theory
of Law Chair of Stolypin Volga
Region Institute of
Administration of the Russian
Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration

УДК 378:340.1
ББК 74.58+67.0

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
ТЕОРИИ ПРАВА**

***Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина –
филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ***

Если попытаться определить основные вехи, этапы развития кафедры теории права, то можно отметить, что она «проживает четвертую жизнь». В 1992 г. был создан цикл правовых дисциплин, переименованный в 1993 г. в кафедру правовых дисциплин. Возглавлял структуру доктор юридических наук, профессор Н.Т. Разгельдеев. В 1995 г. заведующим кафедрой становится кандидат юридических наук, доцент О.И. Цыбулевская. Она же продолжает руководить кафедрой после ее преобразования в кафедру теории права и правового регулирования хозяйственной деятельности, а позже – в кафедру теории права после «отпочкования» от нее кафедр трудового, земельного и экологического права (1996), конституционного права (1998), гражданского права (2001).

На протяжении двадцати лет своего су-

ществования кафедры была и остается «кузницей кадров», поставляющей высококвалифицированных специалистов не только для подразделений нашего института (доктор исторических наук, профессор заведующий кафедрой истории российской государственности и права О.А. Лиценбергер; кандидат юридических наук, доцент директор центра правового и медийного обеспечения, начальник юридического отдела О.А. Ляпина; доктор юридических наук, доцент заведующий кафедрой гражданского права и процесса Т.В. Милушева; кандидат юридических наук, доцент декан факультета второго высшего профессионального образования Т.Ю. Смолова), но и для других вузов страны.

Свой научный и творческий путь на кафедре начинали доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ декан юридического факультета СГУ Г.Н. Комкова; кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Поволжского юридического института (филиал, г. Саратов) Российской правовой академии Министерства юстиции РФ А.И. Зинченко; кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета Т.В. Касаева; кандидат политических наук, доцент заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Социального института (филиала) Российского государственного социального университета Е.А. Колярцева; доктор юридических наук, профессор Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск) О.В. Власова; кандидат юридических наук, доцент заместитель директора по учебной работе второго Тамбовского филиала РАНХиГС Н.К. Краснослободцева и другие. Многие годы трудилась на кафедре и продолжает с ней сотрудничать кандидат юридических наук, доцент заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии Т.И. Хмелева.

В 1992–1997 гг. на кафедре работал выдающийся ученый, внесший огромный вклад в возрождение криминологии, создание уголовно-исполнительного и развитие уголовного права, – профессор Иосиф Соломонович Ной. Он был автором оригинальных научных воззрений, многие из которых вначале вызвали непонимание и даже неприятие. И лишь спустя годы, а то и десятилетия они находили свое подтверждение во всех сферах научной деятельности, которой занимался И.С. Ной – в уголовном праве, уголовно-исполнительном праве, криминологии, а научная правота ученого становилась очевидной для всех. Это благодаря именно его научной и просветительской деятельности справедливость и гуманизм обрели в действующем УК РФ статус принципов уголовной ответственности; это при его участии были заложены основы действующего уголовно-исполнительного права; это он за десятилетия до принятия в 1992 г. Концепции судебной реформы в Российской Федерации выступал против отсутствия в стране оправдательных приговоров, отстаивая тем самым верховенство суда в правоохранительной деятельности. Наиболее же известной и значимой является его исследовательская деятельность по проблеме соотношения социального и биологического в личности преступника.

И.С. Ной – талантливый педагог, наставник студенческой молодежи. В разгар перестройки он живо воспринимал все новое, делился своими мыслями и впечатлениями со студентами. Примечательно, что именно И.С. Ной еще в 1992 г. к недоумению многих (а он всегда и во всем опережал время) предложил ходатайствовать перед руководством страны о присвоении Поволжской академии имени П.А. Столыпина, что и произошло десять лет спустя, в 2002 г. За несколько месяцев до смерти профессор И.С. Ной был представлен руководством ПАГС к почетному званию «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», которого он был вполне достоин, но которое, к сожалению, не присваивается посмертно.

Дело профессора продолжается в его учениках и последователях. Т.Г. Даурова – автор трех и соавтор четырех монографий, одна из авторов и научный редактор учебного пособия «Уголовное право: история и современность», получившего гриф УМС Приволжского федерального округа¹. Известна она и как популяризатор правовых знаний среди населения. Т.Г. Даурова плодотворно занимается научной, учебно-методической и воспитательной работой, проводит занятия в центре дополнительного профессионального образования.

Кафедра обладает мощным научным потенциалом. Широк диапазон научных интересов профессорско-преподавательского состава кафедры. Ведущие преподаватели кафедры являются авторами и соавторами авторитетных монографий².

Долгие годы с кафедрой тесно сотрудничает заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Н.И. Матузов. Находясь на переднем рубеже теоретико-правовой мысли, ученый исследует актуальные вопросы современного правоведения в тесной взаимосвязи с процессами и переменами (как позитивными, так и негативными), происходящими в стране. Труды ученого, многочисленные публикации в центральной прессе свидетельствуют о принципиальности и последовательности активной гражданской позиции

¹ См.: Уголовное право: история и современность (вопросы Общей части) / под ред. Т.Г. Дауровой. Саратов, 2009.

² См.: Даурова Т.Г. Азбука потребителя. Саратов, 2012; Становление гражданского общества в России: правовой аспект / под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов, 2005; Цыбулевская О.И., Власова О.В. Достоинство личности и гражданское общество. Саратов, 2008; Формирование правового государства в России: путь к справедливому обществу / О.И. Цыбулевская, С.С. Иванов, Т.В. Милушева. Саратов, 2008; Правотворчество органов власти в Российской Федерации: проблемы теории и практики / под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов, 2009; Даурова Т.Г. Правовые основы конкурентной политики России. Саратов, 2010; Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / под ред. Н.И. Матузова, О.И. Цыбулевской. Саратов, 2011; Милушева Т.В. Пределы деятельности государственной власти в России: вопросы теории и практики / под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов, 2011; Касаева Т.В. Государственные служащие в механизме современного Российского государства. Саратов, 2011; Халиулин В.Е. Согласование интересов субъектов права как предпосылка формирования гражданского общества в Российской Федерации. Саратов, 2011.

автора³. Эти качества он прививал и своим многочисленным ученикам, воспитавшим уже своих учеников, в том числе докторов наук.

Научно-исследовательская деятельность кафедры дополняется научными работами молодых ученых – будущих докторов юридических наук. Защищены кандидатские диссертации на темы: «Понимание права: интеграция подходов» (М.И. Юркина, 2005); «Правовое сознание несовершеннолетних: теоретико-правовой аспект» (Т.Ю. Смолова, 2006); «Согласование интересов субъектов права как предпосылка формирования гражданского общества в Российской Федерации» (В.Е. Халиулин, 2009); «Взаимодействие гражданского общества и правовой системы в условиях современного Российского государства» (П.А. Зеленский, 2010). Сегодня Зеленский – руководитель центра правовой помощи населению Поволжского института управления имени П.А. Столыпина и по совместительству заместитель заведующего кафедрой. Эстафету принимают начинающие теоретики-правоведы – более молодые преподаватели кафедры и аспиранты.

Научно-исследовательская работа на кафедре проводится по нескольким направлениям, соответствующим профилю вуза, отвечающим современному уровню развития юридической науки и практики.

Первое направление – *«Реформирование государственной власти: правовой аспект»* – непосредственным образом связано с изучением таких проблем, как роль государственных служащих в механизме Российского государства в условиях трансформации общества и проведения административной реформы; деформация правосознания государственных служащих (правовой нигилизм, бюрократизм, коррупция); ограничение власти; проблемы ответственности лиц, обладающих публичным правовым статусом, этика власти, и другие.

Результаты исследования темы нашли отражение в научных статьях преподавателей, в работах аспирантов и докторантов кафедры. Так, в 2012 г. Т.В. Милушева под руководством О.И. Цыбулевской успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование)». Преподаватели кафедры О.И. Цыбулевская, Т.В. Милушева, А.А. Коннов приняли участие в разработке проекта Федерального закона «О правовом регулировании лоббизма в России». В рамках данного направления 18 апреля 2012 г. кафедра подготовила и провела на базе Поволжского института управления им. П.А. Столыпина Всероссийский круглый стол «Публичная власть в России: проблемы реализации и ответственности», в работе которого активное участие приняли преподаватели кафедры (О.И. Цыбулевская, Т.В. Милушева, П.А. Зеленский, Н.К. Краснослободцева, И.Н. Протопопова, В.Е. Халиулин, Т.В. Величко, К.А. Ишеков, М.Л. Воронкова, Ю.А. Дунаева, Е.М. Кузьмина) и коллеги из СГУ им. Н.Г. Черны-

³ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003; Матузов Н.И., Ушанова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов, 2010.

шевского, Саратовского филиала Российской правовой академии, РГТЭУ, СГСЭУ, СГЮА. Обзор круглого стола опубликован в «Вестнике ПАГС»⁴.

Второе направление осуществлялось в рамках магистральной темы «Государство и гражданское общество: совершенствование правовых механизмов партнерства и взаимной ответственности» – «*Правовые основы становления гражданского общества в России*» (О.И. Цыбулевская, Т.Г. Даурова, М.И. Юркина, П.А. Зеленский, В.Е. Халиулин, Т.В. Величко, Ю.А. Дунаева). Преподаватели кафедры, проводящие исследования в данной области, принимают активное участие в научных конференциях, посвященных указанной тематике. Подготовлена к печати коллективная монография под редакцией О.И. Цыбулевской «Взаимодействие гражданского общества и государства: правовое измерение».

Третье направление посвящено исследованию *правовой политики Российской государственности на современном этапе*, проблеме, недостаточно изученной учеными-правоведами (О.И. Цыбулевская, Т.Г. Даурова, Т.В. Милушева, Н.К. Краснослободцева, Т.Ю. Смолова). Основной в данном направлении проходит тема нравственных основ правовой политики. В 2011 г. О.В. Власова под руководством О.И. Цыбулевской защитила докторскую диссертацию «Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование».

Уделяется внимание как теоретико-правовому аспекту проблемы, так и ее отдельным видам, в частности антикоррупционной правовой политике. Т.Г. Даурова, Т.В. Милушева читают лекции по данной проблеме для государственных и муниципальных служащих Саратовской области и других регионов.

Преподаватели кафедры участвуют в межвузовских, региональных и международных конференциях. Их статьи публикуются в таких центральных изданиях, как «Государство и право» «Правоведение», «Закон», «Хозяйство и право», «Право и политика», «Законность», «Законодательство и экономика», «Правовая политика и правовая жизнь», «Государственное и муниципальное управление».

Коллектив единомышленников, творческих, увлеченных своим делом профессионалов ищет новые способы передачи знаний студентам, пополняет учебные планы новыми современными учебными дисциплинами.

Правовые дисциплины студенты изучают по учебникам и учебным пособиям, знакомятся с научными трудами своих преподавателей⁵.

На кафедре впервые в России еще в 1992 г. студенты начали изучать курс «Антимонопольная политика и антимонопольное законодательство», сегодня – «Правовые основы конкурентной политики».

⁴ См.: Цыбулевская О.И. Публичная власть: проблемы ответственности и ограничений: межвузовский круглый стол, 18 апр. 2012 г. // Вестник ПАГС. 2012. № 3 (32).

⁵ См.: Теория государства и права: курс лекций / кол. авт. Саратов, 1995; М., 1997, 1999, 2001; Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Теория государства и права: краткий курс лекций. Саратов, 2002; Введение в публичное право / кол. авт.; под ред. Г.Н. Комковой. М., 1996. Ч. I; М., 1998. Ч. II; Правоведение: курс лекций / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов, 2004; Уголовное право: история и современность: вопросы Общей части / Т.Г. Даурова [и др.]. Саратов, 2009; Даурова Т.Г., Дунаева Ю.А. Конкурентная политика России: правовой аспект. Саратов, 2011.

Преподаватели кафедры активно занимаются грантовой деятельностью. Их проекты поддержаны различными фондами, в частности Российским фондом фундаментальных исследований. Проект на тему «Пределы деятельности публичной власти в современной России: теоретико-методологический аспект» (руководитель О.И. Цыбулевская) стал победителем основного конкурса Российского гуманитарного научного фонда 2013 г. Был поддержан и внутренний межкафедральный грант на тему «Механизм оптимизации правового обеспечения национальной системы технического регулирования и конкурентоспособности отечественных товаров в контексте вступления России в ВТО» (руководитель Т.Г. Даурова).

На кафедре царит доброжелательная творческая атмосфера. Во многом это зависит от заведующего кабинетом кафедры Н.В. Шалмышовой, ее профессионализма, умения найти общий язык с преподавателями и студентами.

Коллектив кафедры принимает участие в разработке нормативно-правовых актов различных уровней, а также привлекается к экспертной деятельности. Ведущие преподаватели тесно взаимодействуют с органами власти как федерального, так и регионального уровней. Так, Т.Г. Даурова является членом общественно-консультативного совета при Управлении ФАС России по Саратовской области и комиссии по вопросам кадров и государственной службы этого органа, экспертом по вопросам кадров и государственной службы Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Саратовской области; Т.В. Милушева – член конкурсной комиссии комитета по имуществу г. Саратова; О.И. Цыбулевская – член квалификационной коллегии судей Саратовской области; комиссии по приему экзаменов на право прохождения стажировки лицами, претендующими на должность нотариуса, лиц, желающих получить лицензию на право нотариальной деятельности.

Кафедра тесно и плодотворно взаимодействует с другими вузами системы РАНХиГС, вузами г. Саратова, России.

Кафедра теории права как структурное подразделение Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС имеет перспективы развития в будущем, возможности для их успешной реализации, чему должны способствовать накопленный опыт, творческий и научный потенциал коллектива кафедры.

*Цыбулевская О.И., доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
заведующий кафедрой теории права*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: abakumovoy@mail.ru

Безвиконная Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения, государственного и муниципального управления Омского государственного педагогического университета
e-mail: bezvikonnaja@rambler.ru

Богомолов Михаил Валерьевич – аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: m-bogomolov@list.ru

Бугрова Татьяна Ивановна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: tatyanabugrova@mail.ru

Вершицкая Галина Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: vershickaya@yandex.ru

Голобородько Андрей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, начальник управления международного сотрудничества Ростовского государственного университета путей сообщения
e-mail: agoloborodko@rgups.ru

Дьяконов Алексей Андреевич – кандидат экономических наук, преподаватель кафедры региональной экономики и управления Вятского государственного университета
e-mail: daamln82@mail.ru

Ильичев Александр Борисович – соискатель кафедры истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: kafhistory@pags.ru

Калугин Рафаэль Анатольевич – аспирант кафедры национальной и региональной экономики Саратовского государственного социально-экономического университета

e-mail: kaluginraf@gmail.com

Кривачук Людмила Федоровна – кандидат наук государственного управления, доцент, ученый секретарь Львовской государственной финансовой академии

e-mail: kryvachuk@ukr.net

Логвин Дмитрий Дмитриевич – старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита второго Тамбовского филиала РАНХиГС при Президенте РФ

e-mail: ldd@list.ru

Маслова Яна Юрьевна – аспирант кафедры управления персоналом Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

e-mail: divinitas20@gmail.com

Митрохина Татьяна Николаевна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, заместитель директора Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

e-mail: kafpolitology@pags.ru

Сазонов Сергей Васильевич – соискатель кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, начальник юридического отдела Думы городского округа Сызрань Самарской области

e-mail: ssergey63@rambler.ru

Сазонова Дарья Владимировна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

e-mail: Lizard999@inbox.ru

Соколов Андрей Геннадиевич – ассистент кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

e-mail: acefalcon@yandex.ru

Тепалева Алиса Искандаровна – аспирант кафедры эндокринологии Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского

e-mail: tepaeva@mail.ru

Товканец Анна Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Мукачевского государственного университета, Украина

e-mail: tovkaneec@rambler.ru

Тугова Олеся Валерьевна – магистрант кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: olesya.tugova@gmail.com

Федорова Анна Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Фролова Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Хорольцева Елена Борисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: horolceva-e@mail.ru

Цыбулевская Ольга Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: olga77.54@mail.ru

Чашкин Павел Алексеевич – преподаватель кафедры огневой подготовки Саратовского военного института внутренних войск МВД России, соискатель кафедры психологии Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
e-mail: chashkinpa@yandex.ru

Яковлев Алексей Евгеньевич – магистрант кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: jakowleff@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Yurievich Abakumov – Candidate of Science (History), docent of the History of Russian Statehood and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: abakumovoy@mail.ru

Elena Vladimirovna Bezikonnaya – Candidate of Science (History), docent of the Legal Studies and Public Administration Chair, Omsk State Pedagogical University

e-mail: bezvikonnaja@rambler.ru

Mikhail Valerievich Bogomolov – post-graduate student of the Civil Law and Process Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: m-bogomolov@list.ru

Tatiana Ivanovna Bugrova – post-graduate student of the Theoretical and Social Philosophy Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: tatyanabugrova@mail.ru

Galina Valentinovna Vershitskaya – Candidate of Sciences (law), docent of the Administrative and Criminal Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: vershickaya@yandex.ru

Andrey Yurievich Goloborodko – Candidate of Sciences (Philology), docent, head of International Cooperation Department, Rostov State Transport University

e-mail: agoloborodko@rgups.ru

Aleksey Andreevich Dyakonov – Candidate of Sciences (Economy), lecturer of the Regional Economy and Management Chair, Vyatka State University

e-mail: daamln82@mail.ru

Aleksandr Borisovich Ilyichev – competitor of the History of Russian Statehood and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kafhistory@pags.ru

150 2013 ● ВЕСТНИК ПАГС

Rafael Anatolievich Kalugin – post-graduate student of the National and Regional Economy Chair, Saratov State Social-Economic University
e-mail: kaluginraf@gmail.com

Lyudmila Fedorovna Krivachuk – Candidate of Sciences (Public Administration), docent, Scientific Secretary of the Lvov State Academy of Finance
e-mail: kryvachuk@ukr.net

Dmitry Dmitrievich Logvin – senior lecturer of the Accounting and Audit Chair, The Second Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ldd@list.ru

Yana Yurievna Maslova – post-graduate student of the Personnel Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: divinitas20@gmail.com

Tatiana Nikolaevna Mitrokhina – Doctor of Science (Politics), Professor, Head of the Politics Chair, Deputy Director of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafpolitology@pags.ru

Sergey Vasilievich Sazonov – competitor of the Constitutional and International Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Head of the Legal Department of the Syzran Municipal Duma of the Samara Region
e-mail: ssergey63@rambler.ru

Darya Vladimirovna Sazonova – post-graduate student of the State and Legal Disciplines Chair, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
e-mail: Lizard999@inbox.ru

Andrey Gennadievich Sokolov – assistant lecturer of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: acefalcon@yandex.ru

Alisa Iskyandyarovna Tepaeva – post-graduate student of the Endocrinology Chair, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky
e-mail: tepaeva@mail.ru

Anna Vasilievna Tovkanets – Candidate of Sciences (Pedagogies), docent of the Pedagogies Chair, Mukachevo State University, Ukraine
e-mail: tovkane@rambler.ru

Olesya Valerievna Tugova – candidate for Master's Degree of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: olesya.tugova@gmail.com

Anna Valeryevna Fedorova – Candidate of Sciences (Philosophy), docent of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Svetlana Mikhaylovna Frolova – Candidate of Sciences (Philosophy), docent of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail frolovasvetla777@yandex.ru

Elena Borisovna Khoroltseva – Candidate of Sciences (Philosophy), docent of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: horolceva-e@mail.ru

Olga Ivanovna Tsybulevskaya – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: olga77.54@mail.ru

Pavel Alekseevich Chashkin – lecturer of the Fire Training Chair, Saratov Military Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, competitor of the Psychology Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: chashkinpa@yandex.ru

Aleksey Evgenievich Yakovlev – candidate for Master's Degree of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: jakowleff@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Митрохина Т.Н.

Направления развития молодежной науки
в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина 4

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**
11

Соколов А.Г.

Кризисный дискурс
Либерально-демократической партии России 11

Яковлев А.Е.

Методология О. Розенштока-Хюсси в исследованиях
проактивной защиты пространства избирательной кампании 16

Тугова О.В.

Коммуникативные практики в процессе управления брендом 21

**ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ**
26

Кривачук Л.Ф.

Концептуальные подходы к формированию
и реализации государственной политики в сфере охраны детства
в Украине 26

Товканец А.В.

Активные формы и методы обучения
в образовательном процессе высшей школы Чехии и Словакии 33

**РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**
38

Голобородько А.Ю.

Имидж страны в мировом информационном пространстве:
к вопросу о «мягкой силе» влияния 38

Безвиконная Е.В.

Синергетическая парадигма
в моделировании политического процесса 44

Ильичев А.Б. Идеологические основания формирования российской многопартийности в начале 1990-х годов	51
---	----

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

58

Богомолов М.В. Институт судебного представительства в современном гражданском и арбитражном процессе	58
Сазонова Д.В. Роль юридической техники в правотворчестве органов государственной власти и местного самоуправления	62
Вершицкая Г.В. Использование проверочной закупки наркотиков для целей розыска и доказывания	67
Сазонов С.В. Правовые пути решения проблемы несанкционированных свалок бытовых отходов в индивидуальном жилом секторе	73

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

80

Чашкин П.А., Калугин Р.А. Информационная культура и инновационное развитие личности курсанта военного вуза	80
Тепеева А.И. Параметры качества жизни больных, страдающих избыточной массой тела и ожирением: возможности корректирующего воздействия	86

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

91

Дьяконов А.А. Методические инструменты разработки стратегии развития муниципального образования	91
Маслова Я.Ю. Видо-типологическая классификация подходов к оценке персонала	98
Логвин Д.Д. Сегментация и оценка отечественного рынка нанопродуктов	104

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

110

Хорольцева Е.Б., Федорова А.В. Исследование систем управления: методологический аспект	110
Фролова С.М. Институциональный подход в исследовании повседневности	118

Бугрова Т.И.

Трансформация принципа детерминизма
в философии и науке 125

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
131**

Абакумов О.Ю.

Весенняя научная сессия студенческого научного общества
и совета молодых ученых и специалистов
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина 131

Митрохина Т.Н.

Рецензия на книгу:
Аяцков Д.Ф., Герасимова В.В., Титаев В.Н.
Управление устойчивым развитием сельских территорий: учеб. пособие. –
Саратов: Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина,
2013. – Ч. 1. – 156 с. 137

Представляем кафедру теории права

**Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ 141**

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
147**

CONTENTS

Mitrokhina T.N. Lines of Development of Youth Science in Stolypin Volga Region Institute of Administration	4
---	---

PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA: YOUNG SCIENTISTS' VIEW

11

Sokolov A.G. Crisis Discourse of Liberal Democratic Party of Russia	11
Yakovlev A.E. E. Rosenstock-Huessy's Methodology in the Research of Proactive Defense of the Election Campaign Space	16
Tugova O.V. Communicative Practices in Brand Management	21

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

26

Krivachuk L.F. Conceptual Approaches to the Formation and Implementation of State Policy in the Field of Child Protection in Ukraine	26
Tovkanets G.V. Active Forms and Methods of Training in Educational Process of Czech Republic and Slovakia's Higher Education	33

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

38

Goloborodko A.Yu. The State Image in the Information Space Worldwide: on the "Soft Power" of Influence	38
Bezvikkonnaya E.V. Synergetic Paradigm in Political Process Modeling	44
Ilyichev A.B. Ideological Bases of the Russian Multiparty System Formation in the Beginning of 1990s	51

**LEGAL REGULATION
IN CONTEMPORARY RUSSIA**

58

Bogomolov M.V.

The Institution of Legal Representation in the Modern Civil
and Arbitral Litigation 58

Sazonova D.V.

The Role of the Legal Technique in Lawmaking
of State Power and Local Self-Government Bodies 62

Vershitskaya G.V.

Using a Test Buy of Drugs for the Purpose of Investigation and Evidence 67

Sazonov S.V.

Legal Ways to Address the Illegal Dumping of Household Waste
in the Individual Residential Sector 73

**SOCIAL POLICY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

80

Chashkin P.A., Kalugin R.A.

Information Culture and Innovation Development
of a Military Institute Cadet's Personality 80

Tepaeva A.I.

Life Quality Characteristics of Overweight
and Obese People: Correcting Possibilities 86

**SOCIAL-ECONOMIC
MODERNIZATION OF RUSSIA**

91

Dyakonov A.A.

Methodical Instruments of Municipality Development Strategy Elaboration 91

Maslova Ya.Yu.

Classification of Approaches to Personnel Assessment by Kinds and Types 98

Logvin D.D.

Segmentation and Evaluation of the Domestic Market of Nanoproducts 104

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

110

Khoroltseva E.B., Fedorova A.V.

Management Systems Research: Methodological Aspect 110

Frolova S.M.

The Institutional Approach in Daily Life Research 118

Bugrova T.I.

The Transformation of the Principle
of Determinism in Philosophy and Science 125

**REVIEWS.
SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE**

131

Abakumov O.Yu.

The Spring Scientific Session of the Student Scientific Community
and the Young Scientists and Specialists Council
of Stolypin Volga Region Institute of Administration 131

Mitrokhina T.N.

Book Review:

Ayatskov D.F., Gerasimova V.V., Titaev V.N.

Rural Areas Sustainable Development Management: Tutorial. – Saratov:

Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2013. –

Part I. – 156pp. 137

***We present the Theory of Law Chair of Stolypin Volga Region Institute
of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration 141***

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

150

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 2 (35)

Редакторы *Т.П. Иванова, Л.Н. Головченко*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2013 г., п. № 788

Подписано к печати 10.06.2013 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 12,90. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 500. Заказ 463.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 келлем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала

«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>